

Виктор Тарасов-Слишин

Ратибор. Капель первого круга

Леторический рассказ. Библиотека
Советской Литературы

Виктор Анатольевич Тарасов-Слишин Ратибор. Капель первого круга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48582739

SelfPub; 2022

Аннотация

Леторический рассказ «Ратибор. Капель первого круга», описывает жизнь славянских народов, издревле почитающих Поконы богов и устои первопредков, которые исконно проживали в родовых поселениях на просторах послеантичного мира. В котором обрели былинный почин, степенные богатуры, мудрые волхвари и диковинные василиски. Главным героем повествования является взрослеющий мальчик Ратин, желающий стать достойным продолжателем своего Тартарского рода.

Содержание

От автора	5
Предисловие	16
Глава 1. Античная быль	20
Глава 2. Лельные дары	32
Глава 3. Терем на заимке	45
Глава 4. Бегство из Тары	57
Глава 5. Велесовы псы	68
Глава 6. Василиск и Жарушко	86
Глава 7. Доспехи и стрельни	116
Глава 8. Заморский караван	136
Глава 9. Незванная тать	148
Глава 10. Неравный бой	162
Разъяснения по курсивным ссылкам	173
Боги Славян	219
Навыи божества	221
Прочие древнеславянские термины	223
Фотография в книге	228
Фотокопия документа	229
Обложка книги	230

Виктор Тарасов-Слишин

Ратибор. Капель первого круга

Леторический рассказ, это небольшое художественное произведение, которое по своему содержанию, с опорой на документальную летопись, народные сказы или былины, восстанавливает и раскрывает культурно значимые, особенности Славяно-Арийского мировосприятия и традиции Инглизма, поэтому обладает художественной гибкостью, для выражения мысли, современного автора.

От автора

Леторический рассказ «Ратибор. Капель первого круга», описывает жизнь Славянских народов, издревле почитающих Поконы богов и устои Первопредков, которые исконно проживали в Родовых поселениях, на просторах послеантичного мира. В котором обрели Былинный почин, степенные богатуры, мудрые волхвары и диковинные василиски. Главным героем повествования, является взрослеющий мальчик Ратин, желающий стать достойным продолжателем, своего Тартарского рода.

Во время написания рассказа, я опирался на наброски моего отца, Тарасова Анатолия Николаевича (1939-2012), который в начале двухтысячных годов, из за начавшейся затяжной болезни и последующей смерти, не смог закончить черновик, своей повести «Ратибор из рода Рыси». Таким образом, начало его несостоявшейся повести, по прошествии 17 лет, я переписал и опубликовал, как рассказ «Ратибор Южных Рысов», правда который, после доводки в 2020 году, получил своё окончательное наименование «Ратибор. Капель первого круга». Теперь об этом, немного подробнее...

Мировоззрение Анатолия Николаевича, моего отца, сформировалось в Хрущёвские и Брежневские времена, Грандиозной Советской Эпохи. Поэтому черновики и наброски, своих разноплановых, литературных произведений,

он начинал писать, руководствуясь Научной-популярной и Исторической Литературой СССР, изданиями которой, до сих пор, украшены литературные стеллажи, в нашей квартире.

В тоже время, Анатолий Николаевич, всегда восторженно отзывался, об историческом видении Славян – Бориса Ивановича Рыбакова, профессора Академии Наук СССР. Предположения и выводы которого, о достоверном расселении и античной культуре Славян, в 1960-х годах прошлого века, были по-настоящему революционными, поэтому не могли встретить поддержки, в русофобском Научном сообществе СССР.

После смерти отца, в свете новых археологических открытий, мои взгляды на античное прошлое Русского этноса Славян, подверглись серьёзной переоценке, поэтому я стал противником Исторической псевдонауки. Таким образом, во второй половине 2020 года, я повторно переписал данный рассказ, восстанавливая специфику «Витиеватого стиля» послепотопных Славян, которые в своём творчестве, опирались на «Высокий стиль» Азиатских Антов, потомков Славяно-Арийской Расы.

В настоящее время, я прекрасно осознаю, что Историческая

парадигма, деградации человеческого общества, навязана Народам земли. Более того, в послепотопные столетия, используя инструментарий Исторической псевдонауки, в сово-

купности с селекцией человечества в войнах и эпидемиях, наряду с прочими, Каббальными методами управления, Халдеи Нового Мирового Порядка, преступно подменили Инглиистический культ Славяно-Арийской Расы и Державный уклад жизни Славян, на религии порабощения и порочную Государственность.

Таким образом, однажды спрятав агрессивное начало, Ассирийского религиозного учения Каббалы в Исторической псевдонауке глобального обмана и ряде враждебных, духовных учений, они до сих пор, доминируют над Многонациональным человечеством. Кто такие Халдеи, иначе Глобалисты или жидомасоны, я раскрываю в конце книги, в разделе Терминологии. В котором даны определения *жидовства, масонства и глобального неонацизма, самобытного еврейского народа*, а также раскрыты понятия *инглиизма, латорического периода, латорического жанра и латорического повествования*.

В связи с вышеперечисленным, читатель может резонно поинтересоваться: «Тогда чем, должно начать, руководствоваться Международное человечество, в противовес Халдейской истории, Нового Мирового Порядка?». На что Славянский Культ – у – Ра или Первородной Инглии, даёт очевидный ответ: «Человечество должно избавиться, от рабовладельческого Римского Права и его Гаранта – Сионистского Ватикана, а тем более, от захватнического Морского права, аннексирующего территории, уничтожаемых народов, при

участии Организации Объединённых Наций, а Русскому этносу Славян, жизненно необходимо, сперва восстановить органы власти РСФСР».

Благодаря знаниям Державных Конов, в античном прошлом, потомками Славяно-Арийской Расы – Антами, которых иначе называют Моголами, была создана Первая держава Мидгард-Земли – Антская Азия, правопреемницей которой, в послепотопные времена, стала Славянская держава – Великая Тартария, позднее растерзанная Римской империей. Которая в образе Рыкающего льва, предъявила миру, стоящие за Коном Богов и Первопредков, преступные века Халдейской Цивилизации – Царства Царств. Во времена которой, людей начали разделять на Царей и царевичей, королей и королевичей, сапожников и портных, отбирая у низших сословий, плоды неквалифицированного труда и уничтожая недовольных в кровопролитных войнах и эпидемиях.

В наши дни, опираясь на опыт Славяно-Арийской Расы и Культ античного Инглиизма, мы должны сломать хребет Халдейской Империи порабощения и создать Новую державу Славян, устраивающую всех людей на земле. Поэтому наше переломное время, в котором происходит Перестройка Мировосприятия Славян и всего Многонационального человечества, осознающих преимущества Народопрания, я назвал Леторическим периодом, а своё произведение, повествующее о юноше Ратиборе, леторическим рассказом. Который помогает, моделировать летописную картину прошлого,

опираясь на артефакты, ведические первоисточники, былины и старинные сказания.

Новый Леторический жанр, задействуя приёмы художественной литературы, призван помочь, потомкам Славяно-Арийской Расы, восстановить скрытую в генах, Родовую память и стать инструментом возрождения, Национальной самобытности, Русского этноса Славян. В связи с чем, в повествовании есть множество старославянских слов и выражений, выделенных курсивом, с ярко выраженной Славяно-Арийской этимологией, не описанной в Исторической литературе.

По этой весомой причине, перед прочтением рассказа, имеет смысл, ознакомиться с их значениями и определениями, согласно списка, последовательно отражающего развитие сюжета, который приведён в разделе терминологии. Вслед за которым, идут дополнительные разделы: Славянские боги, Навьи божества и Прочие древнеславянские понятия.

В целях приближения рассказа к летописной достоверности, иногда высказывания автора, либо героев повествования, прописаны с Ведическим, Славяно-Арийским местоимением – Азь, вместо обезличенного Халдейской цивилизацией, местоимения – я. Все даты в повествовании, даются согласно Славяно-Арийского, летописного календаря, хотя в пояснениях, они переведены на современный, оккупационный календарь. При том, что читатель может сам, пере-

вести Календарные лета, в удобный для себя Григорианский календарь, отняв от Летописной даты 5508 лет.

Время в повествовании, описывается в Славяно-Арийских величинах, поэтому сутки разделены на 16 часов, а каждый час, включает девяносто Шумерских минут или 144, исконно-славянских части... Четверти суток, идут в неизменной последовательности: вечер, ночь, утро и день. Из чего, становится понятно, что начало новых суток, начинается в первый час вечера – паобедь, который соответствует 20 часам 30 минутам, в соответствии с современным, Шумерским типом счисления времени. Также нужно понимать, что если в повествовании, идёт речь о месяцах или неделях, то имеются ввиду Славяно-Арийские месяца, по сорок дней и девятидневная неделя.

Календарный год или Рамха-Инта, начинается в дни осеннего равноденствия 22-26 сентября, в соответствии с Григорианским календарём или с началом месяца рамхатъ, согласно Славяно-Арийской Традиции. Когда богиня Марена, вступает в свои права и открывает по-порядку, традиционное счисление Девяти античных месяцев – Нового круга Лета. Поэтому данный рассказ, описывает только Три, допотопных сезона: лето, оусень и весну, которые в интересах красоты повествования, названы цветом, знобой и лелей.

Несложно запомнить, что словом Цвет и его производными, обозначено цветущее лето, тогда как Знобой, или ненастной погодой, наступающей после озноба, названа сы-

рая и дождливая осень, после которой, происходит пробуждение природы, под присмотром рачительной няни, прекрасной Лели. При том, что сорокодневник лютого холода, Знобливой поры, приходится на Григорианские месяца – декабрь и январь, которым в Славяно-Арийской традиции, соответствует месяц бейлеть, насыщенный безветренными Карачунами, порождёнными Суровым дедом и Ненастной стужей, о приходе которых, извещает затейница Изморозь, невеста Морозко...

Понятие тела, которое характеризует физически мёртвый, биологически отработанный материал, применительно к живым существам, в повествовании не используется. Вместо него, применяется исконное, Инглиистическое понятие: «Живой, рождённой души!». Таким образом, бессмертное начало человека, которое в современном мире, ложно называют душой, в рассказе прописано правильно, в своём исконном значении атмы, живатмы или живы. Вот, понятный пример: «Моя жизнь от страха, в пятки ушла!». Что совершенно верно, так как бессмертная жива, любой души в мире яви, связана с кровотоком.

Несколько слов о себе. По воле Богов, Азь рождён живой душой и явлен Миру, после чего, записан Гражданином Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, в составе Союза Советских Социалистических Республик. Поэтому мне понятно, что Советский Союз был создан, Международными Сионистами, членами Централь-

го Комитета Коммунистической Партии, как условно-самостоятельное Государство, после поражения Российской Империи в Первой Мировой Войне и потери очередных Западных территорий.

После чего, дополнительно уступив Финляндию в 1939 году, СССР начал выплачивать скрытые, товарные репарации в пользу Англо-Американской коалиции, а в обмен на победу в войне, с фашистской Германией, поддержал начинания Халдеев-Глобалистов, по созданию Бреттон-Вудской финансовой системы, Федеральной Резервной Системы США, Всемирного банка и государства Израиль. Вследствие чего, после тайной капитуляции СССР, в лице предателя Родины – Михаила Сергеевича Горбачёва, над республиками СССР, были введены Надзорные, управляющие компании, извлекающие остатки сверхприбылей в пользу Транснациональных корпораций, вместе с сопутствующим, сокращением численности, Русского этноса Славян.

Вопреки враждебной деятельности которых, мне хочется высказать, три важных постулата: Во-первых, Азь защищаю свою Азиатскую Родину, как собственник земли, доставшейся Русскому этносу Славян от Российской Империи, Московского Государства, Киевского Царства Русов, Великой Тартарии и Антской Азии. Во-вторых, Азь обращаюсь к Международным Сионистам, осуществляющим противозаконную деятельность, в Управляющих компаниях на территории СССР, как гражданин РСФСР, в составе СССР, требуя

освободить оккупированные территории Советского Союза и не мешать Гражданам СССР, в реализации Конституционных Прав и Свобод! В-третьих, как наследный потомок Славяно-Арийской Расы, обращаясь к Халдеям Нового Мирового Порядка, Азь требую признания Прав Советских граждан, на владение Мидгард-Землёй!

Таким образом, Азь выступаю на стороне Граждан РСФСР, в составе СССР, требуя восстановления органов власти РСФСР, в составе СССР и защищаю свою Азиатскую Родину, как Многонациональный дом, для миллионов рабочих и крестьян, желающих восстановления Социалистического государства, построенного на принципах Дружбы, Равенств и Братства, процветающего во благо наших детей, внуков и правнуков!

Азь глаголю, от имени своего прадедушки Слишина Адама Николаевича, который родился в Российской Империи и был репрессирован Советской Властью! Азь говорю, от имени своего дедушки, Тарасова Николая Гурьевича, которой с оружием в руках, защищал Советскую Власть! Так как понимаю, что каждая смена правления и передела собственности, осуществляемая Халдеями Нового Мирового Порядка, разделяет потомков Славяно-Арийской Расы, попутно лишая Поконных территорий и остатков, имеющихся свобод.

Предвосхищая будущее, мне хочется надеяться, что Последний передел собственности, устроенный Глобалистами для выкупа государственной собственности в международ-

ных концернах и корпорациях, для чего, посредством производства и распыления вирусов, остановлена Мировая экономика, закончится для них, Международным Трибуналом, а восстановленный в правах Советский Народ, откажется от порочных основ Государственности и Римского права, расстроившись до статуса Народной державы, которая станет наглядным примером, для Многонационального человечества.

Леторический рассказ «Ратибор. Капель первого круга», написан для того, чтобы показать нашим детям и внукам, необъятное Величие, Послеантичных земель, принадлежащих Великому множеству Славянских народов! Которые хранили Культ Первородной Инглии и проживали в Державном Народоуправлении! В том числе, повествование заостряет внимание читателя, на факте того, что Мидгарт-Земля досталась Русскому этносу Славян, от Первопредков Славяно-Арийской Расы и не может быть отнята! Ни надзорными корпорациями Международных Сионистов, действующими на территории СССР, ни Англо-Американской коалицией Халдеев Нового Мирового Порядка, ни Законами Римского, Морского, либо Торгового права... Просто нам, нужно это осознать, а затем реализовать комплекс, грамотных ответных мер!

Леторический рассказ «Ратибор. Капель первого круга» посвящён Многоумным Первопредкам Славяно-Арийской Расы, которые проживали на просторах Даарии, а также всем

нашим предкам, шурам и пращурам, рождённым в Антской Азии, Великой Тартарии, Царстве Русов, Русском Государстве, Российской империи и СССР. В том числе, моему прадеду, латышу по национальности, Слишину Адаму Николаевичу, 1881 года рождения, уроженцу деревни Комугрива, Лютенского уезда, Витебской губернии, который после переезда в деревню Конок, Канского уезда, Енисейской губернии, стал зажиточным хлеборобом и вольготно жил в Российской Империи.

Именно поэтому, во время Халдейских репрессий в РСФСР, его жена Казимира Антоновна, выставленная из дома, лишённая хозяйства и имущества, умерла от голода, пока он сам, больной менингитом, отбывал наказание в БАМ-лагере НКВД, не дожив до расстрела, своего сына Бронеслава. Тем не менее, Адам Николаевич, некогда вольный Славянин, вплоть до своей смерти в 1946 году, умирая на руках дочери Розы, остался в душе, верноподданным Российской Империи.

Завершая своё вступление, я хочу пожелать читателю добра, хорошего настроения и приятного чтения!

Предисловие

Ведают Славские народы, со времён *Антской Азии* и *Великой Тартарии* о бессмертии *атмы*, которая лишь на время, ко вместилищу души приставлена. Потому *оралят мирно* и живут праведно, *в ожидании рождений новых, богиней Карной, мудро ниспосылаемых*. Засим, по смерти *душ православных*, атмы отрываются от бренной земли и разноцветными светлячками, устремляются ввысь, кружась вокруг ниспадающих золотых ручейков, удивлённо разглядывая Хляби небесные, которые в пространстве междумирья, сливаются в серебристые реки, звёздных дорог...

После чего, осилив извилистый и долгий путь, они достигают истока Сварожьих гатей и переходят *Небесный мост*, возвышающийся над бездной, первозданного хаоса. За вратами которого, начинается широкий Млечный путь, ведущий ко множеству *Миров прави*, туда, где возвышаются столпы познания Первородной инглии, Поконов богов и Вселенского равноправия! Правда, только живы волевые и честные, преодолев порубежные врата, восторгаются открывшейся лепотой Кисельных берегов, тогда как алчные и хитрые товарки, вдруг ярко вспыхнув, превращаются в белесые угольки и невесомо падают в Миры тёмной нави, где правит жестокий Зверь Скипер!

Тем не менее, мужественно преодолев тернии Золотого

пути, рой любопытных странниц, быстро сходит на нет и разлетевшиеся живы, начинают радостно обживать в приглянувшихся мирах, тогда как некоторые из них, вдруг возносятся к вершинам *Небесного вырия!* Где расселившись в благоухающих садах, они рассудительно проводят дни, в поучительных беседах со всезнающими *легами*, да между прочим, тешатся трелями ирийских птах, обретая безмятежный покой...

Временами случается так, что живы строптивые, пролетая над бухтами лазурных морей, ныряют в морские пучины и бесстрашно пируют, в глубинах вырьих океанов, коими правит Грозный царь Ний! Правда более всего, животмам по нраву, водить дружные хороводы на Кисельных берегах, возле Молочной реки Ра, утоляя жажду познания, водами Поконной мудрости, да восторгаясь Светлым простором...

Необъятное мироздание вселенной, олицетворяет Исполнское дерево жизни, которое своей кроной, возвышается в Мирах Прави, венчая Горы священного Вырия, а могучими корнями разрастается вниз, достигая Пекельных миров. Во древе которого, на зарнице времён, по воле бога Рода – Великий кузнец Сварог, как его Первородный сын, был удостоен чести и выковал Явный мир, во множестве твердынь *видимой сварги*, где расселил жизнь и подобных богам, *людей Свастики*. После чего, в рукаве одного из звёздных скоплений, он зажёл Ярило-солнце в окружении верных друзей, коих он выправил на Божественной наковальне и закалил в

водах Инглии, общим числом в Двадцать семь Земель...

С тех пор, под приглядом Числобога, в своём величественном многообразии, Вселенная развивается и процветает, вместе с удивительной жизнью, на прекрасной спутнице Ярилы-солнца, под названием Мидгард-Земля. В студёных небесах которой, в который раз, началось лельное преобразование. Когда после полуночи, Стрибожий внук – Ветровей, вдруг пробудился после сладкой дрёмы, навеянной тёткой Мареной и позёывая, медленно потянулся, нависая насыщенными облаками, над заснеженными полями и дремучими лесами, при том, добродушно поигрывая тёплыми ветерками, коими прогнал остатки сна, да *пятую неделю, знобливого месяца гейлетъ*.

Вскоре пригрело, да так живительно, что замёрзшая Мать-Сыра Земля, встрепенулась разом и с поклоном, пригласила могучего Ветровея с помощниками, погостить во дворце. Поёлику *давеча*, молчаливый дед Карачун, вежливо откланялся и в сопровождении внучки Снегурочки, удалился *почевать*, а следом за ним, нехотя подалась прочь, обрыдлая сестрица Знобинушка... Правда после того, как вежливо повременив *неделимую девятицу*, Матушка Сыра-Земля, настоятельно распрощалась с опостылой гостьей.

Засим, хозяйюшка в нетерпении, скинула *Знобливые наряды*, да лишь в одной, бережной сорочке на душе, пошитой Ладой в небесных хоробах отца Сварога, поспешила в *Лельный чертог дворца*, в котором на крытых скатертью сто-

лах, она внезапно зардевшись, разглядела любовно разложенные подарки, рачительной сестрицей Лелей, приготовленные. Где посреди множества диковинных прибитков, затейливо поблёскивали перстни, серьги и ожерелья с капельными самоцветами, которые искусно оправил в Ярилино золото, отрок Капель, а как особое подношение, в пояс кроенное и ладно пошитое, на Державном троне разложенное, её поджидало украшенное зелёными полями, да лазурными родниками, *Плодородное платье!*

Налюбовавшись вволю, редкостными дарами, довольная Землица-Матушка, приобняла и расцеловала, рачительную Лелю и лучезарной улыбкой, одарила своего племянника Капель, засим по древнему устою, она отправила их возвещать, по Славским городьбам и весям, о своём пробуждении. После чего, готовая к преобразованиям, как истая Мать-Сыра Земля, она осанисто присела, пред обширным зеркалом и начала наряжаться. Тем временем, великое множество *Православного люда*, за приметив Лелю на стезях, да в поселениях, радостно кланялись и приговаривали: «Хвала Ладе и Сварогу! С тёплыми новостями, богиня Леля пришла, да Капель привела! Хей, Рысичи! Хэйлеть – Лельный – Краса! Зноба нынче ушла, отворяй ворота!».

Глава 1. Античная быль

После знобливой поры, с приходом лели, Азь каждый раз, сердечно восторгаюсь живительной капелью, обильным цветением подснежников и полевых жарков. Что заприметила, мудрая прабабка Глая, по прозвищу «чёрмная», которая по достижении мной, двенадцати лет, во время обряда имянаречения, тихо прошептала: «Внимай Ратин, да храни в тайне, отныне известное Сварогу и покровительнице Леле, посвящённое пращурам Рысьих родов, своё проявленное начало, поскольку я нарекаю тебя, сыном возрождения жизни, по имени *Капель!*».

Конечно, такой ответственный обряд, в соответствии с незыблемой Славской традицией, должен был проводить мой отец Казимир или дед Мирослав, но три месяца назад, они погибли в поселении Тары, защищая мирных жителей от *Колхидской тати*. Поэтому, вопреки запрету, на участие женщин в таинстве наречения, Глая посвятила меня богам, как ведающая мать и известная в прошлом, верховная жрица.

Именно тогда, накануне посвящения, в конце цветущей поры, я по древней традиции, покинул дом и рыскал по лесам, в полуголодном одиночестве. Изо дня в день, кошмарно вспоминая, гибель *Западно-Тартарских Рысичей* в родимой *Таре*, пока не поклялся богам и предкам, что стану

искусным воем, создам семью и восполню утраты Тарского рода! Только после этого, к вящей радости, я подстрелил кабана и заметил узкий лаз в скальном уступе, который заканчивался небольшой пещерой, годной для ночлега. После чего, я нажарил жирного мяса и сытно поел, а вечером пролез в надёжное укрытие и безмятежно заснул.

С тех пор, минуло четыре лета, правда только сейчас, я сумел связать воедино и представить воотчию, череду горших, давно минувших событий, послуживших истинной причиной, смерти моей родни и Тарских поселян. Благодаря тому, что в детстве, я запомнил три важных былины, речённые дедушкой Мирославом, об античных временах и его служивой жизни, во благо Великой Тартарии. Вот была первая...

В стародавние времена, после того, как огонь с небес погубил Античный мир и Могольских антов, а наша Держава – Великая Тартария, как правопреемница Антской Азии, не смогла удержать Вселенскую власть и начала терять, окраинные земли, родился мой прадед Ратибор. Который начиная с детства, часто слышал от старцев Красного яра, что в окраинных землях державы, начались волнения и смуты, разжигаемые Халдейскими проходимцами, выходцами из Междуречья. Некими сероликими и коварными рабами Мардука, Баала и Тиамат.

Предки которых, на закате античных времён, дружелюбно селились в многочисленных богатых городах и селениях Мидгарт-земли, среди равноправных народов Азии, нахва-

ливая Античные дворцы моголов, резные терема крестьян, цветущие сады и плодородные земли. После чего втайне, от странноприимных хозяев, они начали творить, непотребства коварные и наступила Державная пагуба!

Потому что халдеи, привычно нарушая, свои мирные обещания и следуя Кабальным принципам, паразитической наживы, начали наводить порочный морок, на жителей добрососедских земель. Повсеместно искореняя в *азиатах*, чувства бескорыстной взаимопомощи, крепкой дружбы и древнего родства, а взамен, взращивая в их сердцах, ядовитый посев непримиримой ненависти и злобы. При том, искусно добываясь их взаимной гибели, в междоусобных войнах!

Для того, чтобы сперва, продавать враждующим родам, оружие гибели, а по их убиенной смерти, лицемерно скорбя, зарабатывать на погребениях. Пленя, во сырой земле, вместе с червоточащими телами, рвущихся к мирам правы, стенающих жив! Между прочим, довольню потирая руки и алчно присваивая, опустевшие дома и бесхозное имущество, которое теперь, они могли законно продавать или переуступать в долг другим, наивным народам земли. Великое множество которых, эти пришлые душегубцы, начинали продуманно готовить, на жертвенное заклание, во славу *Лунных богов* и своего безбедного существования, приучая к стяжательству, порочности и взаимной ненависти...

Выходцы из Месопотамии, намеренно погубили, окраинные поселения Азиатской державы в *Африканской Варварии*,

Айгюптосе, Тайланьской Аюттае, в приморских владениях Айнов и горах Чавинцев, подвели Античный мир к неминуемой гибели. После чего, цинично обирая и коренное население индейцев, они начали обживать в *Шаенских угодьях Колорадо и Ленапских землях Маннахаттана*, немислимо богатея и прирастая в числе, как песок морской! Продолжая повсеместно губить, умело разобиженныe и предусмотрительно разделённые, индейские рода...

Во времена детства, моего прадеда Ратибора, алчные бродяги, добрались до Западных и Южно-центральных земель Великой Тартарии, в которых подкупом, лестью и войнами по местам, взамен Исконного народоправия, насадили *Законный гнёт*, а затем усадили свои седалища, на императорский трон! Теперь я поведаю о том, каким образом, халдейская червоточина сгубила народоправный, послепотопный мир, после чего настала година самоуправства, их Ромейской империи.

Как-то раз, возле побережья Инглянского коганата, пришвартовались галльские суда, перевозившие лицемерно нуждавшихся Шумерских кочевников, которых мирные островитяне, дружелюбно пригласили за Круглый стол соправителей, во главе Артура из Камелота. Предоставив им равные права, наряду со всеми народами, в землях Инглии. После чего, пришельцы вошли в курс дела, а затем *вероломно разрушили Кельтский союз и провозгласили, о создании Ромейской империи!*

Похожим образом, только несколько раньше, в Южно-центральной каганате Великой Тартарии, во главе *города Мира*, пришлые племена Киенгизов, погубили державную власть и насадили невыносимые, Государственные порядки, угнетающие исконное население Этрусского этноса Славян...

Не менее трагичные события, произошли во Царьграде, который возвышается на Священных холмах. Где высокомерные Саддукеи, сперва царственно возвысили себя над Ессеями и Фарисеями, а потом захватили полную власть, провозгласив себя Храмовниками и *ревнителями Пятикнижия*, продолжая усердно истреблять, потомков Антских основателей.

Таким образом, ожесточённые гордыней и развращённые служением богу Ягве, а более всего, своей бездонной мощне, они не пожелали слышать Православных увещеваний, волхва Тартарского – Радомира Странника, но в назидание его вольнолюбивым родичам, умертвили его...

В те лета, Киевским каганатом Великой Тартарии, правил Олег, прозванный в народе Вещим. Который после убийства волхва Радомира, праведно осерчал и *в лето шесть тысяч четыреста пятнадцатое*, рассадив войско великое по ладьям, двинулся войной, на нечестивый град! Правда по прибытии, он великодушно пощадил, сдавшихся Ромеев, но обложил их брэнной данью, во славу Скотьега бога – Грозного Велеса. После чего, лицемерные Пятикнижники храма, за-

таили ненависть великую, на все Тартарские племена и придумали учения новые, дабы пуще прежнего, поработать народы Мидгард-Земли. Только сперва, они *затеяли извести* потомков Расы Великой!

Такое учение морока, для одурманивания, поработения и уничтожения вольных Славян, придумал и записал в виде книг, их учёный мудрец, известный поныне, как Савл из Тарса. Засим, хитрые Пятикнижники, обучили доверчивых мирян, не понимающих скрытой сути, пагубного учения, верить его поверхностным и хорошо известным, добропорядочным постулатам, а затем облачив блаженных добровольцев в чёрные рясы, отправили проповедовать в Тартарские земли. Выдавая религию погибели, за якобы глаголенное волхвом Радомиром, новоявленное учение добра и благостного смирения...

Вскорости, увещевая о Новом учении, устами Правь отцов предавших, искренне заблуждающихся проповедников, коварные Храмовники, добились первых результатов. Заполучив новоявленных христиан в Царьградском, Корсуньском, Киевском и Суздальском каганатах, среди легковерных Тартарских крестьян! После чего, воодушевлённые успехом нечестивцы, в сговоре с посвящёнными, титулованными чернцами, стали не только *елейными речами*, добиваться благосклонности Славских мирян, но также подкупать придворных, не жалея погибельного злата.

Заслышав о таких переменах, прочий народ Тартарский,

недовольно роптал и приговаривал: «Напал Змий тёмной нави и губит детей Рода небесного, во Сварге пречистой! Храбрые богатуры и светлы молодцы, секут ему головы, да на местах оных, по две новых вырастает! Пришла тать чернорясная, на погибель наша!». Время шло, многие западные и юго-западные коганаты Великой Тартарии, погубила неуёмная жадность, назначенных там правителей. Которые, будучи прикормлены и одурманены христианскими проповедниками, начали повсеместно отдаляться, от своей матери – Великой Тартарии и провозглашать себя, поместными царями и королями.

Вот почему вскоре, в обмен на деньги, под покровительством Триумvirата Романской Империи, состоящего из Королевского Престола Давида на Кельтских островах, города Рима в Этрурии и Византийского царства, паразитирующего на наследии Царьградских антов, управители окраинных каганатов Тартарии, заложили свои народы в бессрочное рабство!

После чего, растущие в сытном числе, надзиратели Новой религии, вместе с семьями и прочей прислугой, начали селиться во Славских кумирнях и капищах, перестраивая их, для своих потребностей. Подотчётно сжигая и превращая в пепел, истуканы инглии и книги Тартарии, да в религиозном иссуплении, предавая анафеме, Поконы древних богов и Первопредков Славяно-Арийской Расы. Засим, раболепно заискивая перед богом, своих неведомых хозяев, они за-

интересованно увещевали, одурманенных крестьян, принимать Ромейский закон и со смирением, отдавать господам, не забывая о церкви, имеющийся урожай! Богоугодно живя, в почётном голоде и благостной нищете...

Несмотря на окраинные потрясения в державе, мой прадед Ратибор, благополучно вырос в Туранском ханстве, на берегу полноводной *Гилисси* и без сомнений, присягнул на верность Великой Тартарии. После чего, поехал служить в Тмутараканьский каганат, где прожил всю жизнь, а когда состарился, собственноручно написал сопроводительную грамоту, своему сыну Мирославу, которого отправил, для потомственной присяги в Верховный Совет, заметно ослабшей Тартарии. После трёх месяцев отсутствия, когда Мирослав Ратиборович, воротился домой в Тамтарху, то предстал перед отцом, в чине Тартарского посла, что подтверждал выданный ханом, верительный ярлык и получив печать, приступил к обязанностям.

На следующее утро, в сопровождении Мирослава и почётных свидетелей, вместе с верительной грамотой Верховного Совета Тартарии, он предстал перед правителем Тамтархи и во всеуслышание, зачитал Велико-Тартарское, ханское волеизъявление! Гласящее о том, что ему дозволено, выстроить Посольское поселение, в отдалении от сего приграничного града. Которое будет удобного, для независимого жительствова послов Тартарии, перед посещением отдалённых, заморских земель...

Такое нововведение, потребовалось из-за того, что ослабленная в западных владениях Тартария, была вынуждена оставить, исконные земли в *Антском Царьграде и Малой Тартарии*. После чего, приморская Тмутаракань к стыду *детей Тарха Перуновича*, также перешла под покровительство Константинополя и была переименована в Византийскую *Тамтарху*. Потеря портового города, важного для оживлённой, международной торговли, вынудила Совет Тартарии, пойти на такой унижительный, но упреждающий негативные последствия, неизбежный шаг...

Вот почему Мирослав, в сопровождении отца Ратибора и матери Глаи, во главе родни и друзей, общим числом о сорока душ, вышел из Тамтархи и направился вдоль скалистого побережья, к известной рыбацкой бухте, пригодной для строительства нового, Посольского поселения, державной Тартарии. Между прочим, бережно прижимая к груди, припрятанный за пазухой *Посольский ярлык*, державную печать и мешочек с казной, как новоявленный поселковый староста и *бессменный казённый муж*. Который отныне, как никогда прежде, стал первостепенно необходим, своей много-страдальной Родине, для ведения приграничных дел и отправки важных донесений.

Таким образом в *лето шесть тысяч шестьсот тридцать четвёртое*, на берегу Рысьего моря, было основано наше родовое, Посольское поселение Тары, которое с привлечением вольного люда, спешно расстраивалось и благоустраива-

лось. Поскольку Державный Совет, ожидал череды новых потрясений, на западных рубежах Великой Тартарии. Ввиду того, что *олонес* на престол мятежного Киева, сел заморский ставленник Ромеев – Гарольд Говидсон, сын Гиты Уэссекской и внук Англо-саксонского короля, Гарольда Второго, крещёный христианскими чернцами, в услужение богу Ягве. Известный в дальнейшем, как Мстислав Владимирович Великий, *правление которого, обещало быть разрушительным, для державных основ, в землях Рысичей.*

Начиная с тех, памятных пор, наше поселение Тары на морском побережье, стало прирастать численно, народились родичи и мой отец Казимир. При том, что среди пришлого, испросившего разрешение на поселение, разного люда, были греки из Тамтархи, недовольные гнётом, из-за возросших Византийских податей, а также беглые *половцы*, вырвавшиеся из *агарянского рабства*. Помимо державных дел, в Таре процветало рыбацкое дело и что особенно не понравилось, новоявленным правителям Тамтархи – начала успешно процветать, приграничная с Византией, беспошлинная торговля!

Поскольку через поселение Тары, купцы в чине послов Тартарии, беспошлинно сбывали в Византию изделия металлургической промышленности, драгоценности и пушнину, а на обратном пути, проживая в посёлковом кремле, набирали молодёжь рысичей и греков, для работ в копиях и металлургических плавильнях, на рудниках и железоделательных

заводах Тартарии. Коих всегда, было великое множество за *Репейскими горами и Яиком*.

В лета *отрочества*, мой отец Казимир, трудился в поселковой кузнице, осваивая приёмыковки, под началом пришлого половца, по имени Котян. Который после трапезы, по своему обыкновению, зачитывал отрывки, из обветшалой книги Антской летописи, повествующей о первопредках Славяно-Арийской Расы, напутственно приговаривая: «Запомни, родич Козя! В пречистой Сварге, что Половец, что Великий Тартарин, ако Рысич, по крови единокровные и единокровные братья, начиная от Славских первопредков, прибывших из чертогов Свастики!».

Вот почему Котян, вопреки крепчающей Византийской унии, во главе, господствующих Агарян и своевольных каганатов Колхиды, Киевской Руси, Половцев и Московитов, принимающих христианство и вероломно действующих, супротив Велико-Тартарского Державного Единства, по своему разумению, рода Славян не делил! Что по достоинству оценил, мой дед Мирослав и когда подошло время, охотно сочетал дочь Котяна – Милаву и Казимира, добросердечно и полюбовно!

Правда сперва, всем *поселковым скопом*, они выстроили добротное, сосновое капище Тары – нашей Даарийской богини. В котором довольные *родичи*, скрепили Небесный, Православный Союз, моих родителей и вскоре родился Азь.

Впоследствии, после череды горьких событий, мое счаст-

ливое детство в приморской Таре, сменилось на юношеское взросление в северо-западных землях *Галатских родовичей*. В которые мы бежали. Вот когда, прабабка Глая, прекратила окликать меня *челом* и стала величать Ратином! Так что, желая соответствовать, звучному имени прадеда, я стал проявлять упорство и начал выполнять, ряд обязательных, ежедневные упражнения, для усиления мышц и развития ловкости. Твёрдо решив стать, потомственным богатыром, чтобы в случае опасности, защитить от неожиданной тати, свой новый дом, будущую семью и *родовичей*...я

Глава 2. Лельные дары

В *настин*, *ночной час*, перед восходом Ярилы, тёплый воздух остыл и укутал лес, белесым туманом. В котором глохли лесные шорохи, мои шаги и скрипучие голоса, невозмутимых леших.

Поначалу, Азь двигался тихо вперёд. Не обращая внимания на влажные, прилипшие к разгорячённой душе, льняные одёжи. За что в награду, *Святобор* дозволил мне, слышать плёс озёрных русалок и краем глаза увидеть, как в придорожных кустах, шевелятся строптивые *мавки*. Принимая лесной порядок, я хоронил взгляд в ноги, если замечал, что из-за мшистых стволов, на меня начинают зыркать, недовольные деревянницы. Не сомневаясь в том, что *навьи* создания, прознали о моей провинности, перед Велесом и строго глаза, молчаливо винят...

Вначале пути Семаргл уверенно бежал впереди, *выбирая торну*, однако в плотном тумане, растерял нюх и недовольно пофыркивая, затерялся в тыл, уступив мне право, самостоятельно находить, верный путь. Засим, присматривавший за псом и ехавший поверх заплечного короба, невозмутимый кот, нырнул ко мне за пазуху и пригревшись, затих. Таковы мои помощники, постоянные спутники и благодарные слушатели. Которым в дороге, как повелось между нами, я начал выговаривать...

– Други мои! Ведь неспроста, в нынешний сороковник, я не могу стрелить дичи, за ради нашего пропитания, а всё потому, что Велес осерчал и посылает навет! Наказывает за то, что нежданно-негаданно, столкнувшись в непримиримой брани с оком янным – Горным василиском, Азь уготованную *планиду* принял, но нечаянно победил! Так пошто бог доныне, за своего навьего соглядатая, *сиречь* сердится?! Ведь тот, напал первым!

В ответ, послышалось тихое мурчание Питина: «Верррно, сердится незачем». Вскоре глухой лес, сменился редющим полесьем, а затем пошли насаждения шиповника, ограждающего круг Перуновой поляны. Впрочем, которые быстро закончились и под ногами зашелестела, молоденькая мурава. Туман рассеялся и мне открылся вид *Навьего капища*, с круглой крышей, покоящейся на шестнадцати дубовых столпах и центральной, возвышающейся опорой, в виде рублёного искусными мастерами, Четырёхликого и семиглазого истукана!

Возле каждого лика, возвышались вросшие в землю, *алатырные камни*. Выглаженные по верхам, до зернистого блеска, великим множеством выставляемых даров, подносимых богам в соответствии с широко известным, неписанным правилом. Которое гласит, что перед ликом Велеса, *волоти укладывают утром*, на алатырный камень с восточной стороны, а одноглазой Марене, дары преподносят вечером, после заката Ярилы-солнца и складывают на западный алатырь.

При том, что особый *порядок кровной жертвы*, надобно соблюдать для благосклонности Зверя Скипера и Чернобога! Коим убиенные дары, выкладывают на алатырные камни Полуденного зноя и Полуночного холода.

Под крышей капища, на кружных вешалах, я разглядел пушные дары и сыромятные кожи, промысловым людом привязанные. *Коих* превеликое множество, как еженедельный прибыток, ближники Четырёх богов, во строгости прибирают, а затем кудесникам, для благих дел и прочих житейских надобностей, во град Листвень отвозят.

Ступив под навес, как положено с востока и приблизившись к многоликому истукану, Азь сдержанно поклонился, а затем облегчённо скинул, тяготивший заплечный короб. Из которого достал, семейные подношения. Кожаный мешок с прибытком особым, супротив малых паразитов, бесцветным зельем натёртый. Три берёзовых тuesка, загустевшего Микулиного мёда и кувшин с лечебной, Глаиной медовухой, а после того, как я подстелил расшитый *рушник*, то добавил на алатырь *ковригу хлеба*, жмень сухого гороха и кус солонины.

Теперь настал черёд, показа важного подношения. Посему робея, я развязал горлышко кожаного мешка и вытащил на пересуд божий, пушистую шкуру, *карачунистого рыса!* Которую расправил в руках и медленно обнёс, вокруг допотопного жертвенника, показав Навым богам. Искренне полагая, что для примирения с Велесом, подарка достойней и краше, мне не сыскать. Поёлику в нынешний, студёный ме-

сяц гейлеть, я выследил и справедливо стрелил, сего известного родовича, повадившегося Глаиных кур промышлять!

Однако в прочих обстоятельствах, лишать жизни вольного рыса, иначе называемого пардусом, во Славских землях, не принято. Поскольку он, вместе со степным леопардом, Чавинским ягуаром и хиндустанской пантерой, является потомком Снежного барса, которого в *доантичные времена*, привезли на Мидгард-землю, *из лесов Деи и Орея*.

Хотя издревле, сей вселенский зверь, проживал на Ингард-земле, во владениях Дажьбог-солнца. Что доподлинно известно, из Трёхугольной книги антов, вместе с тем, что Родина белого человечества, находится в Небесных чертогах Коровы Зимун, Финиста Ясного Сокола, Лебеда и Рыси.

При сём знании, *после гибели луны Лели и затопления Даарии*, возникло античное поверье о том, что атмы Первopедков Небесной Расы, в облике Белоснежного барса, начали помогать богам, оберегать Вселенский порядок. После чего из Высоких гор священного Вырия, на равнины Мидгард-земли, стали ниспадать Девять священных рек, а образ Белого пардуса, в самоназвании Славских народов, стал необычайно почётен и распространён.

Поэтому из поколения в поколение, в мировосприятии Славских родов, крепло понимание того, что животное Ингард-земли, связанное древним родством, с человечеством Мидгард-земли, имеет полное право, на неприкосновенное существование.

Вглядываясь в грозный лик, бородатого Велеса, мне захотелось узнать, а за какие проделки, он покарал рыса земного, лишив хвоста?! Конечно, задать сей вопрос, я не осмелился, прекрасно понимая, что праздно вопрошающих, бог не терпит. Так что, бережно прибрав шкуру в надёжный мешок, я крепко его подвязал, к капищным *вешалам*.

Между прочим, обратив внимание, на приноживающегося Питина и облизывающегося Семаргла, я нахмурился, а затем махнув рукой, в сторону одинокой сосны, попенял обоим: «Не для вас, мои лохматые друзья, оные заедки выложены. Ступайте в полесье и покуда надобно, меня там обождите». Более не мешкая, я преклонил левое колено и взирая на резную ипостась Скотьего бога, начал изрекать...

– *Исполать* тебе, древний и мудрый бог! Азь вопрошаю со смирением, отведи гнев свой и позабудь великодушно, нечаянную гибель *Горнего василиска*. Поёлику в тот безмятежный час, заслышав раскатистое биение, невидимых крыльев, я лишь недоумённо встревожился, а в следующий миг, вельми спужался! Глазея на вылетевшего из-за дуба, огнедышащего *аспида*, который *без обиняков*, харкнул в меня, испепеляющим огнем! Вот почему защищаясь, я выстрелил в него и сразил, попав в синее око...

– Мне хорошо известно, что крылатых аспидов, ласкающих твой взор, со времён Древнего мира, теперь на Мидгард-земле не сыскать, но ведь содеянного не вернёшь?! Засим, ты прими по совести, мои дары и *волоти*, которые пу-

щай зрят, видоки твои. Твари явные, како навьи лешие и водяные... Коих во множестве, Азь созываю во свидетели!

Завершая *побранное прошение*, я трижды поклонился Владетелю горных змиев и трепетно попросил: «Только не отмалчивайся, Родович грозный! Подай знак, ведь мне не ведомо, простил ли ты – мя?». Потянуло прохладой. Ветер зашумел в вешалах и сорвался вниз, как будто некто, здесь незримо присутствующий, вдруг примирительно вздохнул. насыщая капищный воздух, терпким ароматом хвои, с примесью цветочного разнотравья, от которого моя голова, пошла кругом! После чего, медленно приходя в себя и теряясь в догадках, я изумлённо подумал: «Неужели Скотий бог, знак подаёт?!».

Азь вышел из капища и направился в полесье, подспудно тревожась о том, пришлишь ли, суровому богу по нраву, наши заедки и подношения. На подходе к лежанке друзей, коротавшим время, подле раскидистой сосны, меня вдруг озарило, как оное вызнать! Радостно улыбнувшись и указав пальцем, на макушку дерева, я просительно молвил: «Известное дело, что вы заждались меня, но обождите ещё немного, пока я погляжу свысока, явился ли зверь лесной, али прилетела птица небесная, отведать лакомств божьих?!». Засим, я поспешно скинул заплечный короб и *векшей* взвился на сосну. Где выбрал надёжную ветку и затаился, осматривая Перунову поляну и Навье капище.

В лучах алой зари, огненная мурава вспыхивала разно-

цветными красками, отражаясь во множестве капель, луговой росы. Родная ширь, открылась мне в утреннем великолепии, а лесные птицы, встречая Ярило-солнце, защебетали наперебой, громкой многоголосицей. Восторгаясь окружающей лепотой, я с неослабевающим вниманием, ожидал божьего знамения.

Азь тревожился: «Примет ли скотий бог, моё подношение? Ну а ежели примет, то в каком обличье? Пришлёт к заедкам *могучего бера*, али *Священного волка*, а может наперёд, скормит волоти *птаху* небесному?». Вскоре, из окаймлявших поляну кустов, высунулся чей-то, приносящийся носишко, а затем показались любопытные глазки, на плутоватой мордашке... Приглядевшись внимательнее, я благодарно помыслил: «Ага! Скотий бог Елизавету Патрикеевну отправил, дюже рыжую, ако Жарушко!».

Посунувшись вперёд, гостыя задирала нос и ловила запахи, после чего, попятившись назад, пряталась в спасительный кустарник. Проделав несколько раз, похожее действие и убедившись в своей безопасности, лиска ринулась вперёд, стелясь по мокрой мураве! Посему её пышная шкурка намокла и потемнела, а шикарный хвост превратился в ошмётток ветоши, который волочился следом, мелькая белесым кончиком.

Когда она забралась под навес, то поднимаясь на задние лапы, проворно осмотрела алатырные камни и обнюхала расставленные заедки, а подле жертвенника Зверя-Скипера, ис-

пуганно наострила уши и настороженно облизала, свой чувствительный нос. Почуяв неладное, осторожная лиса, вскочила на алатырь Скотьега бога и выхватив кус солонины, подалась вон! Мелькнув кратким сполохом, в огненной мураве.

Получив хорошее предзнаменование, я воспрял духом и спокойно слез вниз, по раскидистым веткам, тенистого дерева. Возле узловатых корней которого, лежали мои ушастые друзья и выжидательно глазели на меня. Вернее сказать, Семаргл лежал на ковре из рыжей хвои и добродушно повиливал, своим неутомимым хвостом, а поверх его длинной и густой шерсти загривка, разлёгся привередливый Питин.

Беспардонный кот, заглянул мне в глаза и нетерпеливо профырчал: «Теперь фсё?». На что в ответ, утвердительно закивав головой, я радостно ответил: «Велес принял дары, теперь поспешим домой! Пойдём напрямки, сперва как обычно, вдоль Перунова дуба, а вот далее, минуя кружную дорогу, двинемся по торне, через средний холм. Поёлику в сей час, меня Гляя Монионовна, за важной заботой, в горнице дожидается».

По пути домой, мне вспомнилась Вторая быль, рассказанная дедом Мирославом, о моём прадеде Ратиборе и его побратиме Микуле. Из которой, мне доподлинно известно, что они оба, выходцы из Древнего рода Рысичей, который почитает Даарийскую богиню Тару и прибыли в Тмутараканьский каганат, на державную службу *из престольного Красно-*

го Яра, со священных берегов Гилисси, олицетворяющей просторы Туранского Ханства.

По прибытии в Тмутаракань, на место службы, крепким и видным молодцам, исполнилось по двадцать четыре лета, что подразумевало наступление полной, возрастной самостоятельности. Посему *Сколотский* князь Борислав, охотно взял парубков, в своё державное войско и двинулся пограничным ходом, в отдалённые земли. Которые раскинулись за морями, на юго-западе от нашей Азиатской Родины, а в прошлые времена, были вотчинами Великой Тартарии.

На чайках лёгких, поплыли они, вдоль берега Рысьего моря, которое эллины именуют Эвксинским, а некоторые Тартарские рода – Чёрным и минув скифскую Тавриду, подошли к устью реки *Истр*. В верховьях которой, проплыв земли Даков и Фракийцев, они оставили лодки. После чего, пешим переходом, дружины вышли к берегам Срединного моря и одолжив ладьи *Мезийских родовичей*, пересекли его, в южном направлении.

Благополучно вступив на берега, нашей разграбленной Варварейской вотчины, которую теперь, многие народы называют *Айфионией*, дружины отправились в *жаркие земли, родовичей Кметов*, но минуя оные, двинулись ещё дальше, желая достичь богатых земель *Офира*. Как они в том походе, своих немногочисленных коней сохранили, я до сих пор не ведаю?! Однако сберегли, а на обратном пути, помогли гостеприимным Мезам, от Ромейских менял и ростовщиков,

закабальявших жителей в прибрежных городах, избавиться.

Долгие лета, воевал князь с Ромейскими захватчиками, помогая дружественным странам, а с приходом седьмой лели, при богатой добыче, вместе с поредевшими дружинами, вернулся в родные пенаты. Воротились по домам, возмужавшие и ставшие *побратимами*, земляки Туранские, да не одни!

Вместе с ними, верхом на белом и тонконогом коне, по Тмутаракани *гарцевала*, чужеземная дива! Варварейские предки которой, во времена Карфагенского могущества, сроднились с Сабейским племенем Халдеев и взаимно разбогатели, на разработке и продаже золота и алмазов. После чего, в согласно Славяно-Арийского Права, проистекающего из кровного родства Варварейцев с домом Тутмосов, в царстве Та-Кмет, во *времена правления царицы Хатшепсут*, на берегах *Тростникового моря*, в приграничных землях Офира, они создали Государство Пунт.

Необычная гостья, приехала во Греко-Славские земли из Офирского царства, по приглашению бера Ратибора, сопровождаемая в почётной страже, вельми разбогатевшего Сколотского князя. Жители во граде, изумлённо шептались, разглядывая заморскую красавицу и одобрительно ахали, а Тартарские дружинники, при нечаянной встрече, приветственно восклицали: «Слава Родам Наша, долгие лета!». Поскольку осанистая Гелика, не была миряночкой, а *Пурпурной всадницей*, облачённой в *заморские латы*, при коротком мече!

Во время *галоп*, волосы прекрасной наездницы, развивались иссиня-чёрным вихрем, а необычные тёмно-синие глаза, излучали умудрённую твёрдость и спокойствие. Посему по надобности, Микула обращался к девушке почтительно, называя «сестрицей Геликой», а Мирослав, как принято у наречённых, нежно величал «Глаюшкой синеокой».

В наши дни, по прошествии сорока четырёх лет, после похода князя Борислава в Варварейские и Кметские земли, стало достоверно известно, что далёкие царства Пунт и Офир, *канули в небытие*. Поёлику ещё в посольской Таре, в лета жизни моего отца Казимира, на расспросы Глаи, об успехах в торговле с Офирским царством, новоиспечённые купцы, недоумённо отвечали: «Мы не слышали о Вашей родине – Пунт и не ведаем, где Офир! Хотя ведём прибыльные торги, в землях *Айфиопии и Айгюптоса*».

Из державного похода, мой прадед Ратибор и земляк Микула, вернулись *в почине державных беров*. После чего, их стали уважать, не только Тартарские родовичи, но также большинство Скифских и Сарматских племён, признающих общее для Славян, античное прошлое.

Парой *медных алей*, почётно закреплённых на груди и выпиской Державных ярлыков, Сколотский воевода Борислав, по достоинству отблагодарил Туранских друзей, за многолетнюю защиту, союзного Великой Тартарии – Офирского царства, от пограничных набегов Аксумских завоевателей. В те лета, заматеревшего и непобедимого парубка Микулу, во

Славских дружинах, стали величать Громославом! Поскольку он, превзошёл в силе, ловкости и воинском искусстве, могучих дружинников и наречённого брата Ратибора! После чего, в войсках неприятеля, опережая жестокие столкновения, стал разносится слух, о бесстрашном и непобедимом Рысиче!

Вот когда, в столичном городе Ом, друзьям встретила и приглянулась небогатая, но мудрая не по летам, знатная Сабейская девушка Гелика, состоявшая в особом отряде Та-Неджерских воинов, сопровождающих своих знатных родителей, послов Пунтского государства, в царстве Офира. Которая вопреки уверенности Громослава, отдала сердечное предпочтение, ухаживаниям богатура Ратибора и став его суженой, приехала в Тамтарху.

Неравнодушный к пунтской девушке Громослав, не стал завидовать счастью, наречённого брата и отгуляв дружкой на свадьбе, подался в дальние земли. Где скитался и чем занимался, свыше четырёх десятков лет, найденный в недавние времена, седовласый Микула, рассказывать не любил. Хотя известно, что долгое время, он служил у Афинского тирана и на беспощадных ристалищах, заслужил прозвище – Всегда Побеждающий Никейон!

Путешественники рассказывают, что в тех негодных краях, по сей день, Микулу помнят под чужеземным именем и рассказывают, о его бойцовских победах. В связи с чем, любопытно заметить, что греческое имя Никейон, означает тоже

самое, что имя Микула на Родном, рунически-образном Славяно-Арийском Языке!

Глава 3. Терем на заимке

Нынче, леля началась в последнюю девятицу, месяца гэй-леть, что на три недели раньше, чем *дотоле* и принесла стойкое тепло. Посему градские старцы, поглаживая длинные бороды и вскидывая брови, удивлённо говаривали: «Пора пахать и сеять! В сей капельник, ярило припёк рьяно, а потому Стрибог, раньше обычного, дозволил внучку Ветровею, разгуляться на вольном просторе, да провеять Землицу-матушку, подмогая *шелонику*».

Могутные ветра, продули проталины в лесах и растопили снега на нашей заимке, а потому растирая в руках, рыхлый комочек земли, прабабка Глая, утвердительно молвила: «Матушка Сыра-земля, напиталась живительной влагой и теперь готова, к рождению новой жизни!». Посему Азь, поровну разделив в две переносные связки, шестнадцать пропаренных туесов, направился к берёзовой роще, вольготно раскинувшейся подле нашей заимки.

Выбрав набухшие почками, белоствольные берёзы и сделав надрезы на коре, я вставил в них крепкие, полые соломинки, по которым сладкий сок, начал стекать в привязанные ниже, полуштофовые туеса. После чего, почти две недели, ночью по заурнице и вечером в паобедь, я ходил в рощу и выливал набегавший сок, в новые лагушки. Которые затем попарно, сносил на заимку и выставлял на полки, в на-

шем *леднике*. Радуюсь тому, что свежий сок, вскоре закиснет и добротный квас будет! На котором в жаркий хэйлетъ, хорошо готовить окрошку с варёным яйцом, черемшой и огурцами, немного приправленную кусочками вяленого, лосиного мяса.

Часть берёзового сока, прабабка Глая настаивает и вываривает, вместе с мёдом, лесными травами и кореньями, заготавливая впрок, веселящие и молодильные напитки, настои и целебные мази. Которые в *марные карачуны*, она раздаёт нуждающимся людинам, для исцеления недугов, пагубных хворей и неожиданных болезней.

Вот почему Микула, предвосхищая мой интерес к веселящим напиткам, строго предостерёг: «Ты ишшо молод Ратин, а потому не ведаешь, что всякую *медовуху*, ако молодильную сому, дозволено вкушать, только *доблестным мужам!* Коим не менее четырёх десятков лет, исполнилось. Ранее – ни-ни! Покуда добрый молодец, собственной семьей не обзаведётся и детишек не вырастит. Сей древний запрет, Славских парубков не тяготит, а принимается как Родовое благо». Поэтому в преддверии шестнадцатилетия, которое наступит *тридцать третьего числа, месяца вэйлетъ*, помышлять о недозволенных напитках, мне попросту расхотелось...

Хотя Глаину медовуху, после княжеского почина трёхлетней давности, Микула Гурьяныч, стал нередко возить во град Листвень и перепоручать дворцовой челяди. Вместе с подробно расписанными, питейными ярлыками Глаи, радея о

здраве, престарелого Доброгнева. Что он делал, в благодарность за подаренный нашей семье, некогда дозорный терем с башней, до сих пор, пригодный для жительства. Который виден на лесном холме, прямо из верхнего яруса, *дворцовой барамды*. Именно тогда, впервые распробованная князем Доброгневом, молодильная сома, привела его в неописуемый восторг, поскольку разогнала кровь и избавила от ноющих, суставных болей!

Давеча, во время трапезы, покашливая от волнения и беспокойно поглядывая на Глаю, дедушка Микула, тихо прошептал: «Как думаешь, Ратин?! Корноухий из берлоги поднялся? Ты пройдишь утречком, по нашим *бортям*... Послухай пчёлку, ладом ли, они суровые карачуны пережили? Иди тихонько, как научен и подвесь возле дупел, тяжёлые *сутунки*. При сих заботах, поглядывай по сторонам, бойся голодных ревунов, которые *давят пробки* и злобно рыскают по округе, в поисках первых заедков и целебного мёда!».

Микула глянул вновь, вслед вышедшей во двор, прабабки Глаи и продолжил: «Ещё вот что, *порскни* за берёзовую рощу и приозёрный ельник, не доходя до распадка, который недалече от Клюквенного болота. Проведай Корноухого бера, но к логову не суйся! Поищи его метки на деревьях и следы на проталинах. Коих он, поди наделал изрядно, ежели сосал лапу и перезнобил здраво, а засим возвращайся». На что Азь, с готовностью отозвался: «Конечно, всё как велено, сделаю! Сегодня стрелы поправлю и веревки подготовлю, а

завтра перед рассветом, побегу по бортям и Корноухого проведу».

Заслышав приближающиеся шаги, я начал отстранённо разглядывать, чередующиеся узоры свастики и птицы Гамаюн, на домотканой скатерти. Прекрасно понимая, что ежели раскроется тайна, то прабабка разведку запретит! Поёлику теперь, она непримиримо серчает, когда мы вспоминаем священного бера, который прошлым цветом, задрал её любимую тёлку. «Ты на всякий случай, с собой лук прихвати! – скороговоркой, закончил Микула. – Ежели настреляешь зайчишек, то оставь в подарок, Корноухому покровителю, нашей заимки. Такое лакомство, ему завсегда по нраву».

Воротившись из ледника, с крынкой сметаны в руках и подозрительно взглянув, на нас обоих, Глая строго молвила: «Вервие для вашей затеи, я уже подготовила, только волосяное не троньте, заговорщики неуёмные, а берите пеньковое! Которое, чтобы не гнило и было прочными, я пропитала конопляным маслом». И неспешно вытерев, руки о передник, с укором добавила: «Вы Микула, свет Гурьяныч, вместо того, чтобы беспокоиться о тате одноухом и отрока на глупости подбивать, лучше бы после вспашки репища, о ремонте прохудившейся *стайки* подумали. Ведь крыша протекает, а скотине на влажном сене, лежать зябко!». На что дед Микула, недоумённо посмотрев на меня и беспомощно разведя руками, покорно прогудел: «Будет исполнено, Глая Мононовна!».

Азь не удержался от улыбки, из-за того, что в такие мгновения, взаимоотношения старцев, откликались в моей душе, чувством почтения и восторга! Ведь несмотря на прожитый век, они ворковали между собой, как влюблённый парубок, ухаживающий за *не ведающей дивчиной!* Пряча нежные чувства, под личиной античной чопорности, а потому величали друг друга на Вы, по имени и отчеству.

В сравнении с невысокой и хрупкой Глаей, Микула Гурьяныч, выглядит широченным в плечах, трёхаршинным *велетом!* Который, став *пожилым орачем*, до сих пор сеет и жнёт, твёрдо шагая по пахоте. При том, что ладони его рук, как совковые лопаты, а запястья шире моих, ровно в два раза! Вчера, я убедился вновь, что в перекатывающихся мышцах, его крепких рук, легко переносящих двухпудовый лемех, сокрыта невероятная сила, а после того, как сребровластый старец, впряг в него лошадь и взялся за стальные рукояти, мне стало муторно... Ведь его, сжатый кулак, выглядел немногим меньше, человеческой головы!

Когда четыре лета назад, я познакомится с Микулой Гурьянычем, его седые волосы, ниспадали ниже плеч, а длинная борода, заканчивалась ниже пояса. Так что, выглядел он степенно, как подобает умудрённым Рысичам и волхвам. Теперича с его бритой головы, свисает только *оселедец, на манер Днестровских родовичей*, а светлой бороды нет, даже в помине! Наверно, таким образом, он перед Глаей молодится и действительно, выглядит моложаво, не столетним старцем, а

усатым богатуром.

За последние три месяца, знобливой поры, я сильно вырос и теперь мой лоб, стал вровень с подбородком Микулы. Из-за стремительного роста и необычайной худобы, прабабка решила меня отпаивать, парным молоком. Которое мне, попросту ненавистно! Но, только попробуй, сказать что-нибудь против?! Теперь Гляя ростом, мне только по грудь, однако сердить её, мне неповадно. Поскольку во гневе, она враз распрямляется и грозно сверкнув, тёмно-синими очами, начинает взирает так, что меня берёт оторопь! В такой миг, почти как в детстве, мне становится страшно и я безропотно выполняю всё, что велено! Правда иногда, если прабабка отвлекается, мне удаётся вылить молоко, в миску Питина, который сидя под столом, его благодарно лакает...

Гляя Монионовна, женщина необычная, ступающая с заморской статью Пунтской княжны! Которая в былые времена, притягивала взоры, многих видных мужей, наслышанных о знатной деве, родом из Сабейского государства *Пунт*. И обладает широко известной, *Варварейской внешностью*, которую вполне, можно представить, если к её невысокой, но стройной душе и округлому лику, оттенка тёмной меди с прямым носом и припухлыми губами, добавит тёмно-синие, немного раскосые глаза и волнистые, поседевшие волосы.

Труднее понять, её непростой, но степенный характер. Хотя следует заметить, что проживая раньше, в Тмутараканьской Таре и являясь матерью, поселкового старосты Миро-

слава, а также верховной жрицей, одноимённого капища, она стыдливо скрывала, свой *непререкаемый перст*. Несмотря на то, что в глазах поселян, она была наречённой сестрой, богини Тары Перуновны, которую Тартарские Рысичи почитают издревле, вместе с её братом, Тархом Перуновичем.

Поскольку на исходе Древних времен, они по Репейскими горам, вывели *потомков Расы* из *Даарии*, в безопасные для жительства, обширные земли Рассении. Которые потом, народившиеся и расселившиеся анты, стали величать Азией, а в последние столетия, их потомки, являющиеся нашими предками, в честь Тары и Тарха, назвали державной Тартарией. При том, что *путеводную звезду*, известную ранее, как небесный Стожар, мы стали называть, указующей Тарой.

После смерти, моего прадеда Ратибора, прабабка Глая сильно горевала, но обрела деятельное утешение, занявшись траволечением и исцеляя от недугов, жителей Тары, а теперь готовит целебные настои и отвары, для хворобных родовичей, проживающих во граде Листвень. Что неудивительно, ведь в государстве Пунт, её обучили Киенгизским наукам и премудростям врачевания, которые в Тмутараканьской Тартарии, она значительно переосмыслила. Подчерпнув знания, из древнего наследия Небесной Расы, от доживавших жизнь в Тмутаракани, трёхсотлетних Славских старцев.

Так что, по своему происхождению и бывшему положению, прабабка Глая, знала многое и спешила передать мне, свои обширные познания. Благодаря её настойчивости и много-

летним занятиям, ко времени завершения, своего *первого круга жизни*, я овладел Азиатской арифметикой и разобрался в Поконах мироустройства. В том числе, Азь преуспел в понимании Вселенских правил, свойственных мирам Яви, которые отображены в Даре бога Каляды и научится считать время, в соответствии с Конами Числобога, а затем постиг чужеродные, Математические вычисления, рождённые в Пекельных мирах.

Когда я стал, достаточно образован, Глая подробно объяснила мне, почему боги Анунаки, жители Ассирии и Шумера, а теперь возвысившиеся из племён Сабеев – Ромеи, вместе с покорёнными Эллинами, используют в своих вычислениях, негодные для Славянской арифметики, шестидесятикратные промежутки времени. Несуразно разделив четверти Славских суток, шестнадцати часового *числоврата*, на день и ночь Шумерского, двенадцати часового циферблата. При том, что в каждом часе, у них не сто сорок четыре части, а всего по шестьдесят минут!

Так однажды, после утренних занятий, вместе с дедом Микулой, под руководством Глаи Монионовны, мы соорудили солнечные часы, разметив Шумерский циферблат, деревянными брусочками, пятиминутных делений. Через несколько дней, наглядных размышлений и ряда Арифметических вычислений, я выявил отсутствие Явных постоянных, в Математических выражениях времени, созданных в Пекельных мирах, а потому сделал вывод, что Шумер-

ские часы, только частично пригодны, для использования на Мидгард-земле, относящейся к Серединным мирам, более высокого, вселенского порядка.

Иногда дед Микула, намеренно хмурился и на мои расспросы, начинал уклончиво отвечать: «Всё было и прошло, дак стоит ли вспоминать?!». Таким образом, он поощрял меня размышлять, познавать глубинную суть, человеческих чувств, а также находить скрытые причины, ключевых поступков и природных явлений, на основании которых, ваяются неповторимые черты, человеческих душ. Чтобы развить в себе, особое качество мышления, при необходимости, я бы смог, расположить к добронравной беседе, строптивного князя, для родового примирения или враждебного царя, ради прекращения кровопролитной войны и мирной трапезы.

Набравшись опыта, я научился чувствовать, тот неуловимый миг, окончания красноречивой беседы, после которой, наступает характерный час, самодостаточной тишины. В том числе, мне удалось освоить, особый навык «волевого молчания», чтобы иной раз, случайно не затронуть, чьих-либо чувств или болезненных воспоминаний. В итоге, благодаря мудрым наставлениям Микулы, я стал более рассудителен и наблюдателен, а потому в достаточной мере, овладел приёмами Искусства самообладания, Тартарского богатура.

Через два месяца, в разгар обильного цвета, мне исполнится шестнадцать лет, когда я достигну, возрастной стати Младого парубка. В преддверии чего, Азь с удивлением за-

метил, что вслед шалостям, беззаботного детства, пролетели лета, моего отроческого взросления! Когда мне было некогда, вспоминать *горькую годину* прошлого. Хотя бывало так, что события четырёхлетней давности, прорывались в сознание, в образе ночных кошмаров...

Вот она, родная вотчина на лесистом берегу, Тмутараканьской Тартарии, немногочисленные дома которой, заканчиваются *подле* каменистого склона Посольской бухты. Моё сердце тревожится, ведь случилась беда! Меня вновь, настиг звон кровавой сечи и выкрики *Колхидских находников*, а затем я увидел, как в небо взлетают, росчерки огненных стрел. После чего, посольская Тара вспыхнула, огненной *кродой* и превратилась в погост, для мирных жителей и моих родных.

Погиб дед Мирослав с бабкой Олесей, отец Казимир с матерью Милавой, два старших брата Виляй и Благослав, вместе с невестками Лучезарой и Росинкой! Которые с прочими поселенцами, объединились вместе, для защиты поселения, но в неравной схватке, отступили к стенам поселкового капища, где мужественно оборонялись, покуда не сгнули, в неистовых пожарищах!

Засим я вижу, как *басурмане* в *папах*х и лохматых *бурках* с *ятаганами* наперевес, *куранным числом всадников*, врываются во двор *посольского кремля*, а последние из них, увидев меня в окружном проулке, устремились наперехват, желая убить! Азь побежал прочь, вдоль кремлёвского забора, надеясь за поворотом, на невидимой, прибрежной сторо-

не, спрятаться в потайной лаз, ведущий в терем, посольского кремля. Вот он, совсем рядом, всего в трёх саженьях! Только удар *нагайки*, настигает меня раньше и окружающий мир, внезапно меркнет...

Почувствовав, что меня кто-то настойчиво трясёт, я раскрыл слипшиеся от крови, непослушные веки и увидел обретающие ясность, тревожные черты лица, возвышающейся надо мной, прабабки Глаи. Которая покинула кремлёвский терем, выстроенный для нашей семьи, через подземный ход и вынесла на побережье, стрелянную жестокосердным находником, четырёхлетнюю дочь Виляя и Лучезары – Заряну, забывшуюся в беспамятстве!

В моей раненой голове, стоит гулкий шум, однако Азь поднимаюсь и мы бежим из посёлка вон, как можно дальше от кровожадных душегубов, полыхающего капища и посольского кремля! Скрывшись за скальной грядой и привычно спустившись вниз, по каменным ступеням, мы вошли в потайный грот, в котором на мелководе, природного отстойника, нас ожидала *лёгкая чайка*, снаряжённая к безотлагательным, посольским плаваниям!

Запрыгнув в лодку и переняв племянницу на руки, я вдруг удивлённо заметил, что она прижимает к груди, махонького котёнка. После чего, обессиленная Глая, медленно сошла на борт и приобняв правнучку, взялась за правило, тогда как я, спешно отчалил и налёг на вёсла, покидая каменный свод. В этот миг, догнав по следу и храбро сиганув, через послед-

ние ступени, в лодку свалился, невредимый и радостно скулящий, наш трёхмесячный щенок, Семаргл!

Выплыв из грота, Азь выставил парус и глядя в синие небеса, в надежде на спасение, доверительно прошептал: «Пречистая Сварга, сотвори гладкое море и Стрибожий парус! Помоги внукам Рода небесного, доплыть в северо-западные веси Славян, где позабудутся горькие утраты и воспрянут вновь, наши осиротевшие сердца!».

Поведав благодарному слушателю, присказку о Начале времён и Даарийских переселенцах Расы, давших жизнь Азиатским антам, я решил рассказать о себе, их потомке, рождённом в послеантичном мире. *Поёлику* вырвавшись из *разорённого детинца*, Азь оказался свидетелем, вероломного уничтожения посольской Тары, в Тмутараканьской Тартарии!

Глава 4. Бегство из Тары

Я задержался на очередной развилке, когда за моей спиной, послышалось мурчание Питина: «Мяу, пити!». После него, его холодный носишко, коснулся моей щёки и раздавалось вновь, его настойчивое требование: «Тай пити!». На что в ответ, я раздражённо ответил: «Потерпи немного, вода закончилась! Всем пить и есть хочется, а потому на подходе ко граду полян, где присмотрим ручей, привал устроим». И поглядев на Глаю, сокрушённо добавил: «Правда неведомо мне, пустят нас во град, для розыска деда Микулы али нет? Ну а ежели не дозволят войти, поди укажут стезю, куды нам брести дальше?!».

Последнюю неделю, *Хорс* небесный палит нещадно и после полудня, нагревает землю так, что припекает ноги. «Какая утомительная торна! – обречённо смахивая пот с лица, пробормотал я. – Две недели петляет, по насыщенным влагой, душным лесам и вдоль болотных топей с едким гнусом, а конца не видать!».

Когда мы, сошли с чайки на берег и пошли безлюдными тропами, направляясь к Полянским родовичам на северо-запад, я начал рассуждать вслух. Поскольку своим голосом, решил будоражить живу, хворобно замолчавшей Глаи, в надежде на её выздоровление. *Посему* вышагивая впереди и поглядывая на спутников, я игриво вопрошал: «Други мои,

что вы думаете о чудесах бога Семаргла, ваятеля собачьих душ?! Наделил ли он, нашего щенка, как своего соименника, созидательным *духом агнии*?! Мне вот думается, что наделил и хотя шерстистый недоросль, человеческого языка не ведает, зато невзгоды отпугивает, да звонко гавкает!».

Правда сегодня, в послеполуденный зной, щенок понуро семенил позади Глаи и тяжело дышал, вывалив из пасти, свой длинный язык. При том, что за две недели пути, цвет его запылённой, шелковисто-чёрной шёрстки стал буро-серым, а белое пятно на груди, стало совсем неприметным. Но вопреки усталости, когда Семаргл поглядывал на меня, его хвост начинал бойко вилять! Воочию, в сердце полугодовалого щенка, пламенеет искра крылатого бога, в свете которой, он не замечает *тягот дальней стези* и полуголодного существования.

Полным себялюбом, непохожим на Семаргла, становился привередливый Питин. Который почему-то решил, что я обязан его кормить, поить и нести ответственность за дождь, жару и шальную искру от бивуачного костра, которая однажды, вздумала упасть на его ухоженную шёрстку! При этом, котёнку не нравилось много ходить, а потому он научился взбираться, на наши спины и ездить верхом! Поначалу я не понимал, как щенок возит, когтистого друга на своей холке?! Но потом догадался, что густая шерсть, защищает его. Вот почему я, не желая страдать от когтей Питина и ходить поцарапанным, благоразумно нашёл кожаные подушки, на

лямки своего заплечного короба.

Пережив бегство по прибрежному морю, котёнок подрос, поумнел и начал говорить! Так что теперь, завладев моим вниманием, Питин мог внятно потребовать... Например воды, потешно растягивая губы и выговаривая: «Пити, пи-ити!». Или как сейчас, настаивая на сытной трапезе, *справно мурча*: «Мяушать! Мяушать! Мяу-у-шать!». Вот почему я, принялся его увещевать: «Конечно, я бы давно накормил тебя, привередливый чистюля, до сих пор не знающий, что такое дорожная пыль! Только нам, вблизи поселений родовичей Вепря, как непрошенным гостям, охотиться нельзя! Ведь за несоблюдение стародавнего устоя, могут и наказать!». Досадно и горько, но каким образом, моя четырёхлетняя племянница Заряна, научила Питина словесно мурчать, теперь не узнать. Поёлику на третий день, после ранения в Таре, её жива покинула Явь...

После гибели племянницы, нас начала привечать *богиня Морана*, правда отрешилась и подалась прочь, находясь в извечном поиске, неминующих душ. Избежав незавидной участи, мои шерстистые друзья воспряли, а *месяца вэйлетъ, хэйлетъ и первая неделя, сороковника тайлетъ*, канули в лету. Безвозвратно отдалив счастливые времена прошлого, от злополучного настоящего и неведомого грядущего. Правда в моей памяти как прежде, звучит смех, родной матушки Милавы и рокочущий голос, отца Казимира. Как трепетное, бодрящее воспоминание, о беззаботной жизни в отчем доме.

Несмотря на произошедшую трагедию, моё сердце бунтовало, не принимая гибели Западно-Тартарских Рысичей и семьи. Хотя разумом я понимал, что души жители Тары погребены в *ар*, а их Бессмертные живы, вознеслись в Небесный вырий!

Минуло три сороковника, как прабабка увидела гибель детей, внуков и ненаглядной праправнучки Заряны. После чего, она горестно замкнулась в себе, а её угнетённая атмосфера начала искать избавления, скитаясь у границ Мира яви. Когда сие происходило, душа прабабушки неподвижно замирала, бездумно глядя в *дальнюю даль*. Конечно, мне было понятно, что Глая начинает сходить с ума, но я не представлял, как можно её вернуть, к нормальной жизни?! Несмотря на свалившиеся несчастья, я держался достойно, потому что был поглощён, текущими заботами. Сперва выставлял парус и правил лодкой, а затем торил торну и готовил еду.

В начале морского бегства, прабабка подробно поведала, по каким звёздным и береговым приметам, мне следует выбирать кратчайший путь. Вот почему, за неделю северо-западных ветров, мы весьма скоро, обогнули Малую Тартарию и не заходя в Корсунь, поплыли дальше, вдоль Сарматских земель. Во время прибрежного хода, слившись воедино с тяжёлым *правилом*, я вспоминал подробности последней беседы с дедушкой Мирославом, в кремле поселковой Тары и сделал важные выводы.

Я знал, что накануне горьких событий, дед получил до-

несение о предстоящем, разбойничьем нападении и послал меня с предостережением, по теремам центральной улицы. После чего поселяне, затаились с оружием в руках, тревожно ожидая утра, да наперекор незавидной участи, готовые сражаться. Поёлику все понимали, что так скоро, затребованной подмоги из раздираемой сословными противоречиями Ла-Копы, не придёт.

Ведь на Западных рубежах, нашей многострадальной Родины, начиная от павшего Царьграда, мятежного Киева, вплоть до оступившейся Московии, порядка давно нет! Где свыше четырёх десятков лет, не затихают кровавые междоусобицы, развязанные продажными князьями. Которые возомнили себя Пупами земли, но по своей порочной сути, показали себя сребролюбивыми предателями, Исконно-Народоправных и Вольных, Славских Народов!

Таким образом, бессовестные наместники Тартарии, отринувшие Родную и Поконную Веру Предков, ввергли Рода потомков Славяно-Арийской Расы в кровавые руки, служителей религии Пекельного мира! Подобострастно склонив, свои затуманенные головы, перед Орденами Западных Ромеев и Византийских чернцев, дабы лицемерно погубить, последний Державный оплот Славян в Зарепейской Тартарии!

Нынче минуло три лета, как чернцы Тамтархи, начали с ненавистью считать, свои упущенные выгоды, возникшие в результате беспощинной торговли, купцов Тартарии с Константинополем, в обход разворованной, городской казны. Их

раздражал богатый доход, который исправно поступал из посольской Тары, для нужд Великой Тартарии, минуя пороженные закрома Тамтархи и карманы местной знати.

Из-за чего, вопреки договорам о взаимопомощи между Великой Тартарией и Византией, чернцы Тамтархи задумали известить жителей ненавистной Тары. Вот почему они, придерживаясь коварного плана, с помощью денежных подачек в губительный рост, сперва прикормили, а затем разорили, простодырого черкесского князя Гагика. Которого закабалив и вынудив принять христианство, они с обещанием списать долги, подбили на безнаказанное разорение, посольской Тары!

Засим, некогда порядочный князь, верноподданный Колхидского царства, собрал безнравственное отребье и вероломно напал на наше поселение! Убивая безвинных людей, подбадривая наёмников и алчно набивая, свою бездонную *мошну*. Не понимая того, что Ромейские чернцы ничего и никогда, не дают даром! Посему, по возвращении домой, новоявленного раба Бога воинств, а ныне бесполезного и досадно болтливого Гагика, заслуженно причастили ядовитым вином, лишив награбленного добра. Посмертно приложив пальцем, к дарственным бумагам, свергающим в Бесправное холопство, его осиротевший народ!

Во время плаванья, мы успешно повторили часть стародавнего похода Глаи в Сколотском войске и доплыли до приморского *города Тира*, часовни которого видны на восточ-

ном берегу реки Днестр, впадающей в море. По сей реке, хорошо известной киммерийским и галльским племенам, минуя скифские и *валахские степи*, мы поднялись до непроходимых, верхних порогов. Где пришлось сойти на берег и передать чайку в безвозмездное пользование, *гуцульским* родовичам. Которые в благодарность за прибыток, пожаловали *трёхнедельный запас снеди*.

Далее, на протяжении двух недель, мы шли вдоль *Сарматских гор*, двигаясь на север-запад, приближаясь к поселениям, Полянских родовичей. Поскольку бывая в Таре, иные купцы сказывали, что побратим моего прадеда, живёт в тамошнем Вепреграде. На помощь которого, терзаясь в неведении, я очень надеялся, а потому часто приговаривал: «Бог Спех, помоги найти деда Микулу и новое пристанище!».

В пути, я был поглощён текущими заботами и жил мечтой, надеясь обрести новый дом. Поэтому верил в то, что Полянские родовичи, обязательно спасут мою прабабку от умопомешательства и помогут нам обустроиться, на новом месте. Вот почему, под моим бдительным началом, наша вага целеустремлённо приближалась к цели, а к концу третьей недели, дремучая торна закончилась и мы ступили на людные дороги. Вдоль которых Славские поселения встречались чаще, а встречные ходоки говаривали, что *в одном поприще* от сих мест, начинаются земли полян из рода Вепря.

Ранним утром, наскоро позавтракав отваром из травяных корней, грибов и ржаной лепёшкой, мы вышли из лесной

чащи, на долгожданный *тракт*, кой уходил в даль, растворяясь в сизой дымке. После полудня, завидев маковки часовен заветного Вепреграда, я начал присматривать место для бивуака. Где нам, было бы сподручно наскоро перекусить, обмыться и привести одёжи, в надлежащий порядок. Вскоре мне приглянулась небольшая роща, углубившись в которую, я заметил студёный ключ.

Приблизившись к бьющему из под земли источнику, я с поклоном молвил: «*Берегиня-ключница*, прими добрые пожелания, во славу Навьего царства! Позволь нам, утолить жажду и омыть разгорячённые души». После чего, я зачерпнул ключевой водицы в берёзовый туес. Напоил Глаю, да приложился сам, а про запас, набрал *штоф* воды в кожаный куль. Немного отдохнув в тени деревьев, я привычно сбил с нашей одёжи, дорожную пыль и усадил Глаю поудобней, на сломанной сухостоине. Нарвал для заедки, свежего щавеля и не высекая огня, наскоро разделил между нами, одну из девяти последних, Гуцульских лепёшек. После трапезы, мне пришлось основательно потрудиться. Расчесать Глаины волосы и отмыть грязного щенка, а как награду за труды, надеть чистые одежды.

Правда несмотря на приложенные усилия и *чистую перемену платья*, дальний исход оставил на нас, свой явный отпечаток, в виде исхудавших, осунувшихся лиц и заштопанных *прорех*, в потрёпанной одежде. Прощаясь с живительным, тихо журчащим ключом, я сделал подношение Береги-

не и бросил в ручей, несколько семечек подсолнуха, заваливавшихся в кармане. Которые с весёлым плёсом, ниже по течению, она радушно приняла.

Вспоминая подробности, недавнего перехода, начиная от Гуцульских владений, до сих мест, следует заметить, что *ватага* грязного мальчика, идущего впереди бабки с черношёрстными спутниками, сама по себе, никого не привлекала... Правда в глазах проезжавших попутчиков, возчиков и спешных гонцов, глазевших на Глаю, я неизменно замечал, безотчётный страх! Ведь её облик, был необычен и складывался из седых волос, выбивающихся из-под траурного платя, тёмного лица и болезного взгляда, неподвижных глаз. Посему, ежели недобрая молва, опережала наше появление в *весах и погостах*, то вместо радушного *странноприимства*, нас прогоняли, *чурая в открытую*.

Вот почему ни в одном, окольном Татарском городке, где рассоренным жителям, навязали обряд Византийской религии, проповедующей выгоды государственности и самостийного жития, мне не удалось добиться ночлега. Не в последнюю очередь, из-за того, что тамошние двери и ворота домов, были заперты на железные щеколды и неприступные замки! Вопреки нелюдимости которых, продолжавшие жить извечным, державным укладом, прочие Славские родовичи, расспрашивали меня и вникали в истинные причины, наших лишений. Засим приглашали на постой, правда не дальше *поскотины*. В такие вечера, я искренне радовался кры-

ше над головой и благодарил хозяев за ночной покой, приходя в неопиcуемый восторг, от дарованной краюхи хлеба или *крынки* молока!

Иногда случалось так, что злые люди грозились нас стрелить, правда тетиву, никто не спустил. Поэтому перед закатом, мы часто сходили с дороги и ночевали в чистом поле, боясь торговых обозов с *лихоимной охраной*. «Боги и прародители, уберегите нас от мерзких лап, разбойного люда, в чьих помыслах порок и желание наживы! – часто вопрошал я. – Избавьте от тех, кто выискивает беззащитных детей и юных девушек, чтобы накинуть ошейник неволи и продать в Агарянское рабство!».

Съестные припасы, какие изначально были припрятаны в нашей лодке, впрочем как и новые, которые нам пожаловали Днестровские родовичи, мы почти проели. В полупустом кузове Глаи, остались только пожитки. Правда в моём коробе, ещё покоилось восемь ржаных лепёшек и немного соли. Железный котелок, *огниво*, да небольшой топорик и ценный *нож из харалуужной стали*.

Весь скарб в моём заплечном кузове, от чужого взгляда, был заботливо прикрыт нехитрой одеждой. На которой хитрюга Питин, приспособился отдыхать, приподнимая крышку и влезая внутрь. Ещё при нас, была пара берестяных туесов, для сбора ягод и деревянные ложки, а на левом плече, я нёс малый *роговой лук и тул* с двумя десятками охотничьих стрел. Правда у пяти из них, были стальные наконечники,

годные для боя.

Глава 5. Велесовы псы

Мы приблизились к воротам Вепреграда, когда Хорс небесный правил колесницу на закат и возле Западных врат, припекал беспечных караульных. Кои ещё в *поутрость*, поснимали жаркие шеломы, да разомлев к *обестне*, поскидали несносные *тигеля*. Засим, поскладав бердыши в *гурт* и срамясь в исподних портах, они укрылись в тени, дожидаясь *вечирней* смены.

Двое сослуживцев, широкоплечий молодец и дебелий толстяк, сидели на *завалинке*, расположившись левее распахнутых врат, подле сруба надвратной башни. Тогда как третий караульный, коротал время справа от въезда, *притулившись* в *томной* полудрёме на чурбаке. Придерживая на коленях, короткую *сулицу*.

Растревоженные парубки, недовольно на нас зыркали и тихо переговаривались, а когда мы подошли ближе, то длинный с сулицей, негромко молвил: «Дивитесь други, кто к нам пожаловал! То ли хоробр при луке, то ли чадо неразумное, вместе с няньками?! Ты откель *унот*, путь держишь? Важного дела ищешь, *али от оного лытаешь?*».

Вопрошал он благодушно, насмехаясь от тягомотной скуки, да только ять, невзирая на усталость, панибратства не потерпел, а справедливо негодуя, начал браниться. Правда *могутный молодец* с льняными волосами, меня грубо пербил и

пристрастно визнавая, рассердил пуще прежнего. «*Ишь*, как встопорщился! – процедил он. – Поди запретное, таишь за пазухой, али неведомое зелье в коробах прячешь, кое в наш Поляно-Галльский град, ты за ради прибытка или людской погибели, внести задумал?!».

После сего оскорбительного высказывания, я гневно распахнул уста, но только выдал краткое: «Ой-ё-ёй!». Поскольку из-под крышки заплечного короба, взметнулась чёрная лапа и болезненно влепила, по моему уху! Приходя в себя, я оглушённо замер, а подрастающий Питин, таким молниеносным действием, предотвративший ругань, вылез из короба и расположившись на моём плече, начал умываться. Между делом, поглядывая на растерявшихся молодцев...

Толстый *повеса* опомнился первым и указав на Питина, наигранно выкрикнул: «Добры молодцы! Полюбуйтесь на сего Грозного пардуса, койй желая подрасти, важно мурчит и гордо пыжится, а по воле Волоса, прибавляет только в моргалках! Ха-ха-ха!». Недобро посмеявшись, он заговорщицки обратился к сидевшему подле тына, длинному сотоварищу: «Друг мой, любезный Мстиша, проверь-ка сего *ершистого боя!* Погляди-ка повнимательней, может в его заплечном коробе, *меч-кладенец* самого *царя Гороха*, вместе с Живой и Мёртвой водой легов, нечаянно запропастился?!».

После речённого непотребства, пузатый враль, подобострастно взглянул на видного молодца, ожидая разрешения на досмотр, а невозмутимый Питин, немедля запустил когти

в моё плечо! Причём так глубоко, что от внезапной боли я вытянулся струной и позабыл о гадких насмешках, вместе со своей, кипящей *обидой!* Вот когда Мстиша, лениво поднялся и опираясь на древко сулицы, приблизился к нам.

Тройки частей, мне хватило для того, чтобы не подавая вида, перетерпеть боль и придя в себя, вежливо поинтересоваться: «Добры молодцы! Подскажите любезно, не в вашем ли граде, проживает Микула, по прозвищу Ратный кудесник?». Заслышав известное прозвище, старшой удивлённо вздёрнул брови и кивнув сотоварищам, казённо поинтересовался: «Пошто отрок, тебе потребен сей муж?».

Только ответить я не успел, поёлику Мстиша, заглянув под Глаин плат, вдруг отпрянул и потрясая сулицей, испуганно заголосил: «Чур меня огради! Ведь она, совсем чёрмная!!! Изыди вон, вражья душа!». После чего, обрюзглый пузан, враз насупился и начал вторить дружку: «Гони их в шею, старшой Гордыня! Итак видать, что больные они!».

Поглаживая аккуратную, коротко остриженную бороду и недовольно хмурясь, старшой задумчиво поинтересовался: «Твоя бабка *шо*, изводя поганых гнид, свой светлый лик, вместе с перстами и власами, берёзовым *дэгтем* намазала? Али потемнела зело, поёлику заражена проказой, али *чёрмной падучей*, а может *мораниной болезнью?!*». Правда в следующий миг, приняв важное решение и прерывая мой ответ, непререкаемым жестом открытой ладони, Гордыня строго изрёк: «Ведь сих подробностей, мы не ведаем! Так что вре-

мени на просьбы и тщетные уговоры, вы не теряйте, а ступайте к Светлой роще, там помогут!».

– Внимай отрок! После трёхдневного пути на восток, когда выйдешь на тракт и увидишь макушки, многоярусного града Лиственя, возводимого пришлыми Рысичами, поглядывай направо, дабы не пропустить широкой *гатчины*... Стоя перед которой, да взирая на юг, тебе должно разглядеть за лесами, на высоком холме, одинокой терем с высокой башней.

– Запомни *вестовые приметы* и ступай по сей шири, куда она не исчезнет в полесье, но ты не останавливайся, а идти дальше на юг, придерживаясь оной башни и через пол дня ходьбы, выйдешь на скрытый в лесах, Велесов скит. Именно в нём, живут умудрённые травники, врачеватели и волхвы, которые во славу Скотьега Бога, лечат *хворобы атмы* и *душевные болезни*...

– Недалече оттуда, на пол пути к Перуновой поляне, в тереме с той самой, видимой издалека башней, должен жить некий старец, коего Ратным кудесником кличут. Мне *сие знамо*, поскольку наши старожилы о нём, часто *судачат*. Вот только он ли именем Микула, который тебе нужен, Азь не ведаю!

Могутный старшой, закончил *отповедь* и пригладив усы, вперился в меня, выжидательным взглядом. Я опомнился, перехватил коварного Питина на руки и рассказал о злонамеренно разграбленной и сожжённой Таре. Затем поведал

о том, что некогда моя прабабка Глая, приехала в Тартарские края из далёкой, Айфиопской стороны, в которой Хорс небесный, палит землю нещадно. Из-за чего тамошние людины, весьма темны от рождения, не ведают снега и взирают на случайных Тартар, как на издревле известных побратимов.

В конце своей были, я начал глаголить об уехавшем из прибрежной Тмутаракани, бере Микуле, которого в народе прозвали Ратным кудесником. Вот когда, проявив к безучастной Глае, заслуженный интерес, Гордыня порывисто встал и начал её разглядывать, а недоверчивый Мстиша, навёл на нас, остриё поднятой сулицы.

Уложившись в *девять частей*, я закончил быль и хотел испросить ночлега, но предугадав суть, моих сокровенных *чаяний*, Гордыня молвил: «Ты пойми меня правильно, отрок! Азь не имею права, пропустить вас во град, пока не будет разрешения волхвов. Пущай наперёд, они твою прабабку осмотрят, ведь она явно нездорова!». Затем подкрутив усы и как бы, извиняясь за свою непреклонность, он мягче добавил: «Ежели сие *сподобите* и не передумаете, вот тогда приходите!».

Так что мне, потянув Глаю за руку, пришлось с благодарным поклоном, *уходить восвояси*. Впрочем, я покидал владения полян, вепсов и галлов, осевших здесь во время древнего исхода Славян на запад, не абы как, а целенаправленно двигаясь на ярилин восход, доверившись сказанному Горды-

ней. Ведь действительно, после смерти Заряны, разум возвращался к прабабке всего пару раз, а остальное время, она безропотно следовала за мной, молчаливо трапезничая на привалах и выполняя простые, насущные требования.

Тем не менее Глая, продолжала путь с высоко поднятой головой, ступая по Тартарской земле с невиданной в Поляно-Галльских и Рысьих каганатах, Офирской статью и лёгкостью. Только после пережитой беды, на её лице остались горестные морщины, а *душа* исхудала так, что стала походить на иссушённый *кий*. Вдобавок к огорчающим меня, проявлениям тихого помешательства, она начала замирать, вперившись в даль. Благо, что когда это происходило, рыскающий по округе Семаргл, начинал тревожно лаять, привлекая моё внимание.

После двухдневного перехода по дремучей стезе, мы вышли на широкий тракт, вдоль которого виднелись поселения с лоскутами полей. На которых зрела кормилица рожь, домотканая конопля, сытный ячмень и целебный овёс. При сём растущем изобилии, *выгоны* для скота, подле многих *усадеб*, как принято у Тартарских поселян, были рачительно огорожены плетнями.

Повсеместно трудились мирные людины, одетые в привычные рубища и незатейливые вышиванки, напоминающие Тмутараканьские. Вот только на выбритых головах, я разглядел лишь один клоч, свисающих волос. «Перуновы Рысичи! – вслух подытожил я. – Кровные братья Центральноази-

атских Тартар, а значит мои родовичи, внуки нашего первого предка – Снежного барса!».

Проснувшись в сваорь, на третий день после встречи с караульными Вепреграда, я вдруг радостно почувствовал, что мою живую покидает, угнетающий страх! Который во время скитаний, держал мои *душевные луки* в тягостном напряжении. Более того, после увиденного накануне, кипучего бытия Рысых родовичей, моя вера в будущее начала возрождаться, при незримом участии, вольных ветров Сварги, выдувающих пепел из далёких погостов Тары и моего сердца.

Шагая на восток по Гальскому тракту, разделяющему подножие многоярусного града Лиственя, я видел как за придорожными полями в перелесках, чубаки дружно валят и зачищают деревья, пригодные для строительства. Глазел на то, как стащив выворотни, крупную поросль и рублёные ветки в дровяные кучи, их недоросли бегут к гружёным возам. Подбирают вожжи и радостно влезая на верха, везут во град, плотно уложенный и обвязанный, бесценный аршинный и локтевой, прямоствольный кругляк.

Заслышав выкрики, я взглянул на деляны слева, на которых шестёркой лошадей, мужики корчевали белесые пни, издали похожие на большие, допотопные грибы. В свой черёд, заприметив нас, корчёвщики решили передохнуть и выжидательно остановились, обметая травой, взмыленных лошадей и поправляя упряжь. Вот когда, пытливо взглянув в неподвижные глаза Глаи, я твёрдо решил, повременить с за-

ходом в многообещающий рысий град, так что мы свернули направо и по натопанной торне, пошли на юг. Когда лесные объяття, скрыли нас от любопытных глаз, я выдохнул с облегчением, поёлику с недавних пор, предпочитал ходить неприметно.

Вскоре наш торна, огибавшая стройные вязы, пошла через березняки с небольшими озерцами и редкой сосной, где не опасаясь хищных кочетов, шумно гнездились хохлатые, серые *пигалицы*. Разглядывая коих, мне пришлось сдержаться, чтобы не стрелить про запас, сытную дюжину. Ведь по Тартарскими Поконам, руководствуясь собственным починном, не дозволено брать живности вблизи *скитов*, весей или погостов, принадлежащих прочим родовичам, помимо своей вотчины.

Ввиду сего запрета, да неизменно шагая в обществе подросшего котёнка, я размышлял вслух: «Немного потерпи Питин, скоро прибудем во скит. Там умудрённые волхвы, нас милосердно встретят и следуя Заповедям страннопримства, сытно накормят! На ночлег определяют, да как поглядеть, может хворь Глаиной живы, умеючи исцелят?! Вот за-сим, подробно порасспросив травников и врачейателей, ежели мы родича Микулы не обрящем, то попрошу ихнего старосту, начертать пропускной ярлык в Листвень, *радеющий* о нашем поселении».

Петляя дальше, извилистая торна повела нас по античной, уцелевшей в потоп, многовековой дубраве и только после

полудня, её исполинские деревья расступились, пропуская ярилин свет. За пологим оврагом, начался сосновый перелесок, который перевалив за холм, неожиданно иссяк, поглощённый берёзовой рощей. В которой наострив уши, да задирая нос и пригнувшись, зарычал подростый Семаргл.

Вскорости, посреди белоствольной чащобы, проглянули очертания долгожданного скита, отчего на душе посветлело, а сердце нежданно взыграло, предвещая конец безрадостного пути. Когда закончились деревья и ярко-красные кусты боярышника, я удивлённо ахнул, ведь пред моими очами, предстала крепкая пасть, неприступного логова! Сие оборонительное сооружение, напомнило мне другое, возводимое в Малой Тартарии, Корсуньскими мастеровыми, которое я внимательно разглядел, во время прибрежного плаванья. Поёлику, ещё живой отец Казимир, описал их устройство и доверительно поведал, что все логова подобны, так как строятся по античным чертежам и посвящены Волчьей паре, исполнителям воли Навьего бога Велеса.

Вот почему, не видя за высоким частоколом, расположения его нутряных построек, я смело предположил, что вокруг центрального капища, выстроено шестнадцать *теремов*. Тогда как подле наших ног, раскинулась водная преграда, за которой возвышалась рублёная из аршинного кругляка, трёхъярусная *крепость*. Зев которой, к моему сожалению, оказался плотно закрыт, *цепным языком*.

Не успел я оглядеться, как под навесом надвратной баш-

ни, промелькнул рыжий мальчуган! Который шустро подскочив, навис над шатким забором. Засим, безбоязненно удерживая равновесие души, на прямых руках и прилегающих бёдрах, он посмотрел вниз. Вот когда *я*ть, разглядел на его круглом лице, курносый нос и яркие канапушки! При сём, не упустив из вида, его подростковой худобы, которую неуклюже скрывала красная, пошитая на вырост, *посконная рубаха*.

Дальнейшие события, приобрели стремительный характер. Началось всё с того, что в лучах садящегося Ярилы, волосы малолетнего дозорного, заискрились рыжими сполохами! *Невероятно, но в следующее мгновение, раздуваемые Стрибожьими ветрами, они запылали ярким пламенем, неожиданно опалив меня, искромётной мыслью: «Видать не старый Велес, а молодой Громовержец Перун, сие знамение посылает, вот только как, его понимать?!».*

Кареглазый паренёк, нагло уставился на меня и громко заголосил: «Эй, недотёпа! Ты куды прёшь, со своей *черномазой шатией*?! Пошто не зришь, что язык на цепях поднят, а потому до рассвета, в логово хода нет! Вертайтесь туда, откель прибрели!». В надежде на пристанище, я подавил возникшую неприязнь. Поёлику мой заплечный короб, стал невероятно тяжёлым, а душевных сил для постройки шалаша и ночёвки у костра, попросту не осталось...

«Караульные Вепреграда, нас сюда направили и ничего не сказали, насчёт входного запрета, *в дневной час подани*.

Мы усталые путники и просим ночлега!» – теряя светоч, пересекающей надежды, произнёс я. «Как трогательно! Я прям расплакался и поверил... Вы не светлые странники, а Пекельные втеклецы! – злобно усмехнувшись, почему-то решил мальчишка, а затем выкрикнул, складной завирушкой. – Чёрмный, навий поводырь, по стезям плутает, да старуху за собой, по домам таскает! Их сообщник, мрачный кот, зрит погано, что всё мрёт! Сей недоброй татью, заправляет оборванец, кстати!».

Наговор конопатого, был несправедлив и обиден. Конечно, будь я взрослым парубком, то не обратил бы внимания, на детскую подначку! Только будучи голодным и усталым, а теперь разозлённым пареньком, я не сдержался и прокричал в ответ: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой! Может правда и не бил, а всего лишь пошутил?!». Я выдал полный набор, сей известной дразнилки, разве что с некоторыми дополнениями, касающимися его худобы и болтающейся рубахи...

Мсительно ослабившись и соскочив вниз, рыжий с глухим стуком, откинул в сторону, защитный вис, нижнего стрелкового проёма, в который просунул руку и показал мне, злобный кукиш. «Накось, выкуси черномазик! Тебе за тын, никак не попасть! Мы ишшо поглядим, как ты справишься со сторожей!» – глядя через узкую щель, выкрикнул мальчуган. Вложил пальцы в рот и призывно свистнул.

В сей же миг, в роще слышались шорохи и завывания,

перешедшие в сплошной, зловещий рык! Так что, под натиском лохматых псов, скалящих свои *вершковые клыки*, мы испуганно отступили к кромке воды. Раньше, мне приходилось слышать о сей породе Велесовых псов, выведенной для защиты волхвов. Правда только сейчас, я уразумел воотчию, почему моя бабка Олеся, некогда сказывала, что сих страшилищ, даже *лесной бирюк*, стороной обходит! Посему о нашем противлении, не могло быть и речи... Чуть дёрнись, разорвут на клочки!

Рыжий пройдоха травил псов, злорадно выкрикивая: «Начинай вожак! Недаром ты прозван Свирепым, вперёд! Младшой Каштан, подмогни... Взять их! Валяйте теклецов, покась они ума-разума не обрящут... С-с-сю!!!». После чего захлопнув вис, он вовсе исчез, как будто его не было! Жуткие твари наступали, а Гляя отрешённо глазела вдаль, не замечая происходящего... Верный Семаргл в ужасе, прижался к моим ногам, однако рычал и скалил клыки, на мохнатых великанов. Тогда как Питин, выгнув спину и цепившись в подушку на ляжке короба, начал устрашающе завывать. Если охарактеризовать сей приём кратко, например как пугающий, то лучше промолчать!

Вокруг никого, кто бы мог отогнать зверюг. Правда в следующее мгновение, моя животрепещущая память, явила спасительный образ Белоснежного барса! Который на уроках Глаиноного волшебства, я использовал для создания Защитного морока, годного для отвода, не только собачьих глаз...

Поэтому с надеждой на спасение, я начал его плетение. Ёмкие уплотнения пространства, легко вытягивались в разноцветные нити и послушно сплетались в упругие оболочки, а посему крупный морок в холке, получился в кривую сажень! Впрочем, соответствуя по высоте и размерам, некогда проживавшим в Даарии, доантичным пардусам.

Для полудиких Велесовых сторожей, сие запретное превращение выглядело так, как будто смуглый подросток исчез, а на его месте появился исполинский, свирепый барс! Который уставился на псов, пронзительно-жёлтыми глазами и поднял вооружённую ятананами острых когтей, переднюю лапу. При сём устрашении, зверь раскатисто зарычал, показав наседавшей стае, свои невероятно крупные, трёхвершковые клыки!

Во время его создания, я принял часть *навъего жита*, от неизвестного союзника, ощутив необычайный прилив сил. Вместе с осознанием того, что получился морок не светлого барса, а чёрмного как уголь, заморского зверя! Родственника степного леопарда, которого в землях Хиндустана и Африки, называют пантерой. На мощной груди которого, точь в точь, как у воинственного Питина, красовалось белое пятно. «Вот оно как! Теперь ясно, кто нам помог! – догадавшись, воскликнул я и покосился на помощника, который с торчащим хвостом и вздыбленной шерстью, завывал на плече. – Да, с тобой Питин, мы великая сила! Давай покажем негодным псам, где раки маруют!».

Морок пантеры, вдруг раскрыл ало-знойную пасть и выплюнул в сторону нападавших, клубок огня! Вот когда я, восхищённо осознал, что наша победа, теперь предопределена! Поёлику иллюзия раскалённых брызг и нестерпимого жара, вперемешку со вспыхнувшей травой, испугала не только жожака, вместе с неразлучным братцем Каштаном, но и остальных, наступающих псов. В пылающем огне, их звериное чутьё распознало опасность, пострашнее когтей или зубов. Когда Свиря поджал хвост, вся грозная свора, превратилась в визжащих от страха, великовозрастных щенков-переростков, которые в ужасе разбежались по Светлой роще!

Трусливому бегству псов, поспособствовал Огненный дар Питина, приобретённый им в детстве, недалече от города Тира. Тогда ночуя возле ладьи, он сунул любопытный носишко в тлевший костёр и конечно же, опалил усы и мордашку! Только на третий вечер, опосля сего болезного происшествия, котёнок прекратил маету и забываясь в исцеляющей дремоте, заученно промурчеловил: «Шарко, польно, плохо!». Горение пламени, вперемешку со страданием от ожога, в подсознании спящего Питина, слилось в Непобедимый образ, клубящегося огня. Который нынче, из-за испуга перед Велесовыми псами, он нечаянно воссоздал в своём воображении и начал вкладывать, в победоносные плевки, нашего морока!

Я не мог расслабился, раздражённо осознавая, что рыжий мальчуган находится совсем рядом, но недосыгаем...

Поскольку мои, трясущиеся от пережитого ужаса руки, начали чесаться. Требуя обидчика, для справедливой трёпки. Ведь спасая наши жизни, мне пришлось нарушить Древнее правило, запрещающее волшебство, подле Велесова капища! Не успел ять, обдумать сие обстоятельство, как над заборолом пасти, появилась четвёрка лучников, облачённых в легкие латы и рогатые шлемы, скрывающие лики. Мужички нацелили на меня, острия натянутых стрел, а самый высокий, среди них, громогласно проревел: «Как ты посмел, отрок, совершить непотребное действие, подле Священного логова?!».

Моя атма, неожиданно заледенела и ушла в пятки, ожидая душевной смерти. Вот когда ять, запоздало понял, что Велесовы ближники таясь и внимательно наблюдая, подбили меня на запретную *волошбу!* Поёлику схожим образом, во многих каганатах необъятной Тартарии, ведающие матери и волхвары, искусно выявляли колдунов, враждебной *Агарянской каббалы...*

Принимая смертельные последствия, своей несдержанности, но не выказывая отчаянья, я собрал остатки воли в кулак и начал говорить. Кратко поведав защитникам, о прошлых событиях и Микуле, поиски которого привели нас, в сии места. «Тмутаракань, Ратибор, Глая Чёрмная?! – воскликнул прежний муж, единственный в островерхом, рысьем шлеме. Который за очевидной ненадобностью, его поспешно снял и молвил сотоварищам. – Довольно, други мои! Уберите стрелы и опустите луки... Азь пойду глаголить, с сим отроком,

ждите!».

Послышались глухие удары, а затем над водой зазвенел мерный, цепной перестук и перекрывая широкий ров, к нашим ногам опустился длинный, окованный для прочности железом, деревянный язык. На который, показавшись из тёмного зева, ступил крупный старец. Поросль которого, в виде длинной бороды, усов и ниспадающих на плечи, нестриженных волос, начала развеиваться по сторонам, словно седой туман на вольных ветрах! Приближающийся переговорщик, был облачён в пузырящиеся от стремительных движений, порты с рубахой, пошитые из прочного, *белёного льна*.

«Неужто, старый Велес явился!» – почудилось мне и от благоговейного страха, я крепко зажмурился. Правда находится в слепом неведении, было глупо, а потому снова открыв глаза, я стал свидетелем, вещего чуда! Поскольку седовласый богатур, опустился перед Глаей на колени и нежно взял, её безвольны руки. Только вопреки сим, трогательным обстоятельствам, он по-прежнему возвышался! Затем он начал вопрошать, гулко нашёптывая: «Что с тобой случилось, лучезарная Гелика?! Почему я не вижу живости, в мудрых очах твоих?».

Продолжая сердечное и вместе с тем, целебное воркование, седовласый могут, стал нежно поглаживать руки прабабушки, своими огромными ручищами. Речам коего, я начал внимать... «Дак сей ходок, не Велес старый! – вразумился ять. – Слава Богам Сварги! Пред нами предстал, только мо-

гутный богатур!». После чего, осмотревшись по сторонам, я стыдливо заметил, что не стою, а сижу рядом с притихшим Семарглом, на задних тылах!

Глаины глаза, прежде совсем пустые, постепенно начали трепетать. Поскольку её измотанная душа, начала откликаться на ласковые прикосновения и гулкий голос, седовластого старца. Сие прочувствовала, её израненная живатма, горько скитающаяся у кромки бытия и решила вернуться! В следующий миг, прабабка моргнула и едва слышно выдохнула: «Громослав...».

«Всё верно, Азь есмь! Лучезарная подруга и *пурпурная веришница*, из Сабейской страны Пунт! Только в сих землях, людины о Громославе не слышали, а потому величают меня Микулой Гурьянычем. Подскажи милая, а *чьих кровей*, сей *вроде* знакомый на лик, велеречивый *отпрыск?*» – с улыбкой поглядев на меня, поинтересовался он. «Громославушка! Сей прилежный мальчик, мой правнук Ратин. – с надрывом в голосе и страдая от невыносимых воспоминаний, а потому лишаясь последних сил, вымолвила она. – Его так назвал, в честь твоего побратима, мой погибший внук Казимир!». Засим Глая, впала в целительный обморок и невесомой пушинкой, осела в его руках.

Таким образом, в присутствии настороженных защитников скита, я познакомился с уроженцем Туранского ханства, Великой и Державной Тартарии, со своим наречённым прадедом Громославом.

Глава 6. Василиск и Жарушко

Я исполнил всё, что дед Микула наказывал. Сутунки на ульи навесил и даже Корноухого бера проведаль, которого снабдил парой зайчишек. Правда едва сам, не заинтересовал голодного хозяина! Со всеми делами, я разделался к двенадцати часам утра и в сопровождении своих шерстистых друзей, повернул домой. Посему вскоре, мы вышли на Священную поляну к Перунову дубу, чтобы принести Владыке гроз и молний, гостинец малый, так что беспечно расслабились и прозевали налёт!

Семаргл бежал впереди и нёс на загривке Питина. Я шёл следом, вдыхая луговые запахи и попутно разглядывал набухшие почки с первыми стрелками муравы. Которая выросла на лельном припеке, вдоль берега Кривого ручья. В общем щёлкал хлебалом и по сторонам не глядел. Как вдруг за спиной, раздался посвист могучих крыльев. Я оглянулся и замер! Поскольку увидел громадного аспида, летящего на нас!

Когда наши взгляды встретились, моя атма заледенела от страха, а в его расширившихся, васильковых глазищах, сверкнула злость! В следующий миг, останавливаясь, душегуб выпустил из когтей, свою жертву и пригнув голову к тулову, начал бить крыльями. Благодаря чему, на подлёте к Перунову дубу, он завис над поляной и недобро, зрел с вы-

соты. Затем, вновь набирая ход, нападающий аспид, стремительно распрямил шею, распахнул пасть и прицельно харкнул огнём! Правда, спасительно промазал и лишь слегка, меня опалил.

Не понимая, как в моих руках, оказался лук со срезном стрелы на тетиве, но с характерным свистом и точно в глаз, я стрелил окаянного змия! Посему крылатый василиск, взревел от внезапной боли и начал падать. Только дальше, я ничего не видел. Потому что сиганул далеко в сторону и споткнувшись, покотился колобком, неведь куда!

Правда, нежданно свалившись в студёные воды Кривого ручья, я быстро отдышался и пришёл в себя. Радуюсь тому, что не ранен и жив! Поскольку болела, лишь обожжённая, правая щека, а из отражения вод, на меня взирал улыбочивый, но безбровый и *опальный недоросль*. Вскоре, я слышал далёкий лай и поглядел через *низкорослую гать*, в сторону Навьего леса. Подле которого, я заметил Семаргла с Питиным. «Вот так защитнички! *Текали* на перегонки так, что обогнали звуки, собственных визгов! – с обидой, подумал я. – Ну что, теперь опомнились?! Бесстыжие хороняки!». Правда окликнуть сейчас, своих четвероногих друзей, я поостерёлся.

Крылатый змий, иначе Горный василиск или Огнедышащий аспид, это любимое творение, бога Велеса! Которого он создал на заре времен, похожим на мышь летучую, только во сто крат больше. Посему, вместо звериной шерсти, старый

бог одарил василиска, радужной чешуей! «Интересно, что произошло? – тревожился я. – Когда за моей спиной, послышался грохот падения и хруст ломаемых веток?!». Что бы сие выяснить, я поднялся вверх, по пологому берегу ручья и глянул в сторону дуба.

В следующий миг, моё сердце затрепетало! Поскольку я увидел враждебного зверя, который *сверзся* к подножию, священного дерева и отчаянно пытался встать. Чтобы взлететь вновь, взмахнув могучими крыльями. Правда погода *тройку частей*, агонизирующий аспид, уже не смог поднять головы. Поэтому беспомощно тарачился на меня, моргая перепонкой, левого глаза. После чего захрипел и конвульсивно дёрнувшись, навечно затих.

В мгновенье ока, моя атма метнулась к освобождённой от змиевой участи, *товарке*. Которую родственно приобняла и затем, поспешно вспорхнув, предстала перед богиней *Карной*. От которой, благодарно приняла, свою новую *долю* и воротилась в душу. Поскольку *дух* отрока, порешивший Велесову тварь, по Родовым Поконам, перерождался. Таким образом, Азь возродился вновь, обретая *Рысий дух*, Славянского парубка.

В следующий миг, от змиевой души, повеяло таким стойким и гнилостным смрадом, что спёрло дыхание! Из за чего, я, непроизвольно вздрогнул и удивлённо прошептал: «Неужели правда?! Азь, стрелил аспида?!». После чего, слева от дуба, я заметил жертву аспиды. Беспомощно протянув-

шего ноги, *подсосного жеребёнка!* Лежащего на боку и по всей видимости, нуждающегося в помощи! Однако сперва, я медленно приблизился к аспиду, чтобы удостовериться в его смерти и нашей безопасности. Внимательно осмотрев душегуба, я с удивлением обнаружил, свою стрелу. Которая по самое оперение, вошла в его левую глазницу! Вот почему Змий Горыныч, враз потерял соображение и падая, расшибся о священный дуб.

Да так сильно, что сломил правое крыло и пробил живот, крупными ветвями. Посему из рваных жил василиска, заливая радужную чешую и землю, выходила чёрная *руда*. Сажень в девяти, от смрадного тулова, я заприметил обгорелые останки, своего лука из рогов горного козла. Который соорудил мне на вырост, дед Мирослав, ещё в посольской Таре. «Мне очень тебя жаль. – подняв и рассматривая огарки, тихо произнёс я. – Ведь ты помнил прикосновения рук, моих ныне покойных родовичей». Правда за минувшие лета, я сильно вырос и сей *тужень* стал для меня, ощутимо слаб.

Как вдруг, горбунок призывно захрапел и попытался встать. Поэтому мне, пришлось отбросить памятные огарки и поспешить на помощь. Обессиленный подкидыш, смотрел на меня по детски доверчиво и жалобно. При том, что на его боках, виднелись глубокие раны, от ядовитых когтей змия. «Ох! Его живот скорее промыть и зашить надобно! – взволнованно, подумал я. – Вот только в этом деле, азъ совсем не помощник. Поскольку для искусного врачевания, нужна лёг-

кая, Глаина рука!». Надумав нести подкидыша на хутор, я *чаромысленно взглянул* в его глаза, заговорив кровь и избавив от боли. «На какое-то время, сие поддержит малыша! – воодушевлённо подумал я. – Теперь, нужно поспешать!».

Пока я возился с найдёнышем, мои ушастые друзья, назад подросли и принохиваясь, бегали по поляне. Причём Семаргл, поглядывая на меня виновато, примирительно повилявая хвостом. В то время как Питин, безучастно сидел на его загривке и вылизывал лапу. Говоря без слов, всем своим видом: «Ничего не зрю и не ведаю. Мур-мя!».

Глядя на своих сотоварищей и осторожно прикасаясь к ноющей щеке, я примирительно сказал: «Друзи мои, не винитесь! Поскольку нету вашей заботы в том, чтобы летучего змия зреть или хорониться подле него, ожидая смерти. Я сам виноват, что не заметил поганца! Сейчас мне нужно спешить на хутор, что бы спасти, выжившего игрунка. Однако вам, должно присматривать здесь, чтобы *нечаянного змия*, от лесного зверья сбересть. Покуда мы с дедом Микулой, сюды не воротимся. Уразумели?!». Засим, я водрузил тяжёлого горбунка на плечи и скорым шагом, отправился к нашему подворью. До которого, от Перуновой поляны, было совсем не далече, пару вёрст.

Глая копошилась во дворе, а деда Микулы, не было видно. Увидев жеребёнка на моих плечах, она удивленно вскинула брови и тревожно сказала: «Ратин! По што ты конька, таскашь на себе?! *Нечай* сей прибыток, потянет *пуда на три*.

Сымай скорей! *Небось* ты его с ланью спутал, да по ошибке стрелил?». Глая подошла ближе, внимательно приглядываясь. «Никого азь, не стрелил! Неужто вы не видите, что живой он! – отозвался я, стараясь не поворачиваться к Глае, припаленной стороной лица. – Сего несмышлёныша, Горний змий, в когтях на Перунову поляну принёс! Правда, как только коварный аспид, решил спалить меня в пламени, то скинул мальчика на землю. Примерно с четырёх сажений! Как только он не зашибся!».

«Змий?! – прабабка серьёзно, поглядела на меня, – Не выдумываешь? Ведь их давно, во всём белом свете, не отыскать! Ладно, пушай так, но што потом сталось, куда он запропастился?». Мое тело ломило от тяжести, однако куда снимать ношу, пока было неизвестно. «Издох, сей василиск смердящий и сейчас под Перуновым дубом лежит. Токма прежде, он мне лук памятный спалил!» – не удержавшись, в сердцах, пожаловался я.

«Скорее! Ложи его сюда, на чистую *ряднину*. Глядеть начну! – вдруг спохватилась и по военному строго, скомандовала прабабка. – Беги в терем, Ратин! Неси тряпицы чистые, вино в малой склянице и пучёк травы-здравицы. Всё на полке в сенях найдёшь. В горницу загляни, кликни Микулу Гурьяныча! Пушай Серка запрягает, по змиеву душу ехать. Поспешай!». Когда я осторожно снял, малыша с плеч, то сразу понял, причину Глаиной горячки. Поскольку яд аспида, попал в кровь горбунка и теперь он, начинал засыпать, вечным

сном. Посему не мешкая, я ринулся в дом .

Вокруг конька, началась деловитая суматоха. Я кипятил воду и заваривал травы, а Гляя промывала и обрабатывала раны. Которые затем, аккуратно зашила. Вот только на лечении души, исцеление жеребёнка, не закончилось. Поскольку моя прабабка, не только травный лекарь и врачеватель, но также искусная *волошица*! Так что, нашёптывая и поводя руками над жеребёнком, Гляя уверенно освободила его дух, от страшных воспоминаний неволи.

К тому времени, когда прабабка закончила *исцеление* малыша, Микула запряг Серка в телегу. В которую положил три *лагушка*, лопату и топор с веревками. Затем не трогая возжи, гаркнул: «Серко, пшёл! Тяни по малу». Приглашая меня взглядом, на ходу, запрыгивать в набитую сеном, телегу. Правда мудрая Гляя, остановила деловито кипучего, но кое-что не предусмотревшего, деда. Под предлогом того, что заметила на моей щеке ожог, который быстро, но незамедлительно, нужно полечить. Мы воротились в терем. В трапезной, она вручила мне мазь и заставила мазаться. В то время как сама, мигом обернувшись, собрала нам в дорогу, суму со снедью, солью и травами. Засим, наша ватага тронулась в путь. Семаргл привычно нёс на спине Семаргла и бежал впереди. Микула Гурьяныч, задумчиво нахмурившись, правил Серком. Правда изредка, приподнимая кустистую бровь, он поглядывал на меня. Пока телега, подскакивая на ухабах, петляла по стезе между деревьями, я погрузился в воспоминания.

нания.

Которые, сменяя друг друга, произошли с нами, за четыре лета. Начиная с тех пор, как мы с прабабкой Глаей, поселились на хуторе Микулы. Поскольку нынче зацвела леля, *шесть тысяч шестьсот семьдесят четвёртого лета*. Затянувшейся години в Западных землях Рысичей, которая пока, обходила Листвень и наш хутор, другой стороной. Так как теперича, за отсутствием в сих землях, прежней Велико-Тартарской Державной Власти, многие Половецкие ханы, стали разбойничать в Киевских землях.

В то время как, Ромейский ставленник и ныне опальный в Киеве, князь Ростислав Мстиславович, готовил возмездие в Смоленском княжестве. К которому вдруг, он присоединил Латышско-Литовский Витебск и затем, начал поспешно собирать дружины. С помощью которых, под предлогом защиты Киевских земель от Половецких находников, он готовил своё захватническое возвращение, на Киевский престол. Посему здешний Галицкий князь, Ярослав Владимирович, отправил своему опальному родственнику, сыну Шведской принцессы Христины Ингесдоттер, могучую дружину в Канев. Правда якобы, для защиты торговых судов на Днепре от разбойников.

Начиная с первого лета, жизни в Галиции, мы начали прирастать хозяйством. Наша дружная семья крепла, не по дням, а по часам и готовилась к скорым холодам. Сперва мы поправили крышу и заново проконопатили, бревенча-

тые стены, обветшалого терема. Затем подновили тын и пристроили тёплые, просторные сени. В которые Глая, незаметно поселила кур, во главе с задиристым петухом Петяном Коковичем! После чего, пару лет назад, мы построили тёплые и просторные стайки. В которых нашлось место курам, дюжине породистых овец и корове Зорьке.

Так повелось, что наш вредный петух, признавал только прабабку и деда Микулу. В тоже время на нас, остальных членов семьи, он устраивал неожиданные нападения! Особенно туго приходились Питину, пока однажды, он не расшвирился и не задал Петяну Коковичу, трепку. Во время которой, гонял задиру по всему двору и время от времени, награждал увесистыми тумачами. После чего петух, два дня не показывался из курятника и только на третий день, вылез во двор. Правда более не приближался к коту, ближе *косой сажени*.

Через *пол часа*, ухабистой езды, мы прибыли на место. На Перуновой поляне, нас встретила ушастая стража. Кот привычно сидел, на загривке виляющего хвостом Семаргла и изредка, брезгливо шипел, в сторону туши. Молодой пёс, смущённо смотрел на меня, чихал и пытался лапой, отогнать смрадный запах змия, от своего чувствительного носа. Теперь, он заматерел и бил в сватках, приبلудных волкодавов.

Душа Семаргла, стал разительно выделяться, среди прочих псов. Благодаря белому пятну на широкой груди, в виде раскинувшей крылья, чайке. При том, что твёрдой поступью,

он был обязан, своим широким и крепким лапам. За ухоженной шерстью которого, тщательно следила Глая, *вычёсывая пух на варежки*. Раньше, я всегда думал, что кошка с собакой не уживаются, однако в нашем случае, всё было наоборот. Выросшие вместе друзья, были не разлей вода! Даже в марену, когда Дед Карачун замораживал хутор, Питин часто пропадал из терема, ночуя в будке Семаргла и всегда, когда мне случалось идти на охоту или во град Листвень, неразлучные дружики, сопровождали меня.

Прибыв на место, мы оставили, пугливо заржавшего и опасливо прядущего ушами Серка, в стороне от дуба и подошли к смердящему змию. Который неопрятной, радужно-искрящейся грудой, придавив левое крыло, лежал на узловатых корнях. При том, что его сломанное, правое крыло, раскинулось в длину, примерно на *три с половиной сажени*. Напоминая, своими очертаниями, крыло летучей мыши. Вот только с синими, просвечивающими на свету, кожаными перепонками. Руды с аспида, натекла целая лужа! Которая успела превратиться в чёрно-багровый студень.

Змий, замертво застыл со свирепым оскалом, на *трёхаршинной морде*. Вцепившись в крупный корень, Перунова дуба, своей ужасающей пастью. Из которой виднелись не зубы, но расположенные в два ряда, тонкие роговые пластины. Выступающие из челюстей на *пол пяди*. Резать или измельчать пищу такими пластинами, змию было очень удобно, правда рвать свою добычу, он не мог.

«Повезло тебе, Ратин, что стрелил змия, точно в око! Поскольку подбить его в душу, попросту невозможно! Из за того, что его чешуйчатая кожа, в несколько раз прочнее, чем харалужные доспехи. – сказал дед Микула, морщась от поганого смрада, идущего от околевшей души и добавил. – Великую битву нужно осилить, чтобы убить василиска! Да потом, не менее искусный труд совершить, чтобы сим богатством, мудро распорядиться!».

«Каким ещё таким богатством, дедушка? – удивлённо поинтересовался я. – Неужто такую чешую отколупывают и как *подать*, несут княжескому *тиуну*?». В ответ, дед Микула отрицательно покачал головой и крикнув в кулак, уточнил.

– Посмотри-ка сам! Как чешуйчатая кожа на тулове выросла? Роговые пластины друг за дружкой, внахлёст идут и меж собой по краям, тоже смыкаются. Затем правильным рисунком оплетают всё его тулово и крылья, в направлении от головы к лапам. Такую чешуйчатую кожу, в нашем Тартарском роду, издревле называют чежей. Вот и ты Ратин, с сего дня называй змиеву кожу правильно – чежа!

– Сейчас внучок, внимай особо! Чежа крылатого аспида, это самая лёгкая и прочная в мире, бронь! Которую даже мечём не разрубить! Посему, ежели сейчас, мы с тобой сию чежу добудем и доспехи из неё сварганим, то цены им не будет! Поскольку супротив такой брони, даже огонь не страшен. Так что Ратин, трудись! Неси с телеги лопату и сперва, собери руду змия, в лагушки.

Прошлой живой, новые лагушки, мы с таким трудом справили, поэтому я возразил: «Деда, пошто так!? Свежие лагушки и такой рудой поганить? Ведь она, ядовитая!». На что Микула Гурьяныч, резонно заметил: «Понимаю, что ты во благо добра, радеешь. Вот только руду василиска, сама Мать-Сыра Земля, не прибирает! Подсобить нашей кормилице нужно. При сём почётном труде, нам руда аспида, будет весьма кстати. Когда мы оружие из змиевых костей, мастерить будем!».

Посему немного опешив, от услышанного, но в радостном предвкушении удивительных дел, я безропотно притащил к дубу, свежие лагушки. В которые начал, терпеливо собирать густую и дурно пахнущую, аспидную руду. Которой *впрок*, набралась целая *корчага*. После чего, я осторожно попробовал снять чежу с крыла аспида, делая надрезы вдоль кости, но быстро выбился из сил. Поскольку она, оказалась невероятно прочной, а мой харалужный нож, не выдержал нагрузки и затупился.

Видя мои мучения, дед Микула вышиб, передний пластинчатый зуб из змиевой пасти. Который имел вид двурядной пластины на прочном корне и молвил: «Погляди Ратин! Сей змиев зуб, на корне дюжем, называется – плуб! Коих счислено не чётно, по двадцати семи, на каждой челюсти. Но поёлику змеиный плуб, является двухрядным, то всего их в змеиной пасти, сто восемь!».

Вот почему с древних пор, бытует Велико-Тартарское, Скиперное поверье. Когда зазывая Горнего василиска и ты-

ча пальцем, в сторону нерадивого управителя, *народ кликушествовал*: «Данник! Данник! Горыныч грозный, лети сюда! Здесь Пекельный данник, твоего побратима, Зверя-Скипера!». Да приговаривал: «Ежели Ты, *верный коган на время*, славься! Но ежели Ты, помыслил *примерять Порфир заморский* на царствие, згинь навеки в Пекельную навь! Ко двору Зверя-Скипера, поёлику не искупишь свои, *сто восемь явных грехов*! Змий Горыныч тя, заглоти!».

Затем велет гаркнул, прочищая горло и добавил: «Сий плуб, для мастерства оружия, просто незаменим. Ты покуда бери его за корень, да приловчившись, режь!». Посему, я убрал свой харалуг в ножны и с любопытством повертел в руках, сей невесомый плуб. После чёго, подбадриваемый взглядом наставника, начал делать надрез и вскоре, к своему вящему удивлению, убедился в том, что срезка чежи пошла, как по маслу!

В итоге, маховой чежи вышло девять частей. Каждый отрез которой, в *три локтя длины*, скатанный в тюк, превышал по толщине, *четыре ладони*. Что по уверениям деда Миккулы, совпало со считанным результатом. Поскольку каждое крыло, шириною в сажень, достигало длины в *девять аршин*. Вот почему, мне, вновь пришлось бежать домой, за дополнительной солью и душистыми травам. Так как *посчитав на пальцах*, общий солевой расход, мы выяснили, что срезней, нуждающихся в кислой обработке, получится намного больше, чем мы имеем её в наличии.

Пока я бегал на хутор, Микула перенёс всю чежу, на берег ручья. Тюки которой сперва, он поочерёдно раскатывал в проточной воде и зачищал остатки слизи. После чего, подручными камнями, придавливал отрезы ко дну и оставлял промываться. За сими трудами, я застал старательного деда, когда вернулся на поляну. Однако, чтобы не растерять остатки дня, я поспешил к туше василиска и начал срезку, его очень длинных и крепких, тянущих жил крыла. Которых в итоге, набралось в избытке, достаточном на лета. Особоливо незаменимых, для каждодневных, оплётных дел по хозяйству и Глаиных, шитейных забот.

В *час обести*, мы основательно просушили вымоченную чежу и все отрезы, переложили душистыми травами. Затем вновь, поскатали в тюки. Далее, я столкнулся с непреодолимым препятствием. Когда во время переноса змиевых жил к телеге, наш Серко испуганно шарахнулся в сторону и чуть не сломал дышло! После чего храпя и возбуждённо переступая ногами, он начал неприступно коситься, на вонючие потроха. Посему посоветовавшись, мы решили не спешить, а заночевать на поляне. Для того, чтобы к рассвету, вымочить жилы в душистом, травяном рассоле. Так что в *час утдаини*, на берегу ручья, мы соорудили шалаш и развели костёр.

Смеркалось, поэтому я настроился сторожить ночью, ещё не до конца прибранную, душу василиска. Правда Микула отговорил, заверив в том, что из за ядовитого смрада, к сему аспиду, ни один зверь, добровольно не подойдет! Так что пе-

ред приготовлением ужина, выдалось свободное время, что бы освежиться. Для чего, я зашёл вверх по ручью, где вымылся с корнем мыльнянки. Потом зачерпнул в котелок воды и повесил над костром, кипятиться.

Когда в темноте окончания суток, последнего дневного *часа поудани*, дед Микула умылся и устало прилёг возле костра, я развязал суму и достал ароматную снедь, уложенную Глаей. В сей же миг, в отблесках костра, показались приближающиеся очертания, наших неразлучных друзей. Которые весь день, тихо отсыпались в кустах, избегая аспидного смрада. О чём присутствии, в заботах дня, мы попросту забыли!

Виляя хвостом и позёывая, отдохнувший Семаргл приблизился к костру и мирно сел, терпеливо ожидая объедков. В то время, как нетерпеливый Питин, рысью метнулся к нашим *явствам*. Подле которых, привлекая к своей душе, всеобщее внимание, он показушно замер. Недовольно пофыркивая и многозначительно сверкая, своими жёлтыми глазищами. Засим, раздражённо подёргивая хвостом и призывно уставившись на меня, негодник замяукал: «Мяушать, мяушать!». В итоге, сей требовательный себялюбец, прекратил руладу только тогда, когда получил добротный кус, варёного мяса.

С началом новых суток и первого, вечернего *час наобедъ*, я отослал Семаргла на хутор, чтобы в наше отсутствие, начиная с вечера и всю ночью, он сторожил терем с хозяйкой. Поэтому, я дал себе наказ, проснуться ночью при любом, по-

дозрительном шорохе. Засим, устало засыпая в шалаше, под мурлыканье Питина, я неспешно грезил.

– Возможно ли, изготовить лук из костей змея? Вот например, птичьи кости, для сих дел непригодны, ввиду своей пустотелой ломкости. Что же делать, ежели *стрелень* из змиевых костей не выйдет?! Тогда пойду в Листвень, к видному умельцу Бронеславу! Закажу у него деревянный тужень, с обмоткой из бересты, чтобы по моей руке смастерил и сухожилиями усилил. Вот для изготовления тетивы, змиева жила, точно подойдёт! Броня лишнего не потребует, сколько положено, столько и возьмёт *мягкой рухлядью*. Правда в ближайшие дни, у нас другие заботы, а поутру надобно потрошить тулово змия...

За два вечерних часа, *Ничь* и *Полничь*, в придачу с первым, ночным часом *Заутры*, я отлично выспался и проснулся бодрым. Поскольку отныне, по прошествии двух лет, бесконечной череды занятий, под неустанным присмотром, Микулы Гурьяныча, мне посчастливилось овладеть *ратным умением* «*Девять частей подани*». Так что теперь, я спал мало, хотя полноценно восстанавливал, свои душевные силы. С началом следующего, ночного часа *Зауры*, я снял с груди спавшего Питина, выбрался из шалаша и взглянув на шалаш, подумал: «Любопытно, а Микула Гурьяныч сейчас спит или уже проснулся, да размышляет себе на уме, сомкнув веки?». Поскольку пока, мне не удалось распознать, сей дремной тонкости, его ратного самовладения.

Я присмотрелся. Вдоль Кривого ручья, раскинулся предвестник жаркого дня, белый туман, но *вешние долы*, ещё властно скрывал, плотный полумрак. Вопреки сему, в небесах гасли звёзды, а кромка небоската, наливалась розовым светом, предвосхищая приход *заурницы*. В ожидании которой, ранние птахи чистили пёрышки, готовясь к песнопениям.

Настраиваясь на выполнение Заурной потехи, я прогнал по душе, сверху вниз и обратно, три волны мышечного напряжения. Благодаря которым, рассредоточил *уда чи* по всем *варганам* и разогнал кровь, уложившись за сто сорок четыре удара, бодрого сердца. Таким образом, усилив кровоток, я начал выполнять осанки на гибкость, направляя *чи* в нужные мышцы и сухожилия. После чего, я выполнил, полюбившийся мне клубок – Девятый вертопляс Гамаюн. Состоящий из трёх нитей. Когда после тройного колеса, я сделал три *склёпки* – две вперёд и одну назад, а завершил *полную круговерть*, непрерывной тройкой, воздушных кувырков. Вперёд-назад и высоко вперёд, с приземлением на прямые ноги!

Следом, я подтянулся по девять раз, на каждой руке, держась за нижний сук Перунова дуба и поочерёдно поприседал на ногах. Счислив количество присестов, три по девять раз, для каждой. Затем в стойке на руках, я терпеливо сосчитал *сорок сороков*, ударов собственного сердца, а когда опустил ноги вниз, отжался поочерёдно *шуйцей и десницей*, по шестнадцать раз. Да с ускорением, пробежал три круга, вокруг

Перуновой поляны. В итоге, я закончил заурную разминку, *потешным боем* с воображаемым противником.

Стало светлее. В заурном сумраке, я вернулся к ручью и раздевшись догола, омылся. Принёс воды для заварки Иванчая и оживил костерок. Дед Микула тоже поднялся и наскоро размявшись возле шалаша, напоил Серка ключевой водицей. Затем подвесил к его морде, торбу с овсом и жеребец-двухлеток, похрапывая от удовольствия, захрустел лакомством. Немного погодя, я поинтересовался: «Поедим, да приступим, к разделке змиевой туши?». Подумав, дед ответил: «Сперва, нам нужно прогуляться. Пришло время, показать тебе, мою захоронку. Гляди, вон туда! Вверх, вдоль Кривого ручья, пока взглядом не упрёшься в Острую скалу! Там она». Я словно эхо, любопытно отозвался: «Что там за тайник, дедушка?!». На что он, таинственно прикрутив усы, ответил: «После, сам разглядишь!». Более Гурьяныч, в час заурницы, не проронил ни слова, пока мы не подхарчились, за чаепитием.

Правда сходить, к его захоронке нам не пришлось. Потому что с рассветом, в час *Сваора*, к нам пожаловала Глая Мононовна. В сопровождении, навьюченного торбой Семаргла. Позади прабабки, шлёпая копытцами, с только что остриженной гривой, вышагивал резвый жеребенок. Душа которого, искрилась и полыхала огнём, в лучах утреннего Ярилы! Поскольку его шкурка, омытая заботливыми руками Глаи, оказалась редкого, рыже-золотистого цвета, однако с беле-

сыми хвостом и гривой.

«Вот это, да! Конёк ведь, игреневый!» – ахнул я. Тогда как, дед Микула, взглянув на него, восхищённо крикнул: «Ну ты даёшь, Глая! Пошто так скоро, привела найдёныша?!». Затем, вдруг смутившись своего просторечья, он чудно моргнул глазом и поправился: «Лучистого Сваора, Глая Монионовна!». «Здравия и Вам, добры молодцы! – с поклоном, поздоровалась прабабка. – Не захотел Прибыток один, возле терема оставаться. Покуда мы с Семарглом, вам снедь относим, пришлось взять с собой. Принимайте заедки! Ведь я как знала, что за один день, вы не управитесь!».

Без задней мысли, я протянул руку к коньку и он ласково откликнулся! Безбоязненно подошёл и с любопытством, обнюхал мою руку. Видимо малыш понимал, что мы не причиним ему вреда. После чего, я осторожно прощупал его бока и убедился в том, что Глая справилась с лечением, просто превосходно! Поскольку аспидный яд, был тщательно вымыт из многочисленных ран, а нанесённые швы, были искусно спрятаны, под золотистой шёрсткой. Я даже не почувствовал жара, из за возможных воспалений.

Вообще-то Глая, нам ещё в прежние лета сказывала, что в местных, сосновых борах, выросших на сухих и песчанистых почвах, воздух лекарственный. Поэтому на *девять вёрст во-круг*, он сам по себе, заживляет высыпания и раны. Посему издревле волхвы и знахари, охотно вершат Велесовы скиты и Волчьи логова, в таких местах. Чтобы сама природа, помо-

гала их светлым делам.

После разлуки, счастливый Семаргл крутился вокруг меня, мельтеша хвостом и подставляя спину. На которой была подвязана торба со снедью. Когда я снял поклажу, он ринулся к усатому другу. Которого толкнул лобастой башкой и лизнул языком, прямо в кошачий носишко. После чего Питин, недовольно мяукнул и начал брезгливо умываться.

Тогда неугомонный Семаргл, важно подошёл к Микуле Гурьянычу и приветственно, подал лапу. «Глая, Ратин, посмотрите! Как меня пёс привечает и здоровается! Правда сперва, он ко своим друзьям, знаться подходил. Зато мне теперича, выказывает особливый почёт и уважение! – довольно молвил дед, пожимая псиную лапу и вновь обратившись к прабабке, поинтересовался. – Глая Монионовна, а как Вы, сего подкидыша назвали?». На что знахарка, взглянув мне в глаза и поглаживая стригунка по шее, неспешно ответила: «Да никак! Ратин должен ему имя дать, это его забота». Что заслышав, я радостно воскликнул: «Да что тут думать! Пусть будет Жарко или Жарушко! Ведь его змий, издалека принес и затем, как будто с Ярилиных небес, сбросил! Посему он, на здешних коней, совсем не походит!».

Пока мы разговаривали, Питин удобно устроился на загравке Семаргла и учтиво мяукнув, поздоровался с Жарко. Между нашими разговорами, лохматые друзья приблизились и добродушный пёс, лизнул скакунка, прямо в нос. Из за чего, малыш недовольно вскинул голову, настороженно фырк-

нул и даже ударил копытцем в лельную землю, правда за сим, успокоился. «Привыкнут. – подумав, предположил я. – Когда поближе познакомятся, то вообще станут друзьями. По-видимому ко всем нам, Глая внушила Жарко, дружеское расположение».

Бывало, что с помощью волошбы внушения, научившись у Глаи, я управлялся с животными. Легче всего, мне удавалось ладить с кошками и собаками. Конечно, при необходимости, я мог совладать, даже с нашим жеребцом Серко. Правда давалось мне это, не в пример, тяжело! Удастся ли нам с Жаром, обрести крепнущую в летах дружбу и душевную связь? Пока неведомо. Однако Глая, неустанно твердит: «Человек умудрённый, может передавать словами и взглядом, в доступной мысленной форме, просьбы многим животным. Если сам, искренен в сердце и открыт добрым деяниям. Поёлику животные, завсегда чувствуют злой умысел или страх. Когда ты Ратин, избавишься от неуверенности в себе и помыслишь свободно, в сей же час, звери лесные сделают для тебя всё, что только ты сам, не пожелаешь!».

Так намедни, во граде Листвень, куда я медовуху *оттартал*, на подворье князя Доброгнева, мне случилось совладать с парой степных пардусов! Коих отныне, позабыв о Велико-Тартарском Наследии, во многих Западных землях Рысичей, для забавы при дворцах неволят. Сие случилось, после того, как *юродивый* потешник, с умыслом звериную клеть не закрыл. Дабы смеха ради, *честной народ* попужать! Чего

не ведая, заметив выскочивших диких кошек, я по добром, назад во клетки вернул! Выслушав мой сказ, Глая заметила: «Твоя волошба Ратин, вышла сподручно оттого, что Род твой из Красного Яра, где расселились Столповые Велико-Тартарские Рысичи! Которыми владычествует Снежный барс, сошедший с Гор Небесного Вырия! Чей Победоносный Лик, расселившись по всей Мидгард-Земле, родовичи наши по сей день, малюют на своих щитах и стягах!».

Вскоре, прабабка уехала на Серке домой. Сложив на телегу тонкую чежу, жилы и лагушки со змиевой рудой. Засим, мы приступили к разделке, змиева тулова, из за чего смердящий запах, резко усилился! Так сильно, что ушастые други, начали ржать, чихать и фыркать, потирая носы. Семаргл стал виновато, поглядывать на меня, как будто хотел сказать: «Извини хозяин ласковый, но терпеть вонь, мы не можем!». Почувствовав их отчаяние, я вытянул руку с указующим перстом в сторону хутора и молвил: «Не нужно вам, мои верные други, глядеть на меня с укоризной! Догоняйте Глаю, вам на подворье веселей будет и Жарко прихватите. Нечего ему на Велесову тварь пялится, а то Глаины чары рассеются и вспомнит бедолага, события горькие! Завтра, когда прабабка поедет сюда в час подани, тогда прибегайте!». Мне не пришлось повторять дважды, брезгливый Питин прошипел: «Томой-пфф!».

После бегства троицы, я обратился к наставнику: «Дед, а когда мы к твоей захоронке пойдём?». Велет подумав, от-

ветил: «Возможно, после обестни наведемся. Правда пока, нам сподручнее, заняться змиевым туловом. Азь глаголю о схроне потому, что там прибран древний свиток, привезённый мной из Велико-Тартарского, Красного Яра. В котором подробно расписано, как охотиться на змиев, а после управляться с их чежей и костями. Однако то, каким образом змиево тулово разделявать, я помню и тебе подскажу».

Воняло от василиска так, как будто перед нами, опрокинулся воз протухших яиц! Пока я морщился и крутил носом, Микула смущённо взглянул в сторону ручья и дельно предложил: «Давай тулово змия, поближе к воде перетащим? Чтобы сразу разделявать и промывать его внутренности, избавляясь от смрада!». Когда мы понесли душу змия, я удивлённо спросил: «Дед, а пошто он такой лёгкий? Ведь он размером с быка и должен весить свыше тридцати, неподъёмных пудов! На самом же деле, он весит не больше девять пудов!».

– Азь в том свитке вычитал, что внутри аспида, есть пара важных мешков, большой и малый. Большой – брюшной мешок, наполнен вонючим легкотвором, такой невидимой ипостасью, похожей на воздух! Поэтому, перед тем как доставать легкотвор, чтобы сберечь его летучую ипостась, нужно крепко завязать его устье. При сих заботах, нужно крепко держать, иначе взлетит и скроется в небесах! Иная беда может случиться, ежели его поджечь. Поскольку с громким хлопком, легкотвор вспыхнет и спалит вокруг, всё жи-

вое! Посему побережься не помешает! Вот то небольшое, что положено знать, обращаясь с брюшным мешком, а на счёт грудного мешка, я тебе поведаю, между делом.

Над чежей тулова, мне пришлось потрудиться иным способом. Потому что вскоре выяснилось, что на мягком подбрюшье, она была намного толще, чем на крыльях! Из за чего, резать её толстый, роговой нарост, было попросту невозможно! Мой харалужный нож, бесследно скользил по поверхности, переливающихся чешуек, а прочный плуб, лишь оставлял неглубокие царапины. «Мне действительно повезло, что азь догадался стрелить его в глаз и попал. – подумал я. – Иначе сей аспид, сделал бы из меня, своё жаркое!».

«Дед! – пожаловался я. – Мне никак не удаётся совладать с брюшной чежей. Её даже плуб не берет!».

Велет успокоил: «Погоди Ратин. Щас совладаем!».

После чего, Микула достал из поясного кошелья, малую склянку в кожаном чехле. Из которой, очень осторожно, извлёк притёртую пробку. Затем он снова, пошарил в кожане и вытащил золотую трубку, похожую на соломинку. Нижний конец трубки, он опустил в горлышко сосуда, а её верхний конец, заткнул указательным пальцем. В итоге, Микула вынул трубку из бутылки и приподняв запирающий палец, провел её нижним концом, по месту желаемого разреза.

В сей же миг, из трубки стала потекла серая жидкость, которая в месте своего соприкосновения с чешуёй, начала шипеть и выделять белесый, выющийся дымок. Имеющий кис-

лый, неприятный запах и кислый вкус. После чего, на пластинках чешуи, пролегла тёмная полоса! «Дед, что это такое?!» – с опаской спросил я. «Это особое зелье, которое даже харалуг растворяет, а как его делают, твоя прабабка ведает. – задумчиво ответил велет и продолжил. – Теперь Ратин, этот тёмный надрез, смочи водой и пробуй резать!».

Действительно, под тёмной полоской, проделанной зельем, радужная чешуя сильно истончилась и стала хрупкой. Когда в том месте, я начала резать харалужным ножом, чежа оделялась без усилий! Однако мне, больше понравилась резка, невесомым змиевым плубом. Такая работа, требовала аккуратности и временных затрат. Тем не менее, за два часа кропотливого труда, чежа с тулова змия, была снята полностью и тщательно промыта в проточной воде. Затем разложена на траве, сохнуть под лучами Ярилы.

После обестни, я приловчился и стал осторожно выворачивать, плоские и удивительно лёгкие, ребра аспида. Под присмотром Микулы, который хмуро ждал того мгновения, когда я подберусь к внутренностям змия. «Сейчас будь повнимательней, Ратин. Не проткни мешки! Сперва возле устьяца, перетяни грудной мешок и отодвинь в сторону. Ага, вижу что готово! Теперь достанем брюшной мешок, который облегчает змия. – уточнил наставник и добавил. – Только сперва, возьми жилу и перетяни его, возле горловины. Ага, здесь! Теперь перережь его пуповину и крепко держи. Пока не вытаскивай, а то улетит. Просто придави! Азь пока, валу-

ны притащу и веревки».

Мне пришлось крепко придавить, брюшной мешок рука-ми, не позволяя ему вырваться из под верхних рёбер змия. Вскоре, когда Микула перенёс три здоровых валуна, я спросил: «Дед, а что в грудном мешке змия, находится?». После того, как наставник крепко закрепил верёвку на валунах и начал обвязывать, полупрозрачный легкотворный мешок, ответил: «В малом мешке, слюна змиева скапливается, которая смешиваясь с воздухом и самопроизвольно вспыхивает пламенем, когда он плюётся! Поэтому его огнетворным пузырём, называют». Большой же мешок, напоминал рыбий пузырь, только во тьму раз больше. После того, как наставник его надёжно обвязал, соединив с булыжниками, произнёс с облегчением: «Добро! Теперь Ратин, можешь его отпустить. Меня радует то, что твой змий, был ишшо мал! Иначе пришлось бы, вязать с десятков, таких валунов! Поскольку зрелый Горыныч, легко берёт матку на двадцать пудов, а его легкотворный пузырь, втрое больше!».

Приноровившись, Микула переместил объемные валуны, вместе с рвущимся в небо, легкотворным мешком, в сторону берёзы и завязал конец верёвки, обернутой вокруг ствола, на узел. Затем довольный, подошёл ко мне и постоял рядом, разглядывая наше творенье. Когда же он, заметил на моём лице, немой вопрос, то поспешно ответил: «Мы понесём легкотвор вверх, вдоль берега Кривого ручья и спрячем в пещере Острой скалы». Затем поинтересовался: «Теперь

ты понял, почему змий оказался лёгким?». На что я ответил: «Уразумел воотчию! Василиск лёгкий оттого, что его кости пустотелые, а легкотворный мешок, тянет его душу вверх!». Темнело, а наших дел не убавлялось. Поэтому я сбегал на хутор и предупредил Глаю, чтобы она приехала за нами, но только завтра, в час поудани.

Занялось третье утро, нашего пребывания на Перуновой поляне. Мы встали позже обычного, но после размеренного, сварного чаепития, всего за пару часов, к началу обестни, наверстали упущенное. Засучив рукава с первой частью Утриси и закончив в Поутрость, мы бодро оттартали и спрятали в схроне Острой скалы, легкотворный пузырь аспида. После чего, спешно вернулись и проделали множество дел. Таким образом, к середине дня, к концу часа подани, перед нашим взором, образовалась куча, бесценной рухляди!

Прибытков, полученных из души аспида, получилось немало. Тщательно промытые и увязанные в связки, рёбра. Три отреза, скатанной в тюки, самой ценной в мире и удивительно прочной, чежи живота! Связка тонких, длинных и лёгких костей крыла. Бережно закупоренный и уложенный на хранение, в отмытый череп, грудной пузырь с огнетвором. Замотанные в сухое вервиё, челюсти змия с невероятно прочными, пластинчатыми зубами.

Русалки перестали недовольно зыркать на нас из кустов, дождавшись своего счастливого часа. Когда мы с Микулой, закончили вонючее безобразие. Конечно, мы сочувствовали

навьим духам и сделали всё возможное, что бы как можно скорее, завершить свои труды. Так что в последний, дневной час поудани, превозмогая усталость, мы захоронили змиевы внутренности и прибрались на Священной поляне. После чего, уважили подношениями Перуна, Велеса и его Лесного волка. Поблагодарили русалок ручья, за проявленное долготерпение и окурили дымом здравницы, Священный дуб. Как положено, совершили всё праведно, во Славу Рода!

Месяц дайлеть, подходил к концу, поэтому начиная с завтрашнего, тридцать второго числа, в течении его последней девятицы, мы решили закончить, обработку всей чежи. Предварительно вымочив её в растворе дубовой коры с последующим натяжением, для выравнивания. Неспешно размышляя, на будущее о том, как нам лучше изготовить аспидную бронь и оружие. Потому что с началом нового сороковника, месяца Эйлеть, мы будем заняты, распашкой полей. В который, как и все Рысичи округи, мы начнём сеять ячмень, овёс и сажать репу.

Вскоре, в сопровождении ушастой троицы, на телеге приехала Глая. Так что с началом вечернего часа паобедь, всей гурьбой, мы воротились домой. Прибрав всё аспидное добро, в стоящий на задворках терема, сарай. К которому с тех пор, из за едва заметного, но отвратительного запаха, никакая живность вообще не приближалась. Даже проходящий недалеко, Лесной хозяин, рявкнул от возмущения и удалился, куда подальше!

Кроме всех совершаемых или намеченных нами дел, старцы никогда не забывали о моём обучении. Так по утрам, в чётные – второй, четвёртый и осьмой дни недели. По три часа, начиная в сваорь и заканчивая в поутрось, прабабка наставляет меня Православным Поконам Инглиизма. Которые были заповеданы нам, Первопредками Славяно-Арийской Расы или рассказывает Летописи Рысьих Родов, обращая моё внимание на то, что мы выходцы из Даарии. В том числе, обучает Православной Грамоте. В первую очередь, она учит меня, сложным образно-руническим письменам – Дарийским Трагам и Харийской Каруне. Потом объясняет особенности переходной – Святоруской Буквицы или тонкости буквенной – Расенской Молвице. Благодаря общей совокупности знаний, Глая учит меня, образно мыслить. На уровне многомерной Славяно-Арийской Арифметики, целительства и волшебства.

В особые дни, Глая заставляет меня, выводить латинские буквы и писать Ромейским письмом. Более того, из среды пекельных наук, используемых Ромейским поганцами для завоевания мира, прабабка выбрала три основные и теперь, знакомит меня с их содержанием. Приговаривая: «Терпи Ратин, мысли врагов, Рода человеческого, нужно понимать!».

На таких занятиях, она разъясняет мне суть, захватнических Религий, для покорения и постепенного уничтожения рабов. Суть которых, сводится к устрашению и покорности, захваченного населения. Такие учения наставляют ра-

бов, примерно так: «Если тебя ударили по одной щеке, прояви человеколюбие и любовь, подставь другую!».

Во вторых, на примере уничтожения Варварейцев, Кметов, Кельтов, Этрусков и Венедов, прабабка наглядно разъяснила мне, принцип действия Ромейского, Захватнического и Рабовладельческого Права. Которое разделяется на Земельное, Морское и Торговое. В третьих, Гляя растолковала мне, основы *Шумерской математики*. Основанной на Навых постоянных, линейного времени. Величины которой, только отчасти, свойственны мирам Яви и Прави.

Более терпимо, я отношусь к изучению пограничного, для наших Миров – Ахейскому языку. Который теперь, больше называют Эллинским. После утреннего обучения и трапезы в час обестны, с наступлением дневного часа обести, я начинаю заниматься хозяйскими делами.

В нечётные дни недели, третий, седьмой и девятый, по два часа в день, начиная с часа обести по час утда이니, Микла наставляет меня воинским премудростям. Лето за летом, делая мои упражнения сложнее, таким образом, добиваясь совершенствования умений и навыков. Среди постигаемых мной, воинских дисциплин, есть тройка основных. Это искусство владения Арабской секирой, двуручным мечом и копьём. В оставшиеся три дня недели – первый, пятый и шестой, я как правило, свободен!

Глава 7. Доспехи и стрельни

В заботах прошёл, месяц Хэйлеть и наступил Вейлеть. Мы посеяли овес, ячмень и кормилицу рожь. Глая засадила репище, обиходила молодой яблонеый сад и несколько груш. Между прочими хозяйскими заботами, я огородил круглый загон для Жара и принялся его приучать к *недоуздку*, хотя Глая сказала, что он ещё мал, для этого. Однако Жар, оказался понятливым учеником, так как видел на примере Серка, что нужно делать и не сопротивлялся.

Как-то днём, я учил жеребёнка, отзываться по имени. Для чего временами, подзывал его к себе, со словами: «Жарушко, Жар! Беги сюда, малыш. Отведай солонца!». Когда горбунок откликался и подбегал, я угощал его ломтиком, подсоленного хлебца. Наши занятия заинтересовали, проходящего мимо кота. Который тихо сел и начал внимательно следить за происходящим, но потом неожиданно, промяукал: «Мар! Ш-ш-мар! Ш-шар!». Заслышав своё имя, конёк подошёл к Питину и недоверчиво обнюхивая, фыркнул. В следующий миг, котофеич лизнул его прямо в морду, чем заверил в искренней дружбе! Правда потом, он смущённо поджал уши и начал усердно вылизывать, свою лапу. Так что я радостно взглянул, на новых друзей и шутливо сказал: «Выходит Питин, ты умеешь разговаривать, а не только воды или мяса просить?!». На что, не понимая шутки, мурлыка серьёзно

ответил: «Мра!».

Временами, наш кот мурчеловил. Правда из за того, что глотки кошек, не приспособлены для человеческой речи, Питина нужно было, научиться понимать. Например имя Се-маргл, кот выговаривал как «шмарг», а имя Глаи – «хлау». Таким образом, как обычно искажая слова, Питин сегодня впервые, промурчал имя конька. «Надо бы поучить Питина, лучше говорить – пробормотал я. – Но когда?! Ведь свободного времени, совсем нет!».

Как-то раз, прибираясь во дворе, Микула обратил внимание на деревянное бревно. Которую внимательно осмотрел, заложил в козлы и острогал, сотворив плоский верх. После чего, наметив линии с помощью *локтевого круга* и аршинной линейки, он выбрал в колоде, два полукружных и один сложно изогнутый, в полтора вершка глубины, пазы. К этому времени, Глая закончила урок арифметики и я вырвался во двор, в поисках деловитого шума. Где нашёл Гурьяныча, давшего на мои расспросы, обстоятельный ответ: «В нынешний месяц, мы сотворим тужни, для новых луков, щиты и стрелы! После чего, обработаем некоторую часть, имеющейся чежи аспида. Поскольку Глая Монионовна, собралась кроить *военные одежды* и *ратные доспехи*.

Я вспыхнул от счастья, но по мужски сдержал восторг и важно произнёс, слегка дрогнувшим голосом: «Понятно, дед. Только теперь, мне нужен лук, помощней старого!». В ответ на что, велет торжественно заметил: «Твой прежний

лук, был двухпудовым. Однако с тех пор, ты весьма вырос и продолжаешь мужать. Поэтому мы будем мастерить, сразу три лука! Трехпудовый, четырехпудовый и пятипудовый!». Меня даже оторопь взяла, после того как я представил, предстоящий объём работ, а в озвученных характеристиках, захотелось разобраться.

Поэтому я спросил: «Дедушка, а пятипудовый лук, который мы сделаем, будет такой же мощный, как тот, что висит в твоей пещере?». На что Микула, выслушав меня с улыбкой, ответил: «Например по молодости, в походе с Бориславом, азъ с шестипудовым луком управлялся, только за давностью лет, он не сохранился. Тогда как лук, висящий в пещере, справлен мной позднее, однако каков он на тетиве, мне не ведомо. Вполне возможно, что он десятипудовый. Вообще-то азъ, стрельцом никогда не был, а его справил в тяжёлую годину, для особой надобности! Однако, делать такой лук тебе, на мой взгляд, весьма преждевременно, а вот названные, будут весьма к стати!».

Своим ответом, Микула успокоил мои страхи и вот почему. В тот день, когда мы притащили пузырь в верховья Кривого ручья, а Микула отвалил от Острой скалы, девятипудовый камень и мы вошли внутрь пещеры, я впервые увидел его! Словно Велико-Антский, длиной в сажень, изготовленный из Варварейского, чёрного дерева и отполированный прикосновением Микулиных рук, лук, *с вершиковой толщиной туженя!* В туле которого, виднелись стрелы, толщиной

в треть вершка и напоминали собой, лёгкие дротики. Когда я взял его в руки, то непроизвольно вздрогнул. Какой же чудовищной силой, обладает велет, раз может с ним обращаться?!

Помимо лука, в открывшейся взору, небольшой пещере, я увидел доспехи, щиты и оружие. На отрезках ряднины были разложены, длинная кольчуга из каленого харалуга и нагрудный панцирь с вязанным, стальным воротом и юбкой. Наколенники и закрытые харалужными пластинами, кожаные сапоги. Всё железо, было смазано топлёным, бараньим жиром. Поодаль, на уступе скалы, покоился Ахейский бронзовый шлем с личиной. Богато украшенный гребнем из конского волоса. Правее шлема, на деревянном гвозде, вбитом в трещину, висел большой, двуручный меч! Вложенный в кожаные, узорчатые ножны с окованным медью, устьицем. Возле меча, с опорой на гвоздь, стояло длинное копьё с круговой, железной пластиной, прокованного ратовища. Поодаль, на другом гвозде, висела секира с широким лезвием.

После того, как мы пристроили змиев пузырь, а глаза привыкли к слабому свету, в дальнем углу пещеры, на плоском камне, я разглядел возвышающийся, окованный медными полосами, аршинный сундук. Микула указал на него перстом и загадочно произнёс: «Он здесь!». После чего открыл амбарный замок, поднял крышку и достал свиток, потемневшего пергамента. Который приподнял в руке и с улыбкой взглянув на меня, молвил: «Азь говорил тебе об этом свитке. В

нём описывается, как правильно мастерить доспехи из змиевой рухляди. Сейчас он нам нужен, как никогда, поскольку многое из моей памяти, выветрилось за лета!».

Я очнулся от воспоминаний и спросил: «Дед, но зачем тебе нужен, такой мощный лук?». На минуту, Микула о чём-то задумался, вспоминая былое. После чего, тихо ответил: «Когда ни будь, я расскажу тебе о горькой године, своего рабстве в *царстве Киэнги*. Это ристалищный лук! Рассчитанный только для одного, победоносного выстрела. В начале поединка, в такого же как я сам, подневольного противника». После чего, смущённо крякнув, велет добавил: «Правда по возвращении во Славские веси, сим стрельнем, азъ ни одной живой души, больше не бил! Поскольку белый свет, стал мне не в радость, а глаза перестали зреть. Думаешь, азъ далеко вижу? Нет! Только на пол ста саженей, а дальше всё расплывается. Из за чего, последние три десятка лет, мне на зверином промысле, делать нечего!».

Мне не терпелось, занять свои руки важным делом, поэтому я, нетерпеливо спросил: «Дед, а когда мы начнём тужни править?». Наставник поинтересовался: «Насколько я понял, твои занятия с Глаей Монионовной, на сегодня окончены?». На что я ответил, словно стрелил: «Конечно!!!». Велет хмыкнул в усы, догадываясь о бурлящем в моей душе, нетерпении и сказал: «Пойдём в горницу, сперва потрапезничаем, а после подношений Богам, приступим!».

Так что с началом дня, в тринадцатый час обести, зару-

чившись благословением Перуна, мы приступили к долгожданной работе. Я перетащил из сарая, часть змиевой рухляди. Кости крыла, парные рёбра тулова, лагушок с рудой, пузырь со слюной и плоское корыто. Затем в сенях терема, я прихватил мешочек с лечебной ромашкой и вернувшись во двор, замер подле наставника. Который в это время, для первых двух тужней, придирчиво выбирал, две ровные кости, двух и трёх *ноктевой* толщины, а для третьего тужня, приглядывал одинаковой кривизны, парные рёбра аспида. Во время сего занятия, дед описал мне, стрельное равенство: «Например, о чём говорит выражение – Трёхпудовый лук? Всего лишь о том, что для натяжения его тетивы, требуется усилие в три пуда! Такое линейное выражение, характеризует все стрельни мира. Различающиеся в своём многообразии, только упругостью тужня или крепостью тетивы».

Первые два тужня, трёхпудовый и четырёхпудовый, мы решили сделать цельными, из пустотелых костей крыла, в отличие от третьего тужня, самого мощного и составного. Который будет изготовлен из парных рёбер аспида, крепко связанных между собой, прочной жилой. Придирчиво выбранные Микулой рёбра и кости, я сложил в корыто со змиевой кровью и сушёной ромашкой. После чего, наставник осторожно сдобрил полученную смесь, *чаркой* опасного огнетво-ра и сказал: «Пока всё! Теперь нужно закрыть и обождать три дня, пока кости не размягчатся».

Через три дня, для первых двух тужней, я заготовил две

костяные трубки, длиной по семь вершков. В которые с лёгким усилием, мы вставили размягчённые кости, двухаршинной длины. После чего, поместили их в округло изогнутые, пазы в колоде. Засим настал черёд, третьего тужня. Уплощённые рёбра для которого, Микула соединил концами между собой и обладая недюжинной силой, плотно обмотал тонкой, но очень прочной, аспидной жилой. После чего, заготовку трехаршинного тужня, он с усилием вставил в многократно изогнутый, паз в колоде.

На этом мои труды не закончились. Микула скомандовал: «Теперь Ратин! Разводи костёр и ставь на него, трёхкорчажный котёл с водой. Потом в тёплых сенцах, найди мешок сушёного чабреца, прихвати его во двор и как только вода закипит, добавь в неё, один гранец травы. Да ещё соли добавь, с пол гранца. После чего обожди девять частей, пушай вар настоится, а потом бери черпак и поливай тужни в колоде. Пока весь котёл не опорожнишь. Под воздействием горячего вара, кости аспиды из тёмно-синих, станут светлыми, словно небо. К тому же, без неприятного запаха, а в местах соединений, очень прочными, как твёрдый камень!». За сим, дед подался в терем, чаёвничать с Глаей, а я начал кипятить, заваривать и поливать отваром, тужни в колоде. Ближе е вечеру, я прибрал двор и глядя на тлеющее костровище, настроился ждать целую неделю, окончания сушки *кибитей*.

Пока день за днём, тужни сохли в колоде, мы времени не теряли и сделали три клееных из ясеня и выпукло остру-

ганных, воинских щита. Два круглых – Потешно-локтевой и Бранно-аршинный, а третий длиной в простую сажень, вытянутый и округло-зауженный вниз – Дружинный. Которые спереди, я оклеил мелко ячеистой и очень прочной чежей, с боков крылатого аспида. После чего, мы отвезли их во градскую кузню. Благо, что мастер по железу, по прозвищу Кричь, взял в оплату дюжину векш и сварганил на щиты, центральные шишаки и круговые оковки.

Близился вечер. Когда в пятнадцатый, дневной час утдайни, мы на телеге, запряжённой Серком в сопровождении ушастой троицы, возвращались домой. Новенькие щиты, на ухабах стези, весело позвякивали, своей железной оковкой. В очередной раз, взглянув на которые, я спросил наставника: «Дед, а как быть с броней? Ведь чежи мы заготовили, целую уйму?!». На что Микула, усмехнувшись ответил: «Как ты думаешь, чем Гляя Монионовна по вечерам в почивальне, теперь занимается?! Для чего она давеча, с тебя мерку сняла?». Я воскликнул: «Ой! Неужто прабабка, начала мне бронь шить, но почему она, ничего не сказала?!». Дед ответил: «Пока знать об этом, тебе не положено. Так что ты Ратин, меня не выдавай, сам помалкивай! Примерить захотелось?! Азь огорчу тебя, бронь шьётся на вырост. Понял? В ответ, я обескураженно пробурчал: «Понял».

Взгляд Микулы, вдруг стал озорным и в месте с тем, проницательным: «Ты думаешь, что в следующий раз, бронь тебя лучше защитит? Когда вы с рыжим Митьком, снова во

граде, решите подраться?!». Что заслышав, я враз загорелся, словно трут от огнива! Правда вовремя спохватился и промолчал, но всё-же сокрушённо подумал: «Откуда Микула, об этом знает?! Ведь это, только наши дела!». Рыжий был заводилой среди градских парнишек и моим, нет, не врагом, а противником! Потому что он, умело доводил меня, своими присказками и дразнилками, до белого каления!

Вообще, с какого перепуга, Митяй решил, что я чёрный или чумазый?! Ведь мои волосы, в живу выгораю до белизны и даже в марену, не черного, а рысёго цвета! Телом я тоже не чёрен, а просто смугл! На моей груди, как у Рыжего, висит родовой оберег Рыса. Правда на моей спине, виднеется обширный шрам, напоминающий дерево с расходящимися ветвям. Который привлекает к себе, настороженные взгляды, градских мальчишек. Однако во время стычек, не является предметом шуток. Поскольку все знают, что это отметина Перуна, полученная мной, в раннем детстве.

Однажды, когда мне исполнилось три лета, Глая привела меня в капище. Решив провести обряд, моего посвящения в ближники Тары и Тарха Перуновича. В те лета, она была старшей жрицей капища и не нуждалась, в чьей либо помощи. Для соблюдения обряда, она посадила меня на алатырный камень и дала мне в руки, свой жреческий скипетр. Чтобы я игрался, не плакал и не мешал. Однако сам Громовержец, отец Тары и Тарха Перуновича, остановил обряд! Ударив молнией в центральный столп капища! Малая часть ко-

торой, горящей перуницей отскочила к алтырному камню и скользнула по моей спине. После того случая, Глая три месяца, залечивала Божественное Касание!

В общем, с самого первого месяца, нашего жительствова в Полянских землях, не брал нас с Митяем мир! Несмотря на то, что я был силён и упрям, ватага рыжего всегда побеждала! Поскольку он оказался, хитроумным соперником. Когда мне приходилось бывать во граде, Митяй подкарауливал нужный миг и нападал первым, но не один, а целым скопом! Когда я бился в нападении, они не сдавались, но кружили меня по очереди и выматывали. Мне приходилось весьма туго, потому что Микула, строго-настрога запретил, применять против родовичей, костоломные приемы. Поэтому если от пары нападавших, я легко мог отбиться, но от оравы – нет!

В потасовках, мне крепко доставалось, правда я не жаловался. Однако с недавних пор, в свободные от занятий дни, я начал ходит во град и скрытно ловить, своих противников по одному. Насколько я знаю, после заслуженной трёпки, они тоже никому не жаловались. Тогда откуда, Микула всё знает?! Догадавшись, я хлопнул себя по челу и пробормотал: «Ведь всё, по лицу видно! Разве можно скрыть, душевные синяки или фингалы?! Конечно – нет!». Темнело, однако за версту до хутора, в горнице нашего терема, стал виден свет. От путеводной свечи, предусмотрительно зажжённой Глаей.

Занятия продолжались, сегодня Глая потребовала письменный перевод на Ахейский, приговаривая: «Теперь Ра-

тин Казимирович, пиши следующее! Жрицы богини Тары с древних времен знают, что Мать-Сыра Земля в пространстве Пекельных миров, образует линейно обусловленный, арифметический шар. Тогда, как в мирах Яви и более всего в Прави, тяготеет к плоскости. Все земли, известные и не известные людям, на лике Мидгард-Земли, омываются бескрайним морем, под названием Океан. Весь видимый мир, Ахейцы называют – Ойкуменой.

«Ратин! – воскликнула Глая. – Сгони с себя Питина, ведь мешает». Кот не согласился, забравшись мне на плечо: «Ма-а-яу! Пи-и-ти, Хлау!». Я просительно, возразил: «Глая Мо-нионовна! Не мешает мне котофей, вообще нисколечко. Даже помогает!

– Как бы не так! Помогает он. Мурлычет, сон на тебя навевает. Думаешь, я не вижу, что ты носом стол клюешь? Опять ночью с Микулой свет Гурьянычем возле сарайчика колобродили, костер палили! Сгоняй Питина и пиши далее... В том Океан – море, живут рыбы морские, разные гады, со многими руками – щупальцами, зверем Спрутом называемые. Они могут вырастать такой величины, что могут спокойно морскую чайку-лодку утащить на дно. Кроме мелкой рыбы в Океане живет рыба китом называемая. Величиной она достигает в длину сорока шагов и весом до ста быков туров. Когда кит-рыба всплывает на поверхность, то фонтаны водяные на двадцать локтей кверху выбрасывает. А еще там, в жарких водах водится малая рыбка, у котрой плавники

крылами птичьими работают. Та рыбка в воде соленой разгоняется и в воздух взлетает.

– Глая, милая! – не выдержал я. – Эту сказку ты мне три луны назад диктовала, а я запомнил!

– В тот раз ты записывал сию сказку старыми рысскими чертами да резами, специально для бересты изобретенными, а теперь пишешь ахайским письмом.

– Ну да, а вчера писали по финикийски или буквицами наших родичей, что живут на берегу Срединного моря на полуночь от латинов. Письмом этрусков. Это письмо мне больше других нравится, Глая.

– Еще бы! Тебе и в счете более нравится складывать этрусские цифры, хотя их правильнее будет называть хиндустанскими. Ладно, уговорил. Сложь в короб бересту и писало, да беги к деду Микуле. Улучшай свое правило воинское.

С Питином на плечах я выскочил за дверь, довольный до нельзя. Сжалилась прабабка. Отпустила раньше. Теперь можно малое время побегать наперегонки с Жаром, и Семаргл против беготни возражать не станет. А Питин, ежели захочет, пусть на столбе сидит...

Побегали, порезвились в жаровом загоне в сласть. Сначала вчетвером, потом, когда Питин устал и забрался на столб, втроем. Семаргл гулко гавкал и пытался ухватить Жара за хвост. Тот взбрыкивал, фыркал на пса, задира, на всякий случай, хвост морковкой, прыгал и стремительно мчался по кругу возле забора. Я в свою очередь пытался поймать хвост

Семаргла, а Питин вертелся на столбе, мявканьем подбадривая всех троих.

Потом мы стали отрабатывать фокусы. Сначала Семаргл стоял неподвижно, а Жар перепрыгивал через него. Потом роли менялись и, наконец, в игру вступал Питин. Он забирался на спину Жара, а Семаргл перепрыгивал обоих. Я, конечно, тоже не отставал. Баловались до тех пор, пока не появился дед Микула и прекратил, как он выразился, это безобразие.

– Расшалились, дети малые. Хватит играть, пора к делу приступать. Вы, Семаргл с Питином, бегите проверьте овец, не забрались ли в болотину. А ты, Ратин, пойдешь со мной. Будем новые луки испытывать. Высохли, как надобно.

– Ура! – заорал я что было мочи. – Ура деду Микуле! Да здравствует его мудрость и знания!

– Хватит орать, Ратин. Ты лучше испробуй, какой лук тебе по силам.

Снаряженные луки были пропитаны конопляным маслом, покрыты лаком и теперь лежали на топчане, вытащенном из сарая. Тетивы на них были скручены из змиевых жил, промазаны жиром и растопленным воском, чтобы не сырели в плохую погоду. Рядом с луками лежало с десяток боевых стрел с гранеными наконечниками и костяными подпятчиками с глубокой прорезью для тетивы. Сами стрелы были на треть длиннее, чем стрелы для моего старого лука.

Я натянул на левую руку перчатку с костяным щитком на

запастье, взял в руки ближний лук с кибитями из ребер и попробовал натянуть толстую тетиву из змиевых жил.

– Трехпудовый? – я поглядел на деда Микулу. Тот кивнул.

– Кажется, легковат. Неужели я стал настолько сильнее?

Следующий лук поддался труднее. Я покраснел от усилий, пока мне удалось натянуть лук и пустить в специальную мишень длинную стрелу. В центр мишени, конечно, не попал, но стрела вонзилась достаточно близко. Я не огорчился. К любому луку сначала нужно привыкнуть. Тренироваться. А вот пятипудовый, как не старался, натянуть до упора так и не смог.

– Ты, Ратин, не расстраивайся. Мужчина растет до двадцати пяти лет и матерееет. Тебе только пятнадцать исполнилось. Так что кости еще вырастут, а жилы с мышцами мы нарастим! Вот сейчас этим делом займемся.

С полудня и до вечера я под приглядом деда Микулы занимался воинским правилом. Метал в мишень сулицы с обеих рук, пытался противостоять старому велету в бою обоеруких на дубовых тренировочных мечях, метал в столб ножи, стрелял по мишени из нового четырехпудового лука.

Конечно, в настоящем бою дед Микула снес бы меня одним ударом, когда мы бились на мечях. Старый храбр щадил молодого щенка, небрежно отмахиваясь от моих ударов, и вслух комментировал мои ошибки. Я прислушивался, иногда просил повторить сложную комбинацию, памятуя о том, что у меня никогда не будет такой огромной силы, как у ста-

рого велета. Следовательно, мне следует надеяться в будущих боях не на силу, а на ловкость.

– А теперь, Ратин, веди Серка. Седло накинem, покажешь, как в седле держаться можешь.

– Бегу, дедушка!

Серко не боевой конь. Простая, ратайская лошадь. Уже не молодой, небольшого роста, мерин. Зато безотказен, спокоен, послушен, вынослив. Что в телеге, что в санях. Под седлом тоже способен нести всадника, конечно не велета в боевом снаряжении. Зато мой вес ему как раз по силам.

Сегодня я завел оседланного Серка в загон, построенный для Жара, благо он был круглым, и занялся вольтижировкой. На полном скаку вставал на седло, рывком уходил под брюхо Серка, чтобы появиться с другой стороны, переворачивался, вставал на руки, опираясь на седельные луки, рубил лозу, метал ножи в небольшую мишень, стрелял из лука, правда, из трехпудового. А позади нас, шагах в десяти мчались Семаргл и Жарушко, пытаюсь догнать. Тренировались, пока я уморился сам и уморил бедного Серка. До тех пор, когда дед Микула сжалился и скомандовал отбой.

Поводил Серка в поводу, давая остыть, насыпал в ясли овса ему и Жару, потом напоил. А тут и Глая вышла на крылечко, позвала нашу ораву ужинать.

Семарглу и Питину налили в миски без разговоров, а нас с дедом Микулой сначала отправили мыться к бочке с дождевой водой. После ужина, Глая увела меня в пристройку и

сначала заставила померять почти готовый доспех из шкуры Змея. Он оказался для меня слишком просторным.

– Его на шубу надевать в карачун, – пробурчал я. – И то велик окажется. Ты же, Глая, мерку давно сняла. Ошиблась?

– Глупый ты, Ратин, – улыбнулась прабабка. – Ты сейчас в рост тянешься, как молодой дубок. На вырост кроила. Зато броня яркая. Все змеевы цвета радужные сохранились.

– А вот это, Глая Монионовна, плохо, – вмешался дед Микула. – Таковую раскраску любой враг за три версты высмотрит. Придется красить в серо-зеленый цвет. У тебя есть такая краска?

– Тебе видней, Микула Гурьянович. – сразу согласилась Глая, а я только вздохнул. Решают за меня, словно меня рядом нет. По мне бы такую красоту лучше оставить. Да еще проехаться по улицам града на зависть градских парнишек, особенно Митьку рыжему.

– Все дела свои переделали? – спросила нас Глая. – Раз переделали, доставай, Ратин, гусли, будешь баллады и былины разучивать.

– Глая! – взвыл я. – Может, сегодня без былин обойдемся, а? Я до десяти лет все былины в храме богини Рати выучил наизусть.

– Основные былины, может быть и выучил, – согласилась прабабка. – Зато на гусях до сих пор слабенько играешь.

– Не получается у меня на гусях. Пальцы плохо слушаются в переборах. Сама говорила, что музыкантам тяжелая

работа противопоказана.

– Это у тебя работа тяжелая? – возмутилась прабабка. – Ты, Ратин, сегодня что – пахал, дрова колол, пни на новой рощищи корчевал? Слух у тебя есть, а остальное получится, ежели старание приложишь. Начинай с запева былины «О сотворении Мира великим Родом». Я подпою. Начали...

Жива была в самом разгаре. Близился праздник Купала и ради такого случая, а так же по окончании изготовления двух разных комплектов доспехов, двух, разного размера круглых щитов с медной оковкой и умбонами, конской брони, трех тулов боевых стрел, прабабка разрешила мне с дедом Микулой съездить в град.

Прямой дороги от нас до града родичей, дождливой маррой и в карачун, не было. Болота с топами или снег, отсекали наш хутор от людных мест. Это было хорошо в том смысле, что исключало неожиданные наезды незнаемых людей, зато становилось нешуточным препятствием, когда нам с дедом Микулой приходилось на телеге пробираться до жилых мест. Год назад мы с дедом Микулой спрямили торну, уложив в топях три гати длиной шагов по тридцать. Гати из лиственного дерева, что не гниет в болотине, да еще притопили, чтобы не попал к нам гость незванный.

Теперь по торне через гати стало не пятьдесят верст с гаком, как говаривал дед Микула, а всего тридцать. Без гака.

Жива, есть – жива. Мурава вымахала на полянах по пояс. Всюду цветы, а над ними бабочки различные да стрекозы

порхают. Пчелы летают от лесных бортей, жужжат, собирают нектар да пыльцу, трудятся. А пахнет всем этим с такой силой, что дух захватывает. Лепота – как говорит опять же дед Микула.

Везли мы на телеге десять двухведерных лагушков с сомой-медовухой для двора князь-старейшины Доброгнева, да мягкой рухляди два мешка – обменять на соль, пшеницу, кузнь разную у коваля Векши.

Сзади за телегой бодро бежал не отстающий от Серка, здорово подросший за три луны Жар, помахивал хвостом, смахивая с себя болотный гнус. Перед поездкой я намазал его и Серка дегтем, выгнанным прошлой живой, да и сами мы с дедом Микулой намазались, не забыв прихватить накомарники. На нашем хуторе комарье и гнус беспокоили мало. Не любят кровососы сухих песчаных мест, зато в болотах надоедают во всю мощь.

Чистюля Питин не дал себя намазать и поначалу устроился у меня на плече, решив путешествовать с комфортом. В болотах он заскучал и, не выдержав комариных атак, забрался с головой ко мне за пазуху. Семаргл бежал впереди телеги, часто пропадая из виду в траве, потом опять подбегал к телеге, пересчитывал нас строгим взглядом и опять исчезал.

– Прямо полный набор упрямых щенков, да еще Жаренок прибавился, – ворчал дед Микула. – Вы все что, друг без друга часу прожить не можете? Ну зачем, скажи на милость, прихватил свою ораву? Будете всем скопом с Митяевой дру-

жиной силой меряться?

– Мра! – грянуло из-под моей рубахи утвердительное.

– А ты, Питин, молчи! Не тебя спрашивают. А спрашивают атамана вашей разнокалиберной ватаги. Понял? – рассердился дед Микула.

– Мру! – мордочка кота показалась в воротах моей рубахи. – Мя-а-со! – не согласился Питин.

– Вот то-то и оно, – вздохнул дед Микула. – Мясо... Они из вас не мясо, а котлетный фарш сделают.

– Не мы первыми начинаем, дедушка, – стал оправдываться я. – Это Митяй все никак успокоиться не может. Кстати – что за странное имя у него?

– Имя, как имя, – неохотно ответил дед Микула. – Эллинское. Правильно – Митрий будет. Есть в Ахайе такая богиня, Деметрой называемая. Это еще одна ипостась богини Живы. Так что хотя прозвища у вас разные, вы с ним одной богине посвященные. Прозвание то я сам ему дал, когда он родился.

– Выходит, мы с Митяем кровные родичи? Не только по роду-племени?

– Хоть и дальние, но родичи. Правнук он мой.

– А что ты ранее об этом не сказал, дедушка?

– Ты не спрашивал.

Я задумался. Вот оно как поворачивается. Родичи, а мир не берет. Хотя Гляя рассказывала, что между родичами всегда распри сильнее бывают. Почему так? На груди у нас с

Митяем тот же облик выколот предка Рыса снежного, по сю пору в Святых горах живущего. Охраняет те горы от находников Святогор богатур, мирно с Рысом-барсом уживается. Чего тогда мы с Митяем делим? Может попробовать помириться? А вдруг Митяй за труса примет? «Ладно, – решил я после долгих раздумий. – Обзовет трусом или не обзовет – стерплю. Не буду отвечать на его дразнилки и подначки. Знать бы только, что получится!»

Глава 8. Заморский караван

К граду Рысов мы добрались во второй половине дня. Удивительно, но на окружающих град полях почти не было людей. Я вопросительно посмотрел на деда Микулу, но он только пожал плечами.

– Не понимаю сам, Ратин. Может, что-то случилось?

Град, выстроенный три десятка лет назад вткелцами с реки Рось, расположился на пологом холме рядом с небольшой речкой, которую назвали в память о прежних временах – Роской. Град представлял собой поселение, окруженное высоким тыном из лиственных, вкопанных вертикально бревен. Тын стоял на двухсаженной высоты валу, перед валом был выкопан трех саженный ров с оплавленной кострами глиной. Сейчас глина кое-где оплыла, края рва заросли травой с кустарником. Было видно, что уже длительное время за рвом никто не ухаживает, не приводит в порядок.

В град вели единственные ворота, а перед ними был уложен подъемный мост на массивных бронзовых цепях, которые уходили в две воротные башни. Мост, очевидно давно не поднимали, потому что он врос в землю. На обзорных площадках башен никого не было. Градские ворота были открыты, и никакой сторожи тоже видно не было. При виде такого безобразия дед Микула рассердился. Куда князь-старейшина смотрит? Мало ли какой находник появится. То-то спаси-

бо князь старейшине Доброгневу скажет!

Я глядел в помрачневшее лицо старого велета и понимал, что теперь скупому и добродушному князь старейшине малой выволочкой не отделаться. Дядька Доброгнев, уповая на отдаленное расположение града, расслабился и не обращал внимания на вероятную угрозу вторжения чужих находников. Высокий, дородный, любитель хорошо поесть, князь-старейшина сосредоточил свое внимание на хозяйственных делах. Град под его водительством ширился и богател, зато войское правило с каждым годом среди жителей выполнялось все неохотнее.

Князь-старейшина как будто позабыл о причине, заставившей тридцать лет тому остатки его рода сняться с насиженного места и забраться в самую крепь лесов, укрыться от находников за лесными засеками и болотными топиями. Подальше от судоходной реки богини Даны, позволившей чужеземцам на морских судах подобраться к рысскому граду.

От врат начиналась градская улица, изломанная, изобилующая резкими поворотами для удобства обороны и затруднения действий конницы. Посреди града, на вершине холма стоял княжий кром, рубленный из толстых дубовых стволов обмазанных белой глиной, с добавлением куриных яиц. Перед кромом находилась небольшое открытое пространство, где на высоком столбе висело бронзовое било, должное созывать родичей на пожар или другие дела, либо на общее градское вече. За три десятка лет град разросся. Избы наполни-

ли все свободное пространство внутри тына. Населения тоже прибавилось. Теперь, по подсчетам деда Микулы, в граде проживало около тыщи людей, считая детей. И около двух с половиной сотен – мужей способных носить оружие.

Родичи, под мудрым водительством Доброгнева, орали землю матушку, делали новые рощицы, умножая пространство полей. Супругой корчевали пни, удобряли навозом землю, увеличивая урожаи и приплод сохраненного скота. Бог Велес покровительствовал родичам, не давал приблизиться детям Мораны к обжитым землям, не допускал неурожаев и падежа скота. Торговые гости под его покровительством нашли дороги к новому граду сухим путем. Привозили крицы железные, ткани восточные, оружие разное и меняли на воск и мед, рухлядь мягкую.

Река, Рыской поименованная, воды несла чистые, и рыбы в ней было немеряно. Только боевые суда по ней проходить не могли даже в большую воду весеннюю из-за Большого Порога, да мелей щедро богами по речке рассыпанными.

За открытыми воротами нам встретился малец лет пяти, в замурзанной рубахе из отцовских портов перешитой. Впереди за теремами, слышался отдаленный гул.

– Где людины? – спросил его дед Микула. – Куда все подевались?

– Тама, – махнул малец вымазанной в земле ручонкой. – На площади перед домом деда Доброгнева собрались. Заморского зверя зырят.

– Что за зверь? – заинтересовался я.

– Не знаю ишшо. Меня мамка с сестрицей малой оставила.

Наказала качать в зыбке, пока не заснет.

– Легкомысленная твоя мамка... Что же ты сестрицу одну оставил?

– Заснула она. Вот я и побежал, а тут вы подъехали. Возможно, я с вами, дядя, на телегу сяду?

– Залазь. Куда теперь тебя денешь. Заодно и мамку твою найдем, домой отправим. Тебя как зовут?

– Кличут? Мстишей кличут, – пробормотал малец и сновисто перебрался ко мне в телегу. – А это у тебя кто за пазухой?

– Кот по прозвию Питин.

– А-а-а... – разочарованно откликнулся малый и вытянул шею вперед, прислушиваясь к гулу людских голосов.

По узкой улочке, построенной специально зигзагами с целью обороны, мы выехали на небольшую, мощеную половинками бревен, площадь перед домом князь-старейшины и остановились. Площадь была запружена народом. Здесь перемешались старые и малые, причем галдели все как базарные зазывалы.

Посреди площади стояли три повозки. Одна была крытой выделанными шкурами, на остальных двух уместились клетки с толстыми жердями вместо стенок. А в клетках находились звери, привезенные из дальних стран. Я мигом вскочил на передок телеги, чтобы видеть поверх людских голов.

В первой клетке сидело лохматое чудище, напоминающее безобразную карикатуру на человека. Лицо широкое с маленькими глазками и почти безносое. Просто на лохматом, неопрятном лице торчала пара вывернутых ноздрей. Оно сидело в углу клетки и уныло глядело поверх людских голов. Его длинная рыжая шерсть свисала неопрятными космами. Руки у него были слишком длинными, с черными пальцами, ног вовсе не было, потому что вместо ног... у чудища росла вторая пара рук, коротких, лохматых и кривых. «Ну конечно! – осенило меня. – Глая рассказывала об обезьянах живущих на её родине. Какая уродина!»

– Дядь, а дядь! – послышалось снизу. Посади на плечи, а то мне не видно ничо!

– Давай руки, Мстиша.

Я подхватил малыша и посадил на плечи. Мстиша тут же запрыгал на плечах и больно дернул за волосы.

– Дикий людин с ликом темным! – завопил он. – И весь в шерсти, как собака! А еще зверь гривастый, аки лев сказочный!

– Сиди тихо, за волосы не дергай, а то ссажу! – пригрозил я. – А в клетке действительно лев, зверь африканский.

На второй телеге действительно стояла клетка из толстого бруса с живым африканским львом. Он лежал на полу клетки, пряча голову в лапы, словно не хотел видеть стоящих вокруг и галдящих соплеменников.

Градские псы вились меж ногами людей и возбужденно

лаяли на заморские чудеса, внося в гам свою лепту. Пес одного из жителей града, успокоенный видом лежавшего неподвижно льва, рыча и показывая двухвершковые клыки, оперся передними лапами на бортик львиной клетки, просунул голову меж брусьев. Мгновенный удар когтистой лапой, низкий утробный рык, в котором чувствовалась неизмеримая мощь. Лев вскочил на ноги, хвост разъяренного зверя с силой хлестал по туловищу, а народ, отпугнутый ревом хищника, отпрянул в стороны.

От головы несчастного пса, возомнившего о себе слишком много, осталась окровавленное месиво. Жаль, ибо пес был мне знаком. Крупный пастуший волкодав, обычно стерегущий градское стадо от бирючьего народа, что приходил в лесную крепь из заднепровских степей с живицей.

Теперь, когда народ отхлынул от повозок, я увидел стоящих рядом с повозками четырех человек странного вида. Худых, с темными загорелыми лицами, одетых в бесформенные белые хламы с голыми ногами, обутыми в кожаные лапти. На голове старшего красовалась белая материя, обмотанная вокруг во много слоев. Шапка? В живицу?

И опять вспомнил: Прабабка рассказывала о таких людях, которые живут в далекой стране Хинди, куда карачун не захаживает, и вода никогда не превращается в лед. Они наши родичи – объясняла Глая в незапамятные времена, когда славящие Яня людины двинулись на закат, другие из нашего племени людины пошли на полудень в жаркие страны, по-

кинув Святые горы Родины и Святые реки. Их звали Ариями. Племена разделились так давно, а вездесущее время изменило язык народа настолько, что теперь мы с трудом понимаем друг друга. Но тамошние волхвы помнят о родстве, Впрочем, как наши ближники скотьего бога.

– Что за шум, а драки нет? Раздался позади нашей телеги густой бас.

Я оглянулся. Князь-старейшина Доброгнев стоял рядом с тремя ближниками, державшими в руках короткие копья. Мы с дедом Микулой поклонились князю, он поглядел на нас, кивнул в ответ и шагнул по направлению к повозкам. Народ расступился, и дородный князь-старейшина подошел к человеку, на голове которого была намотана шапка из белой материи. По сравнению с князь-старейшиной этот человек выглядел тонким и... нет, не худым, а как бы высушенным солнечным жаром. Солнце вытопило жир, зачернило кожу, оставив на людине только жилы и сухие мышцы. Он был высок, как и князь, но в поясе, таких как он, не хватило бы троих. Он низко поклонился князю, коснувшись правой рукой земли в знак мирных намерений.

– По здорову тебе, гость торговый! – поздоровался князь-старейшина. – Выполнил ли ты просьбу, что прошлое лето я тебе наказывал?

– Исполнил, король Рысов. – ответил гость на славском языке и показал на две подводы с клетками. – Не все удалось доставить. И зверя с двумя хвостами, слоном называемого,

не смог. Пал он по дороге от скверного питания в степи.

Дед Микула слез с телеги и снял у меня с плеч парнишку. Питин тут же выбрался из-за пазухи, возмущенно мрыкнул мне в ухо и полез на левое плечо. Там было его законное место, и он не мог простить мне, что я посадил на него малыша.

– Да ладно тебе! – шепнул я коту, раздраженно дергающему хвостом. – Подумаешь, посидел малость пацан. Не на всегда ведь. Лучше давай глядеть, что далее будет.

– В большие расходы ввел меня слон, Король Рысов, – продолжал говорить гость. – Прокормить такую тушу, десятков твоих коров-туриц больше не съедят.

– Не скупись гость торговый. Помню, что меж нами было обговорено. Возмещу трату. А теперь показывай, что привез.

– Здесь не все, король Рысов. Это я опередил основной караван. В нем еще сорок выюков с разной поклажей, как договорено. И паволока, и скань, и тафта. Материя разная из страны Хин и Та-Кемта, оружие хиндское из синего вутца-булата. Щиты кожи зверя бегемота, кубки для пира из червленого серебра и много чего разного.

– Добро, гость, – улыбнулся князь-старейшина, – теперь показывай тварей Велесовых, что в жарких странах водятся.

Дед Микула отодвинул в сторону княжьих ближников, наклонился к уху князь-старейшины, начал строго выговаривать, но тот только улыбался и отмахивался. За гулом людских голосов было не разобрать, что втолковывал седой велет князь-старейшине, но я примерно догадывался, о чем

может идти речь. Во первых об оставленных без сторожи вратах, да о зверях полуденных, что разбогатевший князь Доброгнев заказал заморскому гостю.

Выговаривал дед Микула зря, князь-старейшина, по все-му видно, не слушал старого велета. Не хотел слушать. Я вспомнил, как мой дед Мстислав хоробрый тоже не хотел слушать речи осторожного дядьки стремянного и что из этого получилось... Опять передо мною встало личико маленькой сестрицы моей Зоряны, вспомнилось, как она прижимала к груди маленький темный комочек, смешно разевающий крохотный ротик, теперь превратившийся в справного кота, что привык сидеть на моем плече или ездить на загровке у Семаргла. Вспомнились помертвевшие глаза прабабки, её неподвижное лицо, черную боевую стрелу пригвоздившую легкое тело сестрицы к лодочной скамье... Та стрела по сию пору висит над моей постелью. Как знак-напоминание о клятве, которую я дал себе три года назад перед ликом богов небесных, под ночным небом в качающейся на волнах чайке. А выполнить её можно только выросши воином, которому не будет равных на Земле Матушке...

Это я, конечно, загнул насчет великого воина. Таким, как дед Микула в зрелые годы, мне никогда не стать. Но стремиться к такому уровню нужно. Иначе, зачем жить? И давать богам клятву?

– Черный – черного несет, с чернотой седой живет! Черноту, котора лает, на коров лесных спускает!..

Ну вот! Не было печали – лешаки враз накачали! Митяй, дедов правнук, собственной персоной. Да не один, а с дружиною. Стоят, зубы щерят. Поймали мол, Черняка!

Питин при первых словах присказки спину горбом выгнул. Хвост трубой, глаза горят, стал шипеть, плевать, а сам по сторонам зыркает – нет ли где поблизости четвероногих недругов – псов градских. Жар тоже ко мне прижался, зубы оскалил. Не захотел с дедом Микулой и Серком в усадьбу князь-старейшины попадать. А я вдруг смолчал. Не стал состязаться с Митяем в сочинении дразнилок. Прислонился к плетню, кулаки приготовил, но не более. Тот по инерции еще покричал, глаза стали удивленные, спросил:

– Ты чего этого... молчишь, не отвечаешь? Бояться стал?

– Бояться! Еще чего. Надоело собачиться. Не маленький. Хочешь драться? Давай, но без дразнилок.

Орава Митяевых ватажников, не поняв ничего из нашего разговора, двинулась было вперед, но Митяй властно выбросил вверх десницу:

– Годи, робята! – крикнул он. – Намять бока изгою всегда успеем. Но сначала поговорить надобно.

Не стали мы драться. Проговорили с Митяем и дружиной до тех пор, пока не выехал из князева подворья дед Микула. Обсудили приобретение князь-старейшиной тварей иноземных, но так и не поняли, для чего ему те твари надобны. Показал я градским парубкам кое-какие приемы рукопашного боя, что научил дед Микула, пригласил к нам на хутор тре-

нироваться. Расстались не друзьями, конечно, но и не врагами, как прежде случалось.

Питин, пока мы разговаривали, незаметно исчез, наверно побежал пообщаться со знакомыми кошками. Теперь будет отсутствовать седмицу самое малое и прибежит домой худым и голодным со следами драки с градскими котами.

Я позвал неслуха для порядка, но он не откликнулся. Тогда я залез на телегу к деду Микуле, на которой, вместо мягкой рухляди и лагушков, устроились мешки с крупой, свертками ткани разной, туесы с серой солью. Не успели мы выбраться за градские ворота, как подоспел караван иноземного гостя, о котором он предупреждал князь-старейшину.

Это действительно был караван. По пыльной торне медленно плыли длинношее, лохматые двугорбые звери непривычного облика. Каждый был навьючен парой объемистых тюков. Я уже знал зверей по рисункам и рассказам прабабки, но видел в первый раз. Верблюдами эти твари называются – бактрианами, так называл их дед Микула. Сопровождали караван из двадцати пяти верблюдов кроме погонщиков, пятеро вооруженных луками и кривыми мечами всадников на горячих тонконогих конях. «Охрана» – понял я. Одеты они были в точности так же как иноземный гость, да еще в легкие кожаные доспехи.

Я стал просить деда Микулу остановить Серка и поглядеть, какие товары привез гость иноземный, но старый велет был чем-то крепко расстроен. Он не стал отвечать, не оста-

новил Серка, бурчал что-то непонятное себе под нос.

– Дедушка! – обратился я к нему, – ты сердишься на князь-старейшину за зверей, что ему привез гость?

– А как на него не сердиться, Ратин? Он совсем забыл о воинском правиле для молодежи, что подросла в граде. Из князя превратился в гостя торгового. Для него важнее серебро да золото в его скарбнице. А звери?.. Для потехи взял. Для погляду и для смеху. Жалко мне Велесовых тварей полдневных. Карачун у нас суровый. Пропадут. Ежели когда-нито станешь предводителем градским, заботься об обороне града, а не о потехе. Для того пятина княжеская дадена от доходов.

– Почему тогда родичи не соберут вече, где можно ума князь-старейшине добавить?

– Они, Ратин, тож богатеют. Считают – раз забрались в беров угол, в чашу лесную, никто не сможет к ним незнаемо добраться. Забыли уже, за три десятка лет, сколь народу в старом граде на Роси погибло от находников. Была, Ратин, здесь крепь лесная когда – то. Была да сплыла, как мы здесь угнездились.

Кузнец Векша как-то рассказал мне, что произошло три десятка лет назад, когда степные находники, тайком пробравшись к граду Рысенов, устроили резню и только благодаря мужеству и воинскому искусству деда Микулы половина родичей осталась в живых.

Глава 9. Незванная тать

Прошло два года до предела заполненных тренировками в войском правиле, учебой у Глаи, письмом и счетом, учением разговора на иноземных языках. За три года, ко дню моего рождения во второй седмице травня месяца, я вытянулся в росте настолько, что достиг бровей деда Микулы. К моему удивлению, больших пластов мышц, как у деда, у меня по-прежнему не было. Одни кости и жилы толстые.

Семаргл окончательно заматерел, стал серьезнее и еще массивнее. Теперь он бы мог отбиться от тройки матерых бирюков. Питин тоже утратил юношескую живость. Научился выступать вальяжно, считая, по – видимому, что наша семья должна ему прислуживать. Но ездить на мне и Семаргле не перестал.

Жар вырос в справного, высокого и стройного молодого жеребца. Эти два года дед Микула ежедневно тренировал нас обоих и в скачке с препятствиями и забеге на расстояние, в вольтижировке, рубке лозы легким клинком, метании с седла сулиц на всем скаку и стрельбе из лука на любом карьере. В первый раз, когда на него надели седло, Жар немного поартачился, но быстро смирился с седлом и попоной, когда я на него садился верхом. Правда, когда на него пытался забраться кто-либо посторонний, он превращался в яростного, неукротимого демона, который визжал, лягался, вставал на

дыбы и падал на спину. Ни Митяю, с которым мы подружились, ни его ватажникам он не давался в руки, как они не старались.

Семаргл и Питин давно распределили обязанности. Питин хозяйничал в избе и погребах наравне с Глаей. Безжалостно истреблял мышей и крыс, что осмеливались пробраться в указанные помещения. Вот только он стаскивал свою ночную добычу ко мне на постель, видимо для того, чтобы я не забывал о его войских подвигах.

Семаргл хозяйничал во дворе и поле. Днем он бдительно следил за нашей животиной. И, если двух коров днем он доверял охранять молодому быку Ревуну, то стадо из дюжины овец с бараном Мяшей он проверял несколько раз за день, не доверяя дурному барану и, по моему, правильно делал. Все так, но стоило мне собраться сбегать в град, они возникали тут как тут. Я, конечно, понимал, зачем они туда стремятся, несмотря на опасность схваток с градскими котами и псами. Не маленький.

Пришлось принимать меры и, с согласия прабабки, у нас год назад появилась молодая псица местной породы и тоже молоденькая кошечка Тинка.

Мы с друзьями изменились за это время сильно. Только дед Микула с прабабкой за три года нисколько не изменились. Остались такими же среброголовыми чудиками, с огромным уважением относящимся друг к другу. Занимались хуторскими делами, вели хозяйство. Учили меня всему, что зна-

ли сами. Конечно, я не стал под руководством Глаи настоящим травником и ведуном, хотя был близок к этому. У меня неплохо получалось внушение. Заговорить боль, остановить наговором кровь-руду у себя или других людей, вызвать родовой Морок. А войское правило, изучаемое под руководством деда Микулы, давалось мне легко. Я был хорошим учеником.

Митяй с ватагой, после того случая с привезенными заморским гостем полдневными тварями, иногда неделями пропадали у нас на хуторе, когда были свободны от домашних обязанностей. Как в марену, так и в знойную живу. Упражнялись в войском правиле под приглядом деда Микулы. Гонял он ватагу как сидоровых коз, зато это принесло плоды: ватажники постепенно становилась справными молодыми воинами.

Увидев однажды, как я упражняюсь в бою без оружия, как ломаю ударами торцом ладоней толстые сучья, а пятками разбиваю толстые плахи, Митяй спросил:

– Ты и тогда так мог драться, Ратин?

Выслушав мой ответ, он покрутил огненной головой и долго молчал, потом задумчиво пробормотал:

– Да... Выходит, ты и тогда мог нам переломать руки и ноги, попробовать дурные головы. Какими мы дураками были!

– Ну да! А что бы я тогда сказал твоим родителям и всех других парнишек из ватаги? Как бы смог деду Микуле в глаза смотреть? А боги? Что они сказали бы на подобное непо-

требство?

– М-да... – пробормотал Митяй. – Мало нас дед Микула гоняет. Не считая тебя, конечно.

Семнадцать лет. Много это или мало? Дед Микула с моим прадедом в шестнадцать ушли с княжьей дружиной в полуденные земли. А я все еще живу на спрятанном в крепи лесов хуторе. До выполнения моей клятвы данной богам по-прежнему как до небесного Месяца. Вот и думай, Ратин.

Посвящать себя в Велесовы ближники я не хотел, хотя мог спокойно выдержать все испытания. Так утверждал дед Микула. Но стать боготуром – значит подчиняться приказам волхвов, не быть свободным в свершениях. А мне нужно было идти на юг, далеко на юг в скифские степи. К старой Тамтархе, к князю Гобою, у которого мой дед был в боярах-ближниках, либо к его преемнику. Узнать, кто такие хунну, что за племя. Откуда они пришли на нашу землю.

Только в детстве хорошо верить в богатырей – поединщиков, что разъезжают по скифскому полю, ища себе чести и славы. Один в поле не воин, будь он даже семи пядей во лбу – эту науку я усвоил хорошо. Недаром дед Микула учил меня не только одиночным схваткам. Вместе с Митяевой ватагой он обучал нас ходить и бегать строем, совершать четкие повороты и перестроения, ставя щиты к щиту, когда ватага превращается в какое-то сказочное многорукое и многоногое существо, способное бить и давить на противника объединенной силой всех воев.

Он рассказывал нам о фаланге – воинском построении измышленном полководцами далекой Эллады. О македонской фаланге Александра, сына Филиппа которую не смогли сломить многочисленные войска персидского царя Дария. Говорил и показывал воинское построение для не многочисленной дружины под названием «Каре», о построении «свиной», годном только для тяжелой панцирной конницы при прорыве строя супротивника. Его сказы о войнах древности мы все слушали с великим вниманием и мотали себе на еще не отросшие усы.

– Мр-а-у-у! – мягкая лапка чувствительно дернула за ухо. Я с великой неохотой открыл глаза.

– Чего тебе, котяра?

– Мру! – шершавый язычок, словно наждаком прошелся по щеке. – Фра!

– Чего это он? – спросил проснувшийся Митрий, вместе со мной спавший на полатах.

Я уже давно перестал его даже мысленно называть Рыжим Митяем, с этаким оттенком пренебрежения. Конечно, физиономия у него осталось прежней: вся усыпана лельнушками, над челом топорщились непокорные огненно-рыжие волосы. Но друга дразнить нельзя. Можно иногда пошутить, но не со злости и без пренебрежения.

– Беспокоится. Зовет куда-то, – зевая, ответил я.

– Так ведь рано еще. Нам с тобой, после вчерашних подвигов, дед с Глаей разрешили отдохнуть в волюшку.

– Мр-р-р-рав! – рявкнул Питин.

– Эге! Дело, видать, сурьезное. – я мигом соскочил с полатей, натянул рубаху и крашенные порты. – Подымайся, Митрий, тож.

Питин, постоянно оглядываясь на меня, устремился к двери. Хвост у кота раздраженно дергался, и это мне совсем не понравилось.

Во дворе нас встретил Семаргл. Тихонько рыча, он подтолкнул меня к двери повалуши, в которой лежало учебное оружие и луки.

– Тревога! Шепотом сказал я Митяю. – Буди деда и Глаю. Семаргл зря беспокоиться не станет. В лесу есть кто-то. Чужие.

Ни слова ни говоря, правнук деда Микулы кинулся в избу. Совещание было коротким.

– Ты, Ратин, бери лук с боевыми стрелами и с Семарглом отправляйся туда, куда пес поведет. А мы втроем вооружимся, чем следует. Будем тебя ждать.

Ярило только встало над виднокраем, лесные птахи еще заливались утренними песнями. Обеспокоенные деревянницы выглядывали из-за древесных стволов, через клочки поднимающегося вверх тумана. Сквозь болота, окружающие хутор, мы пробирались долго. Упыри, да кикиморы уже проснулись, потому следовало быть осторожным.

Семаргл вел уверенно, все время поглядывая на меня. Я молчал, только старался следить за легким ветерком, но сла-

ва богам, Шалоник веял почти все время в лицо.

Внезапно Семаргл остановился, припал к земле. Я тоже устроился согнувшись за кустом и глянул вперед, где мне почудилось смутное шевеление. Вот оно что! Меж лесных великанов тихонько крались, стараясь не брякнуть оружием люди неизвестные и было их много. Очень много. Около сотни воев. Светловолосые, рослые, не похожие на степных наездников, шли они тихо, экономным, привычным к лесной чащобе, шагом. Оружьи были луками, топорами и короткими охотничьими, на бера, копьями, да дубовыми палицами. Доспехов на находниках почти не было.

Откуда они? Дед Микула сказывал, что на полуночь от нашего града по озерам живут люди угорского племени. Неужели оттуда? На что надеются? Так... На расстоянии выстрела из лука двигался еще один отряд. Около полуторых сотен. Да еще были сторожи, выдвинутые вперед по движению отряда и далеко в стороны. Вот от них мне с Семарглом следовало хорониться особенно. Это уже было серьезно. Две с половиной сотни северных находников, отправившихся пошарпать беспечных Рысов.

Передовую сторожу вел вперед человек отлично знавший местность, потому что он уверенно обходил болотные топи, отыскивал тропинки меж ними. Кикиморы болотные находника – проводника почему-то не трогали. Но чувствовалось, что про наши гати он не знал.

Убедившись, каким путем вороги пойдут дальше, мы с

Семарглом стороной опередили отряды и сторожу. Беспокоил меня проводник отрядов. Стрелить по нему, значит замедлить продвижение находников вдвое, и я рискнул. Замаскировался в густом кустарнике на склоне болотного холма и снарядил лук.

Когда передовая сторожа приблизилась, я высмотрел пожилого людина в простой домотканной справе, безоружного и который молча, движением шуйцы, указывал нужное направление.

Стрела пошла в неподвижном воздухе хорошо, ровно и воткнулась в шею проводника по оперение. Тот упал. Стрелял я шагов с сотни, потому не боялся промахнуться.

Когда среди находников поднялся крик и стрельцы пустили наугад свои стрелы, мы с Семарглом были далеко. Уходили болотами, стараясь не оставлять следов, петляли, делали скидку как зайцы и потому вернулись на хутор за полдень. Дед Микула за это время успел сгонять на Серке к своей захоронке, взять оружие и облачиться в доспех. Впечатляющее зрелище. Особенно производил впечатление исполинский меч в узорчатых ножнах, которого старый велет как раз приспособивал за спиной. Вооружились и Глая с Митрием. Брони у них не было. Но висели на поясе метательные ножи с кинжалами, за спиной торчали кибити луков.

– Что там? – нетерпеливо спросил дед Микула, едва я показался во вратах.

– Находники, дедушка. Много. Две с половиной сотни.

Может, чуть больше. Северяне по виду, светловолосые. Угры, наверное. Оружны луками, копьями да палицами. Бронь кожаная. Двигаются в сторону града. Вел их людин, дорогу к граду знающий. Обходили болота по тропам. Теперь того людина нет. Так что сегодня наверняка до града не дойдут. Может завтра к вечеру.

– А родичи по полям, да на репищах копаются. Не чуют ничего, – встрял Митрий.

– М-да-а... – крикнул дед Микула. – Доброгнев князь... Ров то не чищен, глина огнем не обожжена, вои не обучены... Митрий! – рявкнул он.

– Тута я!

– Беги, Митрий в град, сполох бей. Вдруг Ратин не всю силу находников высмотрел. Другие могут вешней водой по Роске подняться, сколь получится на плоскодонках и уже оттуда идти на град. Вода нынче высокая, волоками, да по речкам, везде пробраться можно, ровно по торне. Поспешай!

– Бегу, дедушка!

Митяй коснулся меня рукой, поклонился деду Микуле с Глаей и скрылся за воротами.

– Теперь нам, Глая Монионовна работа предстоит. Находники могут обнаружить хутор. Нужно попрятать скот, убрать в захоронку скарб, сколько можем. Курей твоих, да гусей – придется на подворье оставить. Тут ничего не сделаешь. Самой тоже придется в лесу схорониться.

– Нет, Микулушка. Хорониться не буду. На Серке в град

поеду с травами. Знаю, что раненых много будет, ежели находники возьмут Град в осаду. Ратин! Ты чего столбом стоишь? Помогай деду Микуле коров да быка выгонять, да овец стадо заполошное на торну направить.

Едва управились засветло с захоронками и упрятыванием скота в тайное место меж болотных топей. Я хотел снарядить Жара и пробираться к граду по темному времени, да дед Микула не разрешил. Решили тронуться на рассвете. Я не смог уснуть. Стоило закрыть глаза, как тут же возникал убитый мной находник – проводник. Вскидывал вверх руки, пытаюсь ухватить стрелу, и падал... Боги, да за что мне такие видения? Это же враг, шедший убивать родичей. Пять лет назад я тоже убил стрелой врага в храме богини Рати и мне ничего подобного не чудилось?.. Может, сама богиня избавила меня, подростка, от душевных терзаний за отнятие чужой жизни? Или, скорее всего, мне было не до терзаний души. Нужно было заботиться об умирающей Зоряне, приглядывать за впадающей в ступор прабабкой...

Прохладная ладошка легла на мой лоб:

– Чего не спишь, внучек?

– Не могу уснуть, Глая, – признался я, – все лицо того находника мерещится. Спать не дает.

– Это беда поправимая, Ратин. Закрой глаза, расслабься и слушай.

Полилась старинная колыбельная, знакомая с детства и напеваемая тихим голосом. И я действительно уснул...

К рассвету я в первый раз надел на себя бронь из змиевой шкуры, которая до сих пор была мне велика, на Жара тоже, даже наголовник надел, несмотря на его протесты. Не хватало словить стрелу от находников что Жару, что мне.

Повесил за спину щит, тул с двумя десятками боевых стрел. Еще один тул прикрепил к правому боку Жара. С левой стороны лук пятипудовый в навощенном кожаном чехле, запасные тетивы. Мечи тоже не забыл, повесил на ремнях за спиной так, чтобы рукояти над плечами торчали и братья за них было удобно. Дед Микула помогал, но сам надевать бронь не спешил.

– Натаскаюсь еще. Мы с Глаей Монионовной на телеге поедем. Так способнее будет. Ты, Ратин, будь осторожен. Верю в тебя, ибо научил тебя всему, что сам знаю. Пусть берегут тебя боги!.. А ты куда, кот неразумный? – зашумел он, когда Питин вспрыгнул на круп жеребца – Тебя только не хватало для полного счета! Твое дело дом стеречь, кур да гусей охранять. Командовать своей подругой, да подружкой Семаргловой. Вишь, все хутор покидаем, на кого его больше оставишь?

– Ме-е-ня? – муркнул кот и нервно задергал хвостом.

– Тебя, Питин, – подтвердил я. – Тут от тебя пользы более будет!

Кот спрыгнул с Жара, носом толкнул Семаргла и неохотно пошел к избе, все время оглядываясь и надеясь, что мы передумаем и скрылся, наконец, в своей, кошачьей двери.

Прабабка молча провела ладонью по моей щеке:

– Да не отвернется от тебя мать Рати и берегини лесные!

Карачун нынче был снежный, а леля дружная. Болота вспухли от талой воды, что стояла над гатями глубиной по колено. В топях слышался плеск, невнятное бурчание – упыри спорили о чем-то с проснувшейся кикиморой. Жар на гатях ступал осторожно, но я не торопил жеребца. Мало ли что! На подходе к граду слез с седла, повел Жара под уздцы.

Меж болотищами Семаргл уходил вперед, рыскал по сторонам, оглядывая и обнюхивая окрестные заросли, своим видом подсказывая, что посторонних близко нет. Не доходя версту до града, я укрыл Жара в густом кустарнике на островке сухой земли посреди топей, наказал стоять тихо и не шуметь, а сам с Семарглом бесшумно двинулся к граду, мысленно благословляя бронь. Легкая, не стесняющая движений, не брякнет металлом – в самый раз для наворопника, решившего подкрасться незаметно.

Я ошибся, когда сказал деду Микуле о том, что находники придут к граду сегодня ближе к вечеру. И было ворогов не две с половиной сотни, а гораздо больше. Прав был дед Микула, когда предположил что враг двинется к граду несколькими путями. Находники окружили град тесным кольцом. Но и я прав был в том, что те два отряда не успеют добраться до града к сему времени.

Зато Митрий успел вчера добежать до града, ударить в сполох, и предупредить родичей. Честь ему за то и слава.

Над окрестностями реял стук топоров и крики переговаривающихся находников, Язык у них был странным, каким то щелкающим, мне мало знакомым. Вороги разослали малые ватаги, рушили поскотину и делали из жердей лестницы. Ватага поболее ладила в ближнем лесу таранное бревно. Иные, под прикрытием стрельцов, валили в градской ров вязанки хвороста.

Над градским тыном мелькали головы родичей, посылающих стрелы в находников, гативших ров. Тут я помянул недобрым словом князь-старейшину Доброгнева. Достанется ему на орехи от деда Микулы, ежели останемся живы.

Подвесной мост не был поднят, цепи, тянувшиеся к надвратной башне, перебиты. Только ворота (наконец то) были закрыты. Над воротами суетились стражи в медных шеломах, тащили на веревках тяжелый жернов. Над тыном поднимались дымки – родичи в медных котлах грели смолу.

Семаргл молча толкнул меня носом в руку, повел головой назад. Я припал к земле, затаился, приготовив метательный нож, но Семаргл успокаивающе вильнул хвостом.

– Это я, Ратин, – послышался гулкий шепот и в кустах появился дед Микула, – Опоздали в град пробираться. Теперь в него днем и курица не проскочит.

– А где Глая? – забеспокоился я.

– Там она, с Серком в тех кустах на островке, где ты Жара оставил.

– Ясно. Что, дедушка, делать будем?

– Ты сам как мыслишь?

– Я? Видишь, дед, там на нашем холме Велесовом людины сгрудились, шатер ставят. Оттуда иные людины по ватагам разбегаются, указания несут?

– В том и дело, Ратин, что не вижу – все перед очами плывет далее полусотни саженой. Слышу, как лес рубят, как хвостом ров забрасывают, но не зрят далеко очи.

– Мыслю, нужно дождаться начала приступа и пробиваться к холму незаметно. Предводителя стрелюю или мечом достать. Без воеводы находникам труднее град на копье брать будет. Попробую в лесном плаще к холму не замеченным добраться и стрелить.

– Пробуй, Ратин. Без меня, понятно. Хоть тебя скрадыванию учил, сам не смогу. Ежели б мог видеть четко! А так и сам попадусь и тебя подведу. Свистом дашь знак, когда понадоблюсь.

– Я, деда, постреляю бояр врагов, сколь смогу, потом назад возвернусь.

Глава 10. Неравный бой

Достал я плащ из холстины, Глаей в серо – зеленый цвет окрашенный, с пришитыми лентами узкими, где грязно – серыми, где желтоватыми. Тоже из холста. В том плаще я, бывало, к градским воям вплотную подбирался, и они меня не замечали. Набросил капюшон, спрятал под полу снаряженный лук с тулом и пополз потихоньку из кустарника. Находники все были делом заняты, где им поросшую травой кочку заметить, которая по лощинкам едва движется.

Подобрался к шатру на расстояние сотни сажен и замер, помянув Велеса. Не татями пришли находники... Они и бога своего принесли! В шатре прячут! Иначе, зачем из шатра дымок духовитый вьется от зелий заморских? И у входа в шатер чужой волхв маячит, знаки воеводе подает...

Значит, не только пошарпать хотят пришлые. Норуют остаться, на землю сесть. Искоренять будут всех без пощады.

Воевода находников оказался мужем среднего роста, с широкими плечами и движениями опытного воина. С сотни сажен было трудно разобрать выражение лица воеводы. Понял только, что не молод, носит темные вислые усы, длинные волосы с пробивающейся сединой выбиваются из под кожного шелома.

Приказы он отдавал гулким уверенным басом, далеко разносящимся по окрестностям. И, насколько я понял, пользо-

вался у остальных большим уважением, настолько быстро они бросались выполнять распоряжения.

Чего ждут? Хворостом ров засыпан в десятках мест, лестницы изготовлены и доставлены на места. Под отесанное свиной дубовое бревно подведены прочные оси с колесами. Все было готово, но предводитель медлил, чего – то ждал. Я догадывался чего. Те два отряда, у которых я стрелил проводника.

Пользуясь затишьем, я перебрался еще ближе к холму сажень на тридцать. Ближе было нельзя, могут заметить. Подтянул поудобнее лук и тул, достал пару стрел и положил перед собой. Сзади и слева раздался далекий шум. По оживившейся свите воеводы, я понял, что они дождались. Из леса на градские росчисти вывалило сразу две сотни воев. Предводитель новоприбывших тут же направился к воеводе и, судя по жестикеляции, объяснял опоздание.

Они поговорили, затем воевода властно махнул рукой в сторону града и я понял, что начинается приступ, а новоприбывшие останутся в запасе.

Началось! Раздался рев нескольких сотен глоток. Находники бросились на приступ. Часть волокла через ров лестницы, часть усиленно стреляла в мелькающие за тыном головы. Сверху тоже летели стрелы. Стрельцы града стреляли в ответ и фигуры в кожаных доспехах валились, не добежав до тына.

Катящие таран увеличили скорость и мчались теперь бе-

гом, раскручивая массивные колеса, к воротам, где ротозейством князь-старейшины был не поднят мост. С тына по ним тоже стреляли и часто то один то другой, находники падали пронзённые стрелами, но павших тут же заменяли другие.

Таран быстро достиг градских врат и ударил с размаха. Было слышно за людскими криками, как затрещали врата. Градские стражи с великим усилием перевалили через заборол надвратной башни огромный жернов. Нескольких стражей сбили стрелами, но жернов все – таки был сброшен вниз на дубовое бревно и придавил его к забросанному рву. Таран затрещал. Три гридя были придавлены вместе с тараном.

Несмотря на сопротивление, стрельцы находников подавили градских количеством, и заставили прятаться за бревнами тына. Лестницы были приставлены, и уже первые вои споро полезли вверх. Сверху родичи отталкивали лестницы шестами, лили на нападавших ковши горячей смолы и падали, пронзенные стрелами.

«Пора!» словно шепнул мне кто – то в ухо. Я поднялся на ноги, ухватив лук и стрелы. Стрела пошла с легким свистом, ударила вражеского воеводу в правый бок. Кожаный доспех, с нашитыми на него пластинами металла, не смог остановить боевую стрелу с харалужным жалом. Пока воевода падал, а остальные командиры отрядов искали, откуда прилетела стрела, я стрелил по волхву находников с быстротой, которую сам не ожидал.

Стрела из тула. Пятка на тетиву, а глаза ищут цель. Рывок

тетивы, хлопок тетивы по костяному щитку, глаза ищут следующего, пока пальцы достают из тула следующую стрелу.

Дед Микула рассказывал, что хороший стрелец способен одновременно держать в воздухе шесть стрел, пока первая вонзается в мишень на расстоянии в три сотни шагов, а на полторы сотни шагов – три. Раньше у меня получалось четыре самое большее. Но сейчас я, наверно, поставил рекорд скоростного прицеливания и стрельбы. Тул, в котором было три десятка стрел и который я брал с собой, опустел в сотню спокойных ударов сердца.

Когда стрелы кончились, я повесил лук через плечо, выхватил оба клинка и бросился, как советовал дед Микула, назад к близкому лесу. Разъяренные гриди, потерявшие около двух десятков знатных воев, практически весь штаб, бросились наперерез.

Я попятился, выглядывая дорожку к отступлению. Но тут от леса ко мне бросился еще один отряд северных гридей, размахивающих палицами и короткими копьями. Пришлось прорываться.

Не зря меня учил мой дед, а потом дед Микула! Ох, не зря! Никогда не думал, что другие гриди по сравнению со мной едва двигающиеся улитки. Я спокойно уходил от богатырских замахов находников, уклонялся и легонько касался затянутых в кожаный доспех тел. Сопровождал меня сплошной крик да рев.

Харалужная сталь клинков легко вскрывала кожу и вме-

сте с нею и тело очередного гридя. Не обязательно убивать, иногда достаточно ранить. Раненый противник, как учил дед Микула, не опасен, зато своими криками отвлекает на себя других воинов, вынужденных идти к ним на помощь.

Я почти не удивился, когда впереди раздался рев и появился велет в харалужном доспехе и огромном медном шеломе. Два тяжелых меча поднимались и опускались как копы. Раненых после таких ударов не оставалось.

– Становись за спину, Ратин! – гаркнул дед Микула. – Прикрывай тыл!

Ага, тыл! От кого прикрывать, когда вороги разлетаются от ударов старого велета как сухая ботва на репище. Отступают, орут что-то о появлении лесного бога. Это я так разобрал, шагая позади велета и изредка отмахиваясь клинками от наскაკивающих время от времени пришлых храбрецов.

Стрелы чужих гридей отскакивали от брони деда Микулы и от моей. Я ощущал сильные удары, от которых стонали ребра и нехорошо ныло тело, но бронь из змиевой шкуры действительно держала хорошо. А вот синяки да кровоподтеки будут. Это я знал точно. Если останемся живы, конечно.

Дед Микула вел меня не к воротам града, как я мыслил, а обратно, за поля в чашу, к ближнему болоту. Теперь мы пятились оба, отмахиваясь от стрел и, моля богов, чтобы стрельцы не попали в щели на доспехах.

Вражеские гриди остановились перед топью, грозя копьями и палицами. Мы с дедом Микулой с трудом пробирались

в глубь болота, обходя окна кикимор. Шли в направлении гати ведущей к островку, на котором нас дожидалась прабабка.

– Мра-ук! – раздалось рядом.

Неугомонный Питин, посверкивая медовыми глазищами, возник впереди нас и, пошел, оглядываясь, следуем ли мы за ним. «Интересно, где Семаргл? Почему нас встречает один Питин?» – подумал я.

– Гр-рая! – оглянувшись на меня, мяукнул Питин.

– Ты мне не говори про Глаю! Лучше скажи, как ты здесь оказался? И где твой дружок? Почему я его не вижу?

– Гр-рая!

Прабабка не пустила? – догадался я. – Возле себя держит?

– И правильно сделала, – пробурчал дед Микула. – А то бы обязательно в драку ввязался и погиб.

Все-таки тяжел оказался старый велет для болотных кочек. Несколько раз проваливался в топь. Если бы не жерди, которые мне пришлось нести, не знаю, как бы удалось вытащить.

Заявились мы пред Глаиными очами, перемазанные с ног до головы в ряске, да тине. Глая молча кинулась к нам, каждого потрогала руками:

– Не ранены? – спросила.

– Ран нет, а вот синяки будут. Хорошую бронь ты пошила, Глая. А про раны другие ты у деда Микулы спрашивай.

– А это что? У тебя и у Гурьяныча? Болотная водица?

Я провел ладонью по лицу и действительно на руке была

кровь. Странно, откуда успела взяться?

Зато Семаргл вился вокруг нас с дедом Микулой вьюном. Пищал, хлестал хвостом по ногам, поскуливал. Потом, немного успокоившись, лег рядом с Жаром и отвернул от нас голову. «Обиделся», – понял я.

– К граду не пробраться Глая Монионовна. – сказал дед Микула, сбрасывая возле телеги перепачканный доспех.

– Угров боле тыщи подступило. Ежели наши сегодня устоят, пусть Ратина благодарят. Он в начале приступа выбил верхушку, что на холме Велесовом собралась. Даже шамана ихнего уложил. Погляди, Монионовна, что у меня там, с левого боку печет. Кажись, стрела по щели харалуга чиркнула?

Прабабка охнула и стала торопливо обмывать бок старого велета, а я фыркнул.

– Щепка у него там торчит, Глая. Крушил щиты и палицы гридей, токмо щепка летела во все стороны.

– А ты иди, мойся, горе мое! – оборвала меня прабабка. – Похож на Кикимору болотную. Одни белые зубы из грязи торчат. Да Гурьяныча доспех прихвати. Тож помоешь.

Пришлось мыть оба доспеха в болотной водице и самого себя отмывать. А то прабабка к костру не пустит. Питин сидел рядом со мной и только фыркал, когда капли воды попадали на него. Он мне сочувствовал. Зато Семаргл, даже когда я подошел к разожженному Глаей костерку, отворачивался.

– Пойми ты, голова садовая! – не выдержал я. – Как я мог тебя взять с собой? Мне через бронь досталось. А тебе? Бро-

ни у тебя нет. Кинулся бы в драку меня защищать и готово. Посекли б тебя топорами, хребет перебили палицей, или стрелили. Этого хотел? Ладно, злись далее, коль охота!

Глая закончила пользоваться травами деда Микулу и приступила ко мне. Безжалостно растерла мои кровоподтеки, не обращая внимания на мое шипение.

Поели мы с дедом Микулой пшенной каши с салом, что Глая приготовила, и потихоньку угомонились. Я пытался заснуть, чтобы к ночи быть в форме, но сон не шел. Не захотел Баюнок мне очи смежить.

Стояли в глазах искаженные лица гридей, мною упокоенных, грозили. Вместо Баюнка пришел Вий с дочкой Кошмарой. Спасибо Глае. Быстро разобралась в причине моего бдения. Быстро приготовила отвар, пошептала, провела ладонями над головой, и я заснул...

Приснилась мне под полночь сестрица Зорянка, что в руках котенка малого держит и приговаривает:

– Смотри, Ратин, какой он красивый! Весь из себя чернышик, а на грудке пятнышко белое. Крылышки раскинуло, будто чайка малая летит...

– Зато у него хвост морковкой!

– Пусть морковкой, – соглашается Зоряна и смотрит на меня, как на несмышленища малого, – Зато ротик розовый и, слышь, пищит как! «Питин, да Питин» – выговаривает. Буду звать его Питин.

– Мне мнится, что пищит без всякого смысла, – не согла-

шаюсь я, – А повзрослеет, будет только «Мяу» выговаривать. Не молока, а мясца требовать.

– Это потом он мяса захочет, – соглашается Зоряна и протягивает котейку мне, – Ты береги его, Ратин. Не обижай. Пусть обо мне памятью останется. И с собой его сегодня не бери...

И начинает уходить, удаляться от меня, будто по воздуху уплывать, истаивать.

– Куда ты, Зорянушка! – кричу я, а она только улыбается слабо и исчезает, ровно растворяется в ярком свете...

Проснулся я, а Питин возле уха угрелся, мурлычет. Семаргл с другого бока посапывает. Простил, значит.

СПРАВКА

Народный Комиссариат
Внутренних Дел
УПРАВЛЕНИЕ
Байкало-Амурского
исправ.-труд. лагеря

Дата гр. Спишион

Асому Николаевичу

Отделение Босское
№ Шале — 1936
№ 45062

год рожд. 1881 происходит из Колжарба, Аютенский уезд, Витимск
по профессии Пекарь осужден Зас. Тр. П. П. О. З. П. У. по ВС

Адрес: Д. 2. 2. 1
2 свободной

17 Апреля 1933 г. по ст. ст. 58¹⁰ УК к заключению в ИТЛ сроком
на 5 лет, считая с 24 Января 1933 г. по 21 Января 1938 г.,

в том, что, отбывая меру соцзащиты в Байкало-Амурском ИТЛ НКВД, он

Спишион Асом Николаевич

по отбытию меры социальной защиты с учетом зачета 547 рабочих дней пятьсот сорок семь
дней

рожден 15 Июля 1936г.

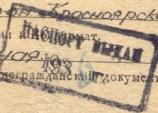
Гр. Спишион АН Сарский р-он Красноярский Край

где обязан(а) явиться на регистрацию в Управление Рабоче-Крестьянской милиции Клюквенцар

На проезд выдано требование ф. № 5 за № 193 до Клюквенцар

Настоящая справка по приезде к месту жительства должна быть заменена на обменный документ — удостоверение личности, так как видом на жительство служить не может.

Начальник С отделения Байкало-Амурского ИТЛ НКВД
Ф. № 3. Дич. учраспред. части

Разъяснения по курсивным ссылкам

Международный сионист (жид) – это генетический отпрыск Халдейского народа и потомок Авраама из города Ура, который согласился стать рабом бога Ягве, в обмен на Особые привилегии, для своих потомков. После чего Сарра, жена Авраама, родила Исаака и стала Ев-ой, праматерью для всех, ныне живущих Ев-реев. С тех пор, согласно Завета (Торы) между Авраамом и богом Ягве, рождённый Еврей приобретает наследственное право, покорять Народы земли. **Несмотря на это, каждый Еврей, является полноценным членом Многонационального человечества!** Правда который всегда, может стать жидом, совершив своё первое Радикально-религиозного преступление против Человечности и Человечества. Таким образом жида, после убийства волхва Радомира Странника (Иисуса), как радикально настроенные последователи Иуды, используя учения Торы, Талмуд и Писах, создали особые институты воспитания этнических Халдеев, Евреев или Иудеев повсеместно, а особенно в Лондон-сити, Базеле и Ватикане, как управленцев для покорения Народов земли и уничтожения потомков Славяно-Арийской Расы. Вот почему жид, это радикально-религиозно воспитанный, образован-

ный Халдей, Еврей или Иудей, который осознанно вступил в Религиозно-преступное сообщество Международного Сионизма. Приоритетом которого, стало клановое, паразитическое доминирование, над Многонациональным человечеством, в обход Законодательных актов, изложенных в Женевской Конвенции по правам Человека, от 1953 года.

Халдей Нового Мирового Порядка (масон) – это любой выходец из многонационального человечества, которому позволено стать участником Радикально-религиозной, Организованной Преступной Группировки, известной как Глубинное государство. В костяк Управленческих Орденов которого, обязательно входят этнические Халдеи, поклоняющиеся богине Тиамат, наделяющей их особой энергией власти. Притом, что прочих неофитов, алчущих богатств и влияния, после сбора компрометирующих данных, Халдеи высшего ранга, посвящают Ассирийскому богу Мардуку, либо собирательному образу бога Шумерско-Сабейских племён, известному под именем Баала или Бафомета. Таким образом Англо-Американские масоны контролирующие Уолл-стрит и Федеральную Резервную Систему США, значительно усилившиеся за прошедшее столетие, благодаря тайному учению Каббалы, которое обучает властвовать с помощью конспирологии и обмана, продолжают паразитировать и массово уничтожать жителей земли, являясь осознанными преступниками, вне Поконов и Законов Человеческой нравственности и морали, попирающими статьи Конвенции по

Правам Человека, от 1953 года.

Глобальный неонацизм – это скрытая диктатура жидомасонов Нового Мирового Порядка или Глобалистов, осуществляемая с опорой на духовные Семитские учения, шовинизм и ненависть к потомкам Славяно-Арийской Расы. Их доминирование зиждется на сокрытии летописных знаний, раскрывающих державную суть народов земли, на религиях подавления сознания и полицейских государствах. Господствуя в которых, они запланировали утилизировать большую часть населения земли. Используя не только исторически апробированные средства, такие как болезни, голод или войны, но также с современными наработками евгеники: вирусы, вакцины и ГМО продукты.

Еврейский народ – это обособленная общность людей, объединённая языком, общими образовательными и культурно-этническими ценностями, которая разделяет общечеловеческие нормы нравственности и морали, поэтому имеет равные права, со всеми народами земли.

Инглизм – это Славянское учение, заимствованное от Первопредков Славяно-Арийской Расы, которое рассматривает окружающий мир, как совокупную множественность энергий, распределённых во времени и пространстве, векторально проецируемых из Единого, одухотворённого Первоисточника. Поэтому в прошлом, рода Славян изучающие проекции инглии, называли себя Инглианами. Таким образом, генетически обусловленное, Инглиистическое мировос-

прятие Русского этноса Славян, позволило Менделееву интуитивно предположить, что в природе должен существовать, некий нулевой химический элемент, а также помогло Советским теоретикам, смоделировать идеологию Научного Коммунизма в СССР.

Леторический период – это промежуток времени, необходимый человечеству для переоценки событий прошлого и перехода от Исторической деградации общества к Новому процветанию, в интересах развития потомков Славяно-Арийской Расы и всего Многонационального человечества.

Леторический жанр – это особый вид искусства, который восстанавливает или выражает события прошлого, основанные на Инглиистической традиции, свойственной античной Славяно-Арийской Расе, либо выражает уклад жизни, их потомков Славян и послеантичный Ведический культ.

Леторическое произведение – это вид литературного творчества, основанный на летописно-задокументированных, сказочных или былинных событиях прошлого, которое раскрывает суть Инглиистической традиции, античной Славяно-Арийской Расы, либо Ведического мировосприятия их потомков Славян, поэтому обладает художественной свободой и гибкостью, для выражения мысли, современного автора.

Антская Азия – это первая держава Мидгард-Земли, созданная Антами, на просторах Азии, которые были прямыми

потомками переселенцев Славяно-Арийской Расы. Державный уклад жизни Антов, до сих пор, называют античным. Их держава прекратила своё существование, примерно 500 лет назад, основная вера: Инглиизм.

Великая Тартария – это держава, созданная последними Антами или Моголами, детьми Славяно-Арийской Расы, для своих потомков Славян. Которая прекратила своё существование, во времена захватнической деятельности Римской империи и аннексии последних Туранских земель в Сибири, оккупационным Русским Государством. В том числе, посредством целенаправленных репрессий тартар и уничтожения культурного наследия Инглиизма, по требованию Христианского эмиссара, Патриарха Никона, во времена кровавых реформ 1666 года или 7174 лета, согласно Родного календаря. Державная вера Тартар: Ведизм.

Атма – или живатма (жива), это безвозмездный дар бога Рода, бессмертная сущность, любой души.

Оралят мирно, от слова: орало (плуг), что указывает на людей, которые занимаются земледелием или мирным земледелием (крестьянством).

В ожидании новых рождений, богиней Карной, мудро ниспосылаемых – подразумеваются новые перерождения, присущие каждой бессмертной живе. При том, что новое рождение происходит, не обязательно в душе (теле) человека – мира яви, но также в иных сущностях, нефизических миров нави и прави.

Душа православная – имеется ввиду сам человек, с бессмертной живой, в биологическом вместилище, который путь – Ра – славит или Правь – славит, согласно Ведической традиции.

Небесный мост – портал в другое измерение. Принцип работы которого, раскрывает Славяно-Арийская математика, основанная на уравнении взаимодействий, разных энергий Инглии, с учётом фактора времени и изменяемых метрик, свойственных многомерным мирам. Который иносказательно, расположен на Млечном пути.

Миры прави – это места жительства, нефизического свойства, которые были сотканы богом Родом, из чистых и светлых энергий Инглии.

Небесный вырий – или ирий, самый Высший мир Прави, в котором живут светлые боги Славян и Ариев.

Леги – в Инглиистической традиции, это существа светлой прави, мудрые помощники людей. Которые являются противниками ангелов – тёмных сущностей, порождённых лунными, религиозными культурами.

Видимая сварга – физическая вселенная, созданная богом Сварогом, которая постоянно расширяется и включает в себя, многообразие физических объектов и галактик, откуда повелось говорить – сварганил...

Люди свастики – люди галактики Млечный путь, которые прилетели обживать Мидгард-Землю из четырёх, звёздных чертогов: род Арийцев, из чертога Небесной Коровы Зи-

мун, от звезды Тары, с земли Раи; род Харийцев, из чертога Финиста, от звезды Рады, с земли Троары; род Свага (свято-русы), из чертога Лебеда, от звезды Аркольны, с земли Руты; род Расенов, из чертога Расы (рыси), от звезды Дажьбог, с земли Ингард.

Инглия – первичная энергия мироздания, иначе называемая, божественной силой агни.

Ветровей – один из внуков Стрибога, южный или юго-западный ветер.

Пятая неделя, знобливого месяца Гейлетъ – имеется ввиду, последняя девятидневная неделя, самого холодного сорокодневника зимы, который начинается 22-23 января и заканчивается 3-4 марта, в переводе на Григорианский календарь.

Давеча – недавно, незадолго до описываемого времени.

Почивать – тоже, что и безмятежно спать.

Повременив неделимую девятицу – подождав славянскую неделю, в которой девять дней, а за седмицей, следует осьмица и девятица.

Знобливые наряды – снежные наряды, подарки богини Марены.

Лельный чертог дворца – это иносказательное выражение, обозначающее наступление весеннего периода, в трёх сезонах, полного круга лета. По смыслу рассказа, ранней Леле (весне) соответствует середина Григорианского марта или конец Славяно-Арийского месяца Гейлетъ, правда как пра-

вило, месяцем пробуждения природы, является следующий за ним, месяц Дайлеть.

Плодородное платье – обязательный лельный атрибут, необходимый при переходе природы из состояния марёного, знобливого сна к сезону цветения.

Православный люд – рассказ использует изначальное, Ведическое понимание термина. Как общность людей, объединённых Славяно-Арийским учением Инглиизма и Славянских Вед. Первооснова которых, была заимствована из железной Трёхугольной книги, привезённой на Мидгард-землю из звёздной системы Урай.

Капель – сын богини Лели, олицетворяет первые три дня лельника (весны), когда происходит интенсивное таяние снега и сосулук.

Колхидская тать – это вероломно нападающее, воинское образование, с территории современной Абхазии.

Западно-Тартарские Рысичи – по смыслу повествования, род Зарепейских Славян, который образовал поселение Тары, недалеко от Велико-Тартарской – Русско – Греко – Византийской Тмутаракни, переименованной в Тамтарху, как временный форпост и посольское поселение Великой Тартарии, на своих западных рубежах.

Тара – это одноимённое поселение, по имени девушки, прародительницы Тартарского народа, которая помогла своему брату по имени Тарх, вывести погибающие рода Славян из Даарии в Рас(с)ению. После чего в благодарность, люди

стали называть Стожар, ныне известный под именем Полярной звезды, в созвездии Небесной Коровы Зимун или Малой медведицы, куда входит Ярило-солнце, Путеводной звездой богини Тары, а себя Великими (Северными) Тартарами.

Азиаты – это любые жители, античной державы Антов, которая занимала земли, современной Евразии.

Лунные боги – включает в себя ряд божеств, которым поклонялись семитские народы. Среди которых, наиболее известны Ваал, Ягве, Мардук и Тиамат. Вследствие поклонения которым, возникли лунные учения чародейства и кабала, а в последствии, жидомасонский культ поклонения Бафомету. В контексте повествования, особо заостряется внимание читателя, на боге Ягве и учении Торы. На основании которой, были написаны Писах и Талмуд, как идеологическое оружие, для захвата и порабощения человечества.

В Африканской Варварии, Айгюптосе, Тайланьской Аюттае, в приморских владениях Айнов и горах Чавинцев – имеются ввиду античные поселения, потомков Славяно-Арийской Расы и Азиатских антов, на землях Эфиопии, Египта и Таиланда, а также имеются ввиду, поселения народа Айнов в Японской префектуре Эдо и города потомков Ягуара, в горах Южно-американских Анд.

Шаенские уголья в Колорадо и Ленапские земли Маннахаттана – имеются ввиду земли индейцев, на Северо-американском континенте.

Законный гнёт – имеются ввиду оккупационные законы

халдеев, установленные для побеждённых народов, попирающие Коны Славских Богов и Державного народоправия.

Вероломно разрушили Кельтский союз и провозгласили, о создании Ромейской империи! – имеется ввиду, что уничтожили Славяно-Арийскую, античную традицию Инглиизма и Народоправия, исконно свойственную кельтам, бриттам и пиктам, на Британских островах.

Город Мира – античный город антов, перешедший по наследству Этруским, который в наши дни, переименован халдеями в Рим.

Ревнителю Пятикнижия – это этнические евреи, которые одобрили убийство волхва Радомира, встав на сторону, своего соотечественника Иуды из Кириафа и продолжили ревниво чтить Завета Моисея, как наиболее важную часть Танаха. Известную в христианстве, как первые книги Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

В лето шесть тысяч четыреста пятнадцатое – согласно родного, Славяно-Арийского календаря или в 907-ой год, в соответствии с оккупационным календарём.

Затеяли извести – решили уничтожить.

Елейные речи – иносказательно, это лживые обещания о скором благоденствии и достатке. Раньше произносили елейную речь и маслом (елейным) помазывали человека, завершая обряд, его возведения на царство.

Гилисси – это река Енисей.

Антский Царьград и Малая Тартария – впоследствии,

это земли Византийской империи и Керченский полуостров.

Дети Тарха Перуновича – иносказательное выражение, обозначающее жителей Великой Тартарии. Причём сам Тарх Перунович (Дажьбог), является внуком бога Сварога и правнуком бога Вышеня, которого люди прославляли за избавление от Сил Тёмного Мира, которые в давние времена, высадились на луне Леле, чтобы захватить Мидгард-землю.

Тамтарха – позднее название Славянского города Тмутаракань, который был возведён на Таманском полуострове.

Посольский ярлык – это верительная грамота, которой снабжался посол (посланник), для удостоверения его представительского права, в ведомствах иных государств (держав).

Бессменный казённый муж – служащий до смерти, представитель державы (государства).

Лето шесть тысяч шестьсот тридцать четвёртое – согласно родного, Славяно-Арийского календаря или в 1126 год, в соответствии с оккупационным типом, счисления времени. По смыслу повествования, через год, после вступления на Киевский престол, сына Гиты Уэссекской и Владимира Мономаха – Гарольда, наречённого христианскими чернцами, Мстиславом Владимировичем Великим.

Олонесь – прошлым цветом (летом) или год назад.

Правление которого, обещало быть разрушительным, для державных основ в землях Рысичей – по смыслу повествования, правление которого, будет гибельным для

родового и общинного уклада жизни народа Рысичей, который входил в Славяно-арийские этносы Тартар, проживавших вдоль рек, от Истра (Дуная) до Яика (Урал).

Половцы – это кочевой народ, выделившийся из среды независимых ханств, утративших державный контроль Великой Тартарии и расселившийся к востоку от реки Истр (Дунай). В этногенезе Славяно-Арийских народов, половцы являются потомками рода Расы и являются близкими родичами Зарепейских (зауральских) Тартар.

Агарянское рабство – имеется ввиду, процветавшая в Византии работорговля, за счёт продажи Славян и греков, в пользование Семитским народам, а агаряне по сути, это арабы.

За Репейскими горами и Яиком – иначе говоря, за Уральскими горами и рекой Урал.

Отрочество – это период между детством и юностью (12-16 лет). Поскольку отрок, это несовершеннолетний мальчик, готовящийся стать защитником, своего рода.

Поселковый скоп – это собрание всех вместе, поселковых жителей.

Родичи – это близкая родня, как правило до третьего и четвёртого колена (поколения).

Азъ – изначальное, от самого рождения, явление души человека. По определению, напоминает понятие – я, вот только «я» введённое христианами, как основа Римского права, это ничтожно малое и последнее в мироздании. Тогда

как в Харийской каруне, основанной на руническом письме и в Славяно-арийской буквице, основанной на буквичном письме, обожествлённая руна и одновременно буквица – Азь, находится на Первом, исконном месте.

Галатские родовичи – племена Славян, кельтской и галльской группы, которые позднее, после распада Великой Тартарии, создали Галицкое княжество рысов.

Чело – передняя часть головы человека, выше бровей и ниже волос.

Родовичи – это дальняя родня, от общего предка.

Настин, ночной час – это ночной, восьмой (8) час (Настя) в сутках Славяно-Арийского числоврата (циферблата). Иначе называемый Утренней зарёй. Соответствует 7.00-8.30 часам, на циферблате Шумерских часов.

Святобор – бог лесов.

Мавка – навье существо, внешне напоминает русалку, но как правило, вмещает дух умершего ребёнка и является существом злобным.

Навь – одна из трёх ипостасей, сотворённых богом Родом. Которая существует под покровительством Зверя-Скипера, Велеса, Мары и Чернобога. Подземный или потусторонний мир умерших. К навьим существам, относятся лешие, домовые и водяные, коих превеликое множество. Навь олицетворяет, совокупность миров, первоизданного хаоса.

Выбирать торну – устаревшее выражение, означает тоже, что подбирать тропу или намечать маршрут, для продви-

жения по труднопроходимой местности.

Планида – другими словами, это судьба, некая участь или доля человека или животного.

Сиречь – устаревшее слово, означает некое, иносказательное действие или выражение. Пример: сиречь хвалился, что значит хвастался, неким определённым образом.

Навье капище – это храм (строение), в котором по смыслу повествования, установлен четырёхликий истукан Велеса, Мары, Чернобога и Зверя-Скипера.

Алатырные камни – плоские камни для раскладывания подношений богам. Изначально алатырь, это особый камень (портал) или Центр мира. В котором сходятся все ипостаси богов Прави, Яви и Нави.

Волоти укладывают утром – имеется ввиду, что по утрам, падают дары угодные Велесу, но только растительно-го происхождения. Так как изначально волоть, это волокно необработанного льна.

Порядок кровной жертвы – данное выражение подразумевает, что богам подают дары, животного происхождения. Из тел которых, после убийства, кровь слита на землю.

Коих – устаревшее выражение, иначе которых или каких.

Рушник – это расшитое вручную, полотенце для рук и протираия посуды.

Коврига хлеба – это каравай, или круглая булка хлеба.

Карачунистый рыс – это зимний, январский рыс.

Доантичные времена – это период времени, иначе назы-

ваемый Древними времена, когда происходило зарождение вселенной и формирование Славяно-Арийской Расы, до поселения первопредков на Мидгард-земле, а также захватывает времена, их первых поселений, на северном континенте Мидгард-земли, в ныне затонувшей Даарии.

Из лесов Деи и Орея – выражение описывает события Древнего периода, когда Славяно-Арийская Раса, населяла планеты солнечной системы, сперва Дею, а затем Марс и обустроивала Мидгард-землю.

После гибели луны Лели и затопления Даарии – выражение описывает времена, после Небесной ассы (войны) Славяно-Арийской Расы, с прилетевшими Серыми захватчиками. Когда была разрушена, первая луна Мидгард-земли, известная как Леля.

Вешала – это ниспадающие жерди, закреплённые под крышей с поперечными перекладинами, которые предназначены для развешивания и сушки чего-либо, вне досягаемости зверей.

Исполать – устаревшее слово, которое подразумевает уважительно-хвалебное приветствие.

Горний василиск – это былинное чудовище, огнедышащий крылатый змей, который прилетел с гор.

Аспид – устаревшее слово, указывающее на всех, без исключения змей, в том числе на крылатых драконов.

Без обиняков – без соблюдения приветственного ритуала, взаимных раскланиваний и вступительных речей.

Волоти – растительные волокна, по смыслу повествования, дары растительного происхождения.

Побранное прошение – примирительное обращение, произносимое после схватки или брани, по аналогии с повинным прошением.

Векша – это лесная белка.

Могучий бер – настоящее имя зверя, который ведаёт мёдом. Вот пример, так Сибири на реке Ангаре, еще в середине 1980-х годов, прошлого века, жители бранясь, приговаривали: «Бер тебя заломай!». Что косвенно свидетельствует, о Единой державе Славян на всём континенте, поскольку город Берлин, это логово бера. Наблюдение отца, автора.

Священный волк – вечный спутник бога Велеса и неизменный персонаж, древних Славянских сказок.

Птах – это любая птица. Например, в Славяно-Арийском Египте, был бог Пта (х), который с головой, в виде птицы, управлял подземным миром.

Из престольного Красного Яра, со священных берегов Гилисси, которая олицетворяет просторы Туранского Ханства – иначе, из столичного города Красноярска, расположенного на берегах Енисея.

Сколоты – название Восточных Славян, расселившихся в юго-западной Тартарии, на берегах Чёрного моря, которые по происхождению, родственны Скифам.

Истр – это древнегреческое название нижнего течения реки Дунай. Которую в верхнем и среднем течении, называ-

ли Данувием.

Мезийские родовичи – этнос Славян (мезы), населявший область между нижним Дунаем и Балканскими горами. В последствии эти горы, называли Сарматскими, Карпатскими или Угорскими. Мизийский (мезийский) этнос Славян, формировал костяк Фракийского царства. В настоящее время территория Мезии принадлежит в основном Болгарии, а прочие части – Сербии, Румынии и Украине.

Айфиония – страна на севере Африканского континента, которая в прошлом, принадлежала Славянскому этносу Варваров.

Жаркие земли, родовичей Кметов – имеется ввиду коренной народ Та-Кметского Царства или Египта, состоявший в античном родстве, с прочими потомками Славяно-Арийской Расы, на просторах Азиатского континента.

Офир – Сабейское царство, на северо-востоке современной Эфиопии.

Побратимы – это близкие друзья, принёсшие клятву помогать друг другу во всём, пока не разлучит смерть. Такую клятву, братающиеся скрепляли смешением крови, выливающейся из порезов, нанесённых ножом и приложенных друг к другу, правых рук. Вытекающая кровь смешивалась, символизируя Духовное единение, друзей-побратимов и впитанная землёй, посвящалась Богам. В то время, как окружающие Свидетели, славили богов.

Гарцевать – по-молодецки разъезжать верхом на коне.

Времена правления царицы Хатшепсут – это женщина-фараон из страны Та-Кмет или Египта, правившая в древние времена Нового царства.

Тростниковое море – это Красное море.

Пурпурная всадница – это женщина в пурпурном плаще, цвет которого, указывает на знатное и привилегированное положение носительницы.

Заморские латы – это облегчённые доспехи их стально-го сплава, прикрывающие грудь, живот, надплечья, предплечья и голени носителя.

Галоп – это быстрый ход скаковой лошади, быстрее рыси.

Канули в небытие – исчезли из памяти.

Земли Айфионии и Айгюптоса – это две страны, Эфиопия и Египет. Причём название Египта – Та-Кмет, означает плодородную, чёрную землю, а Славянских родовичей, выходцев из этой земли, в Тартарских весях, называли кметами.

В почине Державных беров – или бояр. Специальная грамота, давала беру право, на воеводство дружин и пожизненный голос, на собраниях Тартарских народов, а также на жительство, в отныне независимых землях Сарматов, Скифов и Сколотов.

Медная аль – это нагрудный знак отличия, почётного воя или богатура, выданный представителем Верховного Совета в Державе Славян – Великой Тартарии.

Дотолё – иначе, до того как...

Шелоник – это юго-западный ветер.

Ледник – это погреб, выложенный льдом, для хранения в живую (лето), скоропортящихся продуктов.

Марные карачуны – это зимние, январские морозы.

Медовуха – алкогольный напиток, приготовленный на воде и мёде.

Доблестный муж – умудрённый опытом, зрелый мужчина, вырастивший детей.

Тридцать третьего числа, месяца вэйлетъ – в переводе на Григорианский календарь, это день, примерно совпадающий, с 26 – 30 июня.

Дворцовая барамда – это терраса или веранда.

Бортъ – улей в дупле или в выдолбленном чурбане.

Сутунка – тяжёлая металлическая пластина, навешиваемая на крышку улья для утяжеления, чтобы медведь не догадался его раскрыть и разорить.

Давят пробки – имеется ввиду фекальная пробка, в заднем проходе медведя, которая образуется, во время его спячки. После пробуждения, как правило, она вызывает боль и дискомфорт животного, из-за чего, голодный бер ревёт.

Порскнуть – выполнить стремительное передвижение или короткую, целенаправленную пробежку.

Стайка – это строение (помещение), для домашнего скота.

Не ведающая дивчина – юная девушка, не познавшая мужа и не имеющая детей.

Велет – самоназвание племени северо-восточных лютичей, проживавших на Западных территориях Великой Тартарии. Иначе велет (волот), это могучий великан или крепкий воин.

Пожилой орочь – это пожилой земледелец, пахарь. Так как орало, это земледельческое орудие, схожее с плугом, для рыхления почвы.

Оселедец – иначе, это чуб, на лысой голове.

На манер Днестровских родовичей – имеются ввиду поселения Славян, на реке Днестр (Тирас) в современной Молдавии и далее на восток, до Днепра (Борисфена), на территории современной Украины.

Пунт – страна на побережье Красного моря, расположенная на юго-востоке современной Эфиопии. Другое название страны Та-Неджер.

Варварейская внешность – свойственная берберам, коренным жителям Северной Африки от западных границ Египта на востоке, до Атлантического океана на западе и от реки Нигер на юге, до Средиземного моря на севере. Которые являются потомкам Славяно-Арийской Расы и говорят на берберо-ливийских языках, афразийской макросемьи.

Неперекаемый перст – абсолютная власть и безупречный авторитет.

Потомки Расы – или иначе, потомки Рыси. Это потомки Даарийцев, Харийцев, Святорусов и Рассенов, четырёх Славяно-Арийских родов, прилетевших на Мидгард-землю, для

жительствa из других звёздных систем.

Даария – это затонувший материк, на Северном полюсе, где проживали великаны. Потомки которых, впоследствии переселились в Рассению и создали единую, планетарную Державу, названную Антской Азией.

Путеводная звезда – иначе Полярная звезда или Стожар, а по Велико-Тартарски, звезда Тара.

Первый круг жизни – это шестнадцатилетие, в соответствии со Славяно-Арийским календарём, в котором Простой круг жизни, равен 16 летам, а Полный круг жизни равен 144 летам.

Числоврат – плоская, круглая поверхность, механических часов с нанесённой, шестнадцати часовой разметкой. Функционально, является тем же самым, что и циферблат, однако Числоврат (число – вращения – тверди), изготавливаемый Славянскими мастерами, по принципу восприятия, разительно отличается от циферблата. Так как его неподвижная, указательная стрелка, вынесена за вращающийся Числоврат (коловращения чертогов Сварги). Таким образом, стрелка часов, закреплённая над числовратом, означает саму Мидгард-Землю по отношению к событиям в Чертогах Видимой Сварги, образной поверхности числоврата.

Горькая година – словосочетание, которое в Славянском миропонимании, означает тяжёлый период лишений, испытаний и несчастий. Который негативно характеризует, отрезок жизни человека, либо всего Славянского общества, в це-

лом. Поскольку для обозначения, счисления оборотов (солнцеворота, круголета) Мидгард-Земли вокруг Ярилы (Солнца), наши предки использовали слово – лето.

Подле – недалеко или совсем рядом.

Колхидские находники – конные воины Колхиды (Абхазии), вероломно напавшие на поселение Тары, располагая изначально перевесом сил.

Крода – священный для Славян, обряд смерти. Когда на деревянном погосте, осуществляется сжигания души (тела) в очищающем огне. Что важно, для скорейшего освобождения, Вечной атмы (живы) и её дальнейших перерождений, для восхождения по Золотому пути.

Басурманин – это человек иной веры, а не только магометанин, в том числе, подданный Колхидского царства. Поскольку до принятия христианства, этносы Колхиды (Абхазии) поклонялись тем же богам, что и народности Картвельского царства, теперь известного как Грузия или Горная Руссия. Более того, в настоящее время, Грузия оторвана Халдеями от Великой Тартарии, где активно стирается, память коренного населения и насаждая новое, искусственное название – Джорджия.

Папаха – это меховая шапка.

Бурка – это безрукавный плащ-накидка из войлока, белого, чёрного или серого цвета.

Ятаган – это клинковое колюще-режущее и рубяще-режущее холодное оружие с длинным однолезвийным клин-

ком, имеющим двойной изгиб. Нечто среднее, между саблей и тесаком. Был входу в Малой Тартарии, Крымском Ханстве кипчаков и в Османской Империи.

Куренным числом всадников – имеется ввиду численностью военных от 100 до 300 человек. Так как курень, если выразаться современным, армейским языком, это рота военных.

Посольский кремль – крепкий, деревянный дом из сосны, огороженный частоколом из прочных брёвен. Построенный для жительства старосты поселения, защиты и собраний послов Приказа, Великой Тартарии.

Нагайка – ременная плеть, для управления лошадю. Часто употреблялась, как орудие наказания, приводившее к увечьям.

Легкая чайка – широко распространённая у Славян, лёгкая и скоростная, однопарусная лодка. Для прибрежного плавания, река – море.

Поёлику – иначе, потому что, или поскольку.

Разорённый детинец – имеется ввиду разорённое поселение, давшее начало, новому роду Тарских Славян. В данном случае, идет речь об уничтоженных Таргарских Рысичах, проживавших в Тмутараканьской Таре.

Хорс (Ярило) – бог Солнца. Ездит по небосводу в колеснице, запряженной четверкой белых коней и движет солнечный диск – жар (жарушко). Он же, бог неистового пробуждения, животворящих сил природы.

Посему – иначе потому, потому как или потому что.

Дух агнии – или дух огня, который олицетворяет домашний очаг и уют в доме. Посредством агнии, крылатый пёс Семаргл, покровительствует семье.

Тяготы дальней стези – или тяготы дальней дороги.

Справно мурчать – или уверенно и бегло, без затруднений говорить.

Богиня Морана – иначе Мара, Славянская богиня болезней и смерти.

Месяца вэйлетъ, хэйлетъ и первая неделя сороковника тайлетъ – в этом выражении сперва, речь идёт о месяце Вэйлетъ, которому соответствует май и июнь, период Ветров. После которого начинается месяц Хэйлетъ, которому соответствует июль, месяц Получения Даров Природы. И упоминается неделя сороковника Тайлетъ, которому соответствует август, месяц Завершения. Раньше месяца, иначе называли сороковником, потому что в нём было по сорок или сорок один день.

Ар – это земля, откуда образована идиома В – ар, В – ар (Варвар), которая говорит о том, что спрятано в земле или означает нечто земное, в общем смысле, этого слова. Наши предки, защищаясь от захватчиков, кричали: «В – Ар! В – Ар!». Это идиоматическое требование, кого-либо или что-либо, закопать в землю.

Дальняя даль – сказочное-былинное и иносказательно-литературное выражение о том, что очень далеко. Кото-

рое имеет конкретное, числовое выражение в Пядевых мерах Славяно-Арийской Арифметики, а в переводе на современную систему мер, Дальняя Даль, это некоторое число, возведённое во вторую степень. Дальняя Даль равна 3500 Звёздным Далям или 518 074 264 845,55 километрам. При том, что Простая Даль, это 150 столбовых вёрст, или почти 227.5 километров.

Правило – это опущенное в воду весло, специально закреплённое на корме (сзади) лодки, для изменения её курса (направления). Правило развёрнуто, вокруг своей продольной оси так, что бы лопасть весла, располагалась в вертикальном положении.

Мошна – это мешок, для хранения денег, а в переносном значении, это слово характеризует несправедливого, алчного человека.

Город Тир – это город Белгород, на реке Днестр в Молдавской ССР.

Валахские степи – расположены на территории современной Молдавии, а сами валахи раньше были, кочевым народом.

Гуцулы – наименование одного из народов, живущих в районе Карпатских (Сарматских, Угорских) гор.

Трёхнедельный запас снеди – провиант (запас еды) на девять дней пути.

Сарматские горы – Карпатские (Балканские, Угорские) горы.

В одном поприще – мера расстояния, равная 20 верстам.

Тракт – это широкая и укатанная, грунтовая дорога.

Берегиня-ключница – или Хозяйка-ключница, это дух навьего мира, в образе женщины. Который оберегает живительные силы ключа.

Штоф – это ёмкость жидкости (бутылка) равная 1,23 литра.

Чистая перемена платья – комплект стираной, сухой и чистой одежды.

Прорехи – это дыры на одежде или на домотканых, а также на сшитых из ткани, предметах обихода.

Ватага – это шумная толпа или сборище людей (отряд Ратина).

Веси и погосты – это территориально-административные единицы Великой Тартарии.

Страннопреимство – это заповедь Инглиизма и Славяно-Арийских Вед, которая в последствии, была заимствована христианами. Гласящая о том, что нужно помогать путникам и обездоленным.

Чурали нас в открытую – призывали бога Чура, сплёвывая через плечо. Прося у него таким образом, защиту от Навьей напасти.

Поскотина – это огороженный двор и хозяйские постройки для скота, расположенные в стороне от избы или хаты, преимущественно рядом с выгоном.

Крынка – это глиняный сосуд, для прочности и долговеч-

ности, обожжённый в печи.

Лихоимная охрана – имеются ввиду беспутные, распутные и злобные люди, замешанные в работорговле. Которые нанимаются для охраны караванов, к нечистым на руку, торговым купцам.

Огниво – это приспособление для получения огня. Простейшее огниво состоит из кресала, кремня и трута. Сноп искр, высекаемых от удара кремня о кресало, воспламеняет трут.

Нож из харалужной стали – изготовленный из особого сплава железа, для боевых клинков. На мой взгляд (автора), этот вид стали, могли производить Древние Асы (Азы) из Харийского рода. По аналогии: Хара – лужный, это нечто, что лужено Харийцами.

Роговой лук и тул – это лук из рогов, горного козла и колчан (тул) для ношения стрел.

Поутрость – название 11-го часа в Славянских, 16-ти часовых сутках. Утро. Высыхание росы. Соответствует 11:30 – 13:00 часам, в Шумерской системе, счисления времени.

Обестна – название 12-го часа в Славянских, 16-ти часовых сутках. Утро. Обедня, совместное собрание. Соответствует 13:00 – 14:30 часам, в Шумерской системе, счисления времени.

Тигель – или тигиляй, это полотняный (кожаный), стёганный ватой доспех с нашитыми металлическими или деревянными пластинами.

Гурт – объединение кого-то или чего-то. В данном случае, гурт оружия. Это опираемое, друг на друга или на вертикальную вкопанную (воткнутую в землю) рогатину (кий), пирамидально составленное оружие (оружейная полка).

Вечиръ – название 2-го часа в Славянских, 16-ти часовых сутках. Вечер. Появление звёздной росы на Небесах. Соответствует 22:00 – 23:30 часам, в Шумерской системе, счисления времени.

Завалинка – это невысокая земляная насыпь, вдоль наружных стен.

Притулится – устроиться, улечься или усесться где-либо в укромном, но не совсем удобном месте. По аналогии с плотной укладкой стрел в заплечный тул.

Томно – исполненный истомы или расслабленный и усталый.

Сулица – короткое копьё, удобное для ближнего боя.

Унот – юноша или молодой человек.

Али от оного лытаешь? – по смыслу повествования, выражение содержит следующий вопрос: «Или прячешься от важных забот?».

Могутный молодец – сильный, физически крепкий человек.

Ишь – видишь.

Повеса – молодой человек, проводящий время в легкомысленных затеях или проказах, бездельник.

Ершистый бой – это колючий (задиристый) боец (дра-

чун) или попросту задира.

Меч-кладенец – былинный самосек, обладавший волшебными свойствами. Который поражал, противников славян в битвах.

Царь Горох – известный в Египте, как бог Гор. Царственный представитель Анто́в, потомок великанов Славяно-Арийской Расы, первоначально селившихся в Даарии. Один из первых, правящих правителей Державы – Антской Азии, включавшей все земли континента. После смерти которого, возникла новая правопреемница, Держава Славян – Великая Тартария.

Обида – состояние чувств, незаслуженно оскорблённого человека. Иначе, это Славянская богиня, в образе девы с лебзяжими крыльями. Предвестница несчастий и смерти, для поступившего несправедливо.

Тройка частей – подразумевается период времени, равный полутора современным минутам. В соответствии с мерными величинами Славяно-Арийского времени. Поскольку одна часть, равна 37 секундам.

Шо – это ныне устаревшая, краткая форма, вопросительного слова што. Теперь говорят что. Например, так говорила Ольхова Мария Васильевна, вторая бабушка автора.

Дёготь – это тёмное, жидкое и маслянистое вещество, которое получали сжиганием светлой, берёзовой коры, без доступа воздуха. Его применяли для смазки деревянных осей телег, или как дубильное вещество, незаменимое для про-

питки кож, либо в лекарственных целях.

Чёрная падучая (болезнь) – падучая болезнь или эпилепсия. Это заболевание центральной нервной системы, которое угнетает гуморальные процессы, обмена веществ.

Моранина болезнь – заразное заболевание, приводящее к неминуемой смерти (холера, тиф или оспа).

Гатчина – устаревшее выражение. Иначе сказать – чинная гать, это удобная для ходьбы местность или широкая тропа.

Вестовые приметы – это броские приметы, указатели пути. Например, заранее известная последовательность лиственно-хвойных лесов, протяжённых в одном направлении, перемежающихся памятными холмами и долинами, либо реками и скалами. Возможно иное...

Хворобы атмы – психические расстройства, с вязанные с Живой вечности, неотъемлемой составляющей, человеческого сознания.

Душевные болезни – нарушения в работе физического тела или анатомические разрушения, вызывающие боль.

Сие знамо – известно или это, хорошо известно.

Судачить – рассуждать о чём-то или о ком-то, добро- нравно общаясь и коротая время.

Отповедь – это ответ, поясняющий причины резкого отпора (отказа), против какого-то суждения или выступления.

Деять частей – подразумевается промежуток времени, равный пяти с половиной минутам, в соответствии с Шумер-

ским счислением времени, поскольку одна часть, Славянско-го часа, равна 37 секундам.

Чаянья – это сокровенные желания человека, надеющегося на их исполнение.

Сподобить – выполнить нечто задуманное, руководствуясь неким подобием, например известным шаблоном, строгим предписанием или копируя, с приложением значительных усилий.

Уходить восвояси – уходить ничего не добившись, с тем же, с чем пришёл...

Душа – в исконном (первоначальном) понятии, означает физическое (явное) тело.

Кий – жердь.

Выгон – это пастбище для скота.

Усадьба – это единоличное хозяйство, дом со всеми прилегающими строениями и угодьями.

Душевные луки – устаревшее, буквальное выражение. Иначе сказать, телесные мышцы...

Пигалицы – это распространённые в Галиции (Украина) чибисы.

Скит – это обособленное поселение, образованное скитающимися (путешествующими) по белу свету людьми. Скит мог являться пристанищем, для учёных мужей, волхвов и прочих единомышленников, находящихся в духовном поиске. Скиты в самоназвании, посвящались покровительствующим богам.

Радеть – или, сердечно беспокоится. Принимать деятельное участие или оказывать содействие, для достижения благоприятного исхода, в важном деле...

Терем – рублёный, многоярусный и резной дом. Часто с двухсторонней, остро скатной крышей и башней наверху. В котором есть горницы (верхние комнаты), хоромы (комната ритуальных песнопений, гостиные), трапезная (столовая), почивальни (комнаты сна), сени (хранилища) и смотровые башни (гнездо).

Крепость – крепкая (укреплённая) пасть. Входная часть пещеры, логова или оборонительного сооружения.

Цепной язык – подъемный мост, ведущий через ворота (пасть) и проход (зев) внутрь скита (пещеры, логова).

Заборол – это частокол наверху крепостной стены, для защиты от летящих стрел, осаждающего противника.

Ять – последняя буква азбуки и устаревшая форма, личного местоимения – я.

Посконная рубаха – это очень ноская (защищающая от паразитов) и прочная рубаха из (замашной) ткани, произведённой из очень тонких, волокон конопли.

Невероятно, но в следующее мгновение, раздуваемые Стрибожьими ветрами, они запылали ярким пламенем, неожиданно опалив меня, искромётной мыслью: «Видать не старый Велес, а молодой Громовержец Перун, сие знамение посылает, вот только как, его понимать?! – это знамение, которое иносказательно характеризует пе-

риод межродового, Славянского братоубийства и пагубного морока Новой религии. Когда окраинные каганаты Великой Тартарии, начали аннексировать её территории, под руководством алчных Ромеев, пришлых адептов Каббалы. После чего Летописно значимые острова Инглии, Галльской Тартарии и Перуновой Руси, откололись от Велико-Тартарского, за-Репейского центра. Под мороком Новой религии, возникли Исторические страны: Англия, Франция, Германия, Пруссия и пограничная Украина. Таким образом, взамен Державного Народопрания, Славяне получили подконтрольные Халдеям востока, несамостоятельные государства.

Черномазая шатия – группа грязных оборванцев.

Дневной час подани – День, 14-тый час, в сутках Славяно-Арийского числоврата. Время отдыха после трапезы. Соответствует 16.00-17.30 часам, на циферблате Шумерских часов.

Вершковые клыки – длиной 4,4 сантиметра. Поскольку один Славянский вершок, в соответствии с Пядевой мерой длины, равен 4,4 см. Это расстояние, между расставленными, большим и указательным, пальцами.

Лесной бирюк – это матерый волк.

Навье жито – ряд взаимосвязанных, холодных энергий инглии, например вырабатываемые раздражёнными или испуганными животными. Или энергии, извлекаемые обученным человеком из тонкого, навьего мира.

Волошба – это волшебство, или Славяно-Арийская прак-

тика извлечения и преобразования энергий, из всеобъемлющей Инглии (эфира). Во время волошбы, используют потусторонние источники силы (энергии), проводником которых, может выступать человеческая живатма. Преобразования инглии, совершаются волхварём, с учётом влияния структур времени, либо с помощью высвобождения её плотных потоков, из Кристаллов инглии.

Агарянская каббала – или арабская каббала. Религиозно-мистическое, оккультное и эзотерическое течение. В основе которого, лежат откровения бога Ягве, основателя тайных знаний Торы. Учение которой направлено против многонационального человечества. Поскольку является учением лжи, обмана и пагубного воровства энергии жив, принадлежащих другим людям и сущностям. Каббала получила распространение в Ассирии, как основа культа, поклонения богу Ваалу. По сей день, практикуется радикально настроенными халдеями и прочими жидами, выходцами из среды семитских народов, для порабощения человечества.

Белёный лён – это брезент, производимый из льняной пряжи, способом полотняного переплетения.

Пурпурная вершиница – военная всадница в Пунтском войске. Которая имела знатны статус, по праву рождения.

Чьих кровей – вопрос в широком понимании родового древа (генеалогии (лествицы)). Знание которой в Славяно-Арийской Культуре, является первостепенно значимым. Поскольку определяет, последующие методики, обучения и

воспитания отрока. Ввиду того, что атмы (живы) брачующихся (имеющих половые отношения) душ, явных (земных) родителей, часто состоят лишь в браке, но не в поконном (поконы Рита) Свадебном союзе. Что подразумевает незнание родителями, особенностей своих предков. При том, что атмы душ (тел) родителей, обладают своим индивидуальным характером и темпераментом. Привлекая к себе, родственные атмы (детей) для рождения в человеческом облике. Поскольку привлечённая атма Первопредка или посторонней сущности, уже при зачатии ребёнка, вселяется в его кровь.

Вроде – в Роде. Говорящий, по тексту допускает, что род отрока, до третьего или четвёртого поколения (колена), может быть ему знаком.

Отпрыск – точно известный, генетический потомок, своих родителей. Которые состоят в Поконном Свадебном Союзе. Имеется ввиду, первостепенная важность поконов чистоты Рода и Крови – РИТА, в преемственности поколений. Поскольку это поконы, передачи здоровой наследственности.

Опальный недоросль – это опалённый (обгорелый), в буквальном смысле слова, мужающий отрок, который ещё не стал парубком.

Низкорослая гать – это степь или открытое пространство земли (луг), поросшее травами.

Текали – убегали или спасались (уносили ноги).

Сверзся – упал вниз с чего-то или кого-то. В данном случае с дуба.

Три части – период времени равный, двум современным минутам. В соответствии с мерными величинами Славяно-Арийского времени. Поскольку одна часть, равна 37 секундам.

Товарки – подруги, выражение применимое только к женскому полу.

Карна – или Коруна. Богиня перерождений (реинкарнации) на пути восхождения жив по Золотому пути.

Доля – это богиня хорошей, доброй судьбы, которая определяет назначение человека и при рождении наделяет младенцев всеми добродетелями, пророчит им будущее. Дочь Макоши, другое имя которой – Среча.

Подсосный жеребёнок – который питается молоком матери. В возрасте 6-12 месяцев. Весом 30-50 килограмм (2-4 пуда).

Руда – кровь.

Дух – разумная личность. Которая рождается и усложняется, во время связи атмы и души (тела). Духи, порождаются любыми душами (телами) мира яви (физического мира) в союзе с атмами и после их разрыва (атмы и души), переходят в ведение бога Рода.

Рысий дух – единение духов, порождённых в союзе атм с душами (телами) людей, прошедших своё становление в Славяно-Арийской, Культурной традиции. В том числе Русский дух.

Тужень – лук для ведения стрельбы, стрелами. Данное

название, заостряет внимание на характеристиках изделия. Таких, как тяговое усилие плеча и прочность тетивы.

Чаромысленно взглянул – гипнотически, в том числе воздействуя на общий, биологический фон организма.

Нечаянный змей – случайно или внезапно, появившийся. Чем вызвал у говорящего, чувство удивления или восторг.

Нечай – наверное или скорее всего. Допускать что-либо, с удивлением.

Пуда на три – массой 48,9 кг. Поскольку русский пуд равен 16,3 килограмма.

Небось – наверное. Наряду со словами: Шо, нешто, пошто, челядь и выражением: «Хозяин (бер, медведь) ты заломай!». Это Характерный Восточно-Сибирский говор жителей Ангары. В том числе, свойственный в прошлом, жителям Великой Тартарии.

Ряднина – это грубая и толстая холстина. Для изготовления которой, из пенькового волокна или очёсков льна, с помощью веретена, прядут веретьё (нить). Затем отрезки веретья, скатывают между собой и накручивают на тюречки (барабаны), которые уставляют на спицы подачи, ручного станка. Такой деревянный, ручной станок, я видел в избе своей бабушки, Ольховой Марии Васильевны. В 1978 году, проживавшей на берегу реки Ангара, в поселке Климино, Кежемского района, Красноярского края (наблюдение автора).

Волошица – волшебница, которая волошествует или занимается волшебством. Тоже самое, как волхв занимается волховством. Более подробно, в определении *волошба*.

Исцеление – возврат живого существа, в состояние природного равновесие. Достигается воздействием на душу (тело) и дух (атму) захворавшего, через инструменты волхования (воздействие на дух), травного лекарства (микстуры) и врачевания (вмешательство в тело).

Лагушок – деревянный жбан изготовленный из мягких пород дерева.

Шесть тысяч шестьсот семдесят четвёртое лето – согласно Родного, Славяно-Арийского календаря или 1165-1166 годы, в соответствии с Шумерским типом, счисления времени. Описывает закабаление Западных Славян с помощью Семитской Каббалы и Савлова учения, на аннексированных, Западных рубежах Великой Тартарии.

Косая сажень – согласно Пядевой Мере Славян, это расстояние наискось, между кончиками пальцев ноги и кончиками пальцев, противоположной от неё (ноги), поднятой вверх, руки. Стоящего человека. Равна 2,48 метра.

Пол часа – это 72 части из 144 частей полного славянского часа или 45 минут, в соответствии с Шумерским типом, счисления времени.

Вычёсывая пух на варежки – широко распространённый в прошлом, способ изготовления тёплых вещей. Например, моя бабушка, Каракчаева Мария Васильевна, что я припо-

минаю относительно событий 1982 года. Вычёсывала пух из моей собаки и с помощью веретена, пряла нитку. Затем из этой нитки, на моих глазах, она вязала мне варежки (наблюдение автора).

Три с половиной сажени – 7,45 метра. Пядевая мера измерений расстояний. Одна сажень или одна маховая сажень, равна расстоянию между указательными пальцами рук, расставленных в стороны. Приравнена к 2,13 метра.

Трёхаршинная морда – голова длиной 2,13 метра. Один старорусский аршин, это расстояние от плеча, до кончика указательного пальца, вытянутой в сторону руки. Приравнен к 0,71 метра.

Пядь – старорусская мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами. 1 пядь приравнена к 17,78 см.

Подать – это совокупность платежей в княжескую (позднее государственную) казну, то же что и «тягло».

Тиун – сборщик податей.

Впрок – на пользу, запас к выгоде или на пользу впредь, для постоянного владения или пользы.

Корчага – славянская мера объема, примерно равная 25 литрам.

Народ кликушествовал – народ кликал (звал), на помощь бога Велеса и его творение – Горного змия, чтобы покарать нерадивого правителя (человека).

Данник – выборный коган (правитель). Пообещавший де-

лать благие дела, на пользу Велико-Тартарского народа, но который заполучив власть, уклоняется от исполнения уговора или властные действия которого, приносят откровенное зло.

Верный коган на время – это управитель в древней Державе, Великой Тартарии. Назначенный народом на управление какой либо областью (каганатом) на заранее определённый, ограниченный срок.

Примерять Порфир заморский – образное выражение, означающее присвоение власти на неопределённый срок, присягнув на верность заморскому сюзерену (предательство своего народа и Родины). Изначально порфир, это камень бордового цвета. Королям (Римское, жидомасонское право) шили одежду и плащи бордового цвета, которые символизировали, верховную власть.

Сто восемь явных грехов – по верованиям Славян, такое количество порочных желаний сопровождает человека в физическом мире яви. Наихудшее из них, властолюбие. В глазах народа, человек узурпирующий власть, априори совершил все 108 грехов и по определению, нечист. Поэтому сопроводить нечистого узурпатора для наказания в Пекельную навь, может только посланец Велеса и Зверя-Скипера – 108 плубный (зубный) змий.

Три локтя длины – это 1 метр 35 сантиметров. Так как, один локоть, равен 45 сантиметрам. Значит $45 \times 3 = 1$ метр 35 сантиметров.

Четыре ладони – это толщина тюка в 40,6 сантиметра. Так как одна ладонь, приравнена к 10,16 сантиметрам. Значит $10,16 \times 4 = 40,6$ сантиметров.

Девять аршин – это длина крыла в 7 метров 12 сантиметров. Потому, что один аршин, равен длине руки, вытянутой в сторону. От её плеча, до кончика указательного пальца. Приравнен к 79,12 сантиметрам. Отсюда определяем $79,12 \times 9 = 7$ метров, 12 сантиметров.

Посчитав на пальцах – или Пальцевый счёт. Раздел Славяно-Арийской Арифметик. Который позволяет, эффективно производить математические вычисления, без письменных приборов (бумаги и ручки).

Час обести – День, 13 часов (Обесть) в сутках Славяно-Арийского числоврата. Трапеза, время принятия пищи. Соответствует 14.30-16.00 часам, на циферблате Шумерских часов.

Час утдаини – День, 15 час в сутках Славяно-Арийского числоврата. Время окончания деяний. Соответствует 17.30-19.00 часам, на циферблате Шумерских часов.

Час поудани – День, 16 час в сутках Славяно-Арийского числоврата. Завершённый путь дня (конец суток). Соответствует 19.00-20.30 часам, на циферблате Шумерских часов.

Явства – еда, пища.

Час паобедъ – Вечер. Первый час новых, Славяно-Арийских суток (начало нового дня). Соответствует 20.30-22.00 часам, на циферблате Шумерских часов.

Стрелень – другое название, стрелкового лука (тужня), либо его части. Лук состоит из двух частей: упругого рычага (плеча), который в том числе, называется стрельнем и тетивы.

Мягкая рухлядь – это пушнина. Бывшая в ходу, для взаиморасчётов в торговле.

Ниць – Вечер, 3 час в сутках Славяно-Арийского числоврата. Нечётное время Трёх лун. Соответствует 23.30-1.00 часам, на циферблате Шумерских часов.

Полниць – Вечер, 4 час в сутках Славяно-Арийского числоврата. Полный путь ночных лун. Фатты, Лели и Месяца. Соответствует 1.00-2.30 часам, на циферблате Шумерских часов.

Заутра – Ночь, 5 час в сутках Славяно-Арийского числоврата. Звёздное утешение росы. Соответствует 2.30-4.00 часам, на циферблате Шумерских часов.

Ратное умение «Девять частей подани» – это прием восстановления жизненных сил за 9 частей одного Славянского часа (6 мин), который принято выполнять в 16 час, Славянских суток. Одна часть Славянского часа, равна 37.5 секундам, в системе Шумерского счисления времени.

Заура – Ночь, 6 час в сутках Славяно-Арийского числоврата. Звёздное сияние, заря. Соответствует 4.00-5.30 часам, на циферблате Шумерских часов.

Вешние долы – лельные (весенние) долы или иначе, весенние луга и поля.

Заурница – Ночь, 7 час в сутках Славяно-Арийского числоврата. Окончание звёздного сияния. Соответствует 5.30-7.00 часам, на циферблате Шумерских часов.

Уда Чи – это энергия полового члена или седьмой энергетической чакры, которая у мужчин отличается от женской.

Варгана – это Славяно-Арийское название органа души (тела). По аналогии с богом Сварогом, при участии которого, была сварганена душа (тело) человека и его варганы (органы). Ввиду чего, любая варгана (орган) питается силой чи (энергией), которую преобразует в направленное, амплитудно-тональное излучение звука. Поэтому варганы душ (тел), рождённых на земле – звучат, а любая вакцина или УЗИ, нарушает последовательность: Чи-Варгана-Звук.

Склёпка – акробатический элемент, идентичный фляку. Только требующий меньшего места для выполнения, но физически более трудоёмкий. Потому что выполняются не на прямых, а на приближенных к голове, руках.

Полная круговерть – совокупность поочередно выполняемых акробатических элементов, объединённых в единую художественную композицию. Иначе – акробатическая связка.

Сорок сороков – это Славяно-арийская арифметика, в контексте повествования $40 \times 40 = 1600$ ударов сердца. Примерно, простоял на руках 15 минут.

Шуйцей и десницей – иначе левой и правой рукой, соответственно.

Потешный бой – в контексте повествования, совокупная система ударов руками и ногами, в движение с определённой геометрией, с изменяемым усилием и частотой.

Сваоръ – Утро, 9 часов в сутках Славяно-Арийского числоврата. Восход Ярилы (Жара), начало доброго дня в небесах. Соответствует 8.30-11.00 часам, на циферблате Шумерских часов.

Без задней мысли – расхожее в прошлом выражение. Означающее какое либо действие по наитию, без размышления.

На девять вёрст вокруг – расхожее в прошлом выражение. 1 верста 1,06 км.

Оттартал – расхожее выражение в Центральных землях Великой Тартарии или Туранской Тартарии. Означающее что-либо и куда-либо перевезти или оттащить. Туранская Тартария, соответствует современным поселениям Ангары (Эвенкия). В том числе Красноярск и Иркутск.

Честной народ – это народ, который честный и никого не обманывает. Поэтому заслуженно чествуемый и известный.

Юродивый – в изначальном, Славяно-Арийском значении, это глупый и алчный человек, который предал Веру Первопредков и был изгнан из своего Рода. Из за чего, стал посмешищем в глазах Православного люда. Юродивый мог принять христианство и служить как раб, своему господину.

Столповые Велико-Тартарские Рысичи – имеется ввиду Корневой род Славян с берегов Священного Енисея. По-

конных Владык Мидгард-Земли. Которым она досталась по наследству, от Первопредков Славяно-Арийской Расы, вышедших из Даарии в Расению.

Шумерская математика – имеется ввиду однобокость, семитских математических формул, которые обоснованы Евклидовой геометрией. В том числе, жалкие потуги Финслеровой геометрии с метрикой Бервальда Моора.

Недоуздок – это уздечка без удил и с одним поводом.

Локтевое кругало – славянский циркуль, с длиной опорной ноги в 45 сантиметров.

Воинские одежды – предназначенные для повседневной носки. Особо прочные: шапка, кафтан, порты и сапоги.

Ратные доспехи – это средства индивидуальной защиты, воина или богатура, во время боя.

С вершковой толщиной туженя – это лук с диаметром, поперечного сечения, равным 44,5 миллиметра. Поскольку в Славянских мерах, один вершок, приравнен к длине основной фаланги, указательного пальца.

Царство Киэнги – это древняя область в Южной Месопотамии, на территории современного Ирака. Население которой, исследователи стали называть Шумерами.

Нокоток – или по-современному – ноготок. Славянская мера длины, приравненная к 11, 11 миллиметрам.

Чарка – это Славянская мера жидкости. Приравненная к 0,123 литра.

Гранец – это Славянская мера объёма сыпучих тел, при-

равненная к 3,27 литра.

Кибить – это нечто округлое. Расхожее слово в Малой Тартарии, граничащей с басурманами. Может означать полукружие лука и жердь кибитки (телеги). Крытой от дождя, льняной холстиной или кожей.

Боги Славян

Род (Небесный) – Творец и создатель Вселенной. Создав Миры, в дальнейшем не принимает участия в земных делах людей. Наделив всё живое атмами, частичками своего Изначального огня – Агни или Инглии. По некоторым сведениям, недвижно сидит на Вершине Мирового Дерева в виде огромного сокола с белоснежным оперением.

Белобог и **Чернобог** – помощники, которых создал Род. Белобог подвигает людей на добрые дела, Чернобог – на злые.

Сварог – Главный бог славянского пантеона. Бог Неба, небесной тверди. Творец земных законов Права.

Дажьбог – бог белого дневного света, Солнца.

Перун (Громовый бог) – сын Сварога. Бог грозы и молний, покровитель воинов и воинских дружин. Передвигается по небу в колеснице запряженной вороными конями. И имеет оружие – исполинскую двойную секиру. От удара которой небосвод рассекают блискавицы. Перуницы – молнии (Искры).

Стрибог – бог ветров. А множество ветров, это – Стрибожьи внуки.

Велес (Волос) – самый старый бог славянского пантеона, по другому – Волохатый. Повелитель зверей, домашнего скота и целительства. Бог богатства и торговли (Скотница –

сокровищница). Имеет косвенное отношение к плодородию земли. Выглядит как – Муж с длинной седой бородой, в овчине с рогом изобилия в правой руке и с кнутом в левой. Иногда изображается в виде огромного тура или медведя.

Пряхи (Две сестры Среча и Несреча) – одна прядет нити жизни тварного мира, другая ткёт из них ткань бытия. (Обрезание нити приводит к смерти живого существа). «Будущее каждого человека, как множество дорог, расходящихся от перекрестка. Каждый наш выбор создает другой вариант будущего, но только в частностях. По какой бы дороге ты не шел, в конце концов, приходишь к тому, что тебе уготовано. Это уже судьба».

Переплут – морской бог, а волны его слуги.

Жива (Мать сыра Земля) – мать богов, всего сущего на Земле, дающая жизнь (Богиня Природы).

Мокошь – богиня женского достатка, женских дел и ремесел.

Лада – богиня любви и дочь Мокоши.

Семаргл – бог, иногда ему придают образ крылатой собаки, посланец Сварога. (Охранник прорастающего зерна).

Лель и Полель – дети Лады.

Чур (Кон, Щур или Пращур) – бог черты, рубежа или границы. Покровитель предков, которого почитают потомки. Например, выражение: «Чур меня, чур!», означает: «Предки, защитите (оградите) меня от нечистого!».

Навыи божества

Лесовик – изображается в виде бородатого мужика в овчине (В виде еловой шишки с ногами и руками – сучьями).

Шишига (Шуршавчик) – мелкий лесной дух.

Кикимора (Болотная). Есть Кикимора домашняя, помогающая женщинам в ведении домашнего хозяйства. Может наслать тяжелые сны.

Упырь – болотный дух.

Чёрт (Лесной) по другому – Нежить.

Баюнок – дух легких и радостных сновидений.

Вий (Ний) – это помощник Чернобога. Насыляет кошмары.

Мороз (Морозко) – леденец или карачун.

Водяной – бог рек, озер.

Вилы – озерные духи.

Домовой – домашний дух. (Конюшеник, овинник, суседка и дид – того же рода).

Кашей (Бессмертный) – полубог смертного окостенения и замораживания.

Змей Горыныч – ранее жившее существо. По другому, может олицетворять образ, чужеземного бога или некоего враждебного славянам, учения. Так же может служить индизказательным образом, обозначающим находников (захватчиков) из степи.

Полкан – Кентавр (лошадь с туловищем и головой человека).

Прочие древнеславянские термины

Богатырь (совр.) – Боготур (Божий бык) или витязь. Иначе – Рыцарь.

Авега – знающий движение, путь или дорогу.

Га – означает движение (Нога, телега, дорога, Волга, Онега, Ладога).

Русь (Рось) – светлая (роса).

Ра – это Солнце. К-ра-сота, Ра-дуга, п-ра-вда, ве-ра, к-рай, ко-ра. Иначе это солнечное божество или например: «У – Ра!» – боевой клич Славян и Ариев. Другая производная этимология: на-род, род-ник и род-ина.

Арарат – по смыслу это то, что соединено землёй и солнцем. Ар – это земля и Ра – солнце или солон-цы (хлеб и соль). Народы, почитающие землю и солнце, называют себя Арарами или Ариями или иначе – Арами.

Аррать – пахать землю, добывать хлеб и соль.

Вар (В – ар! (в землю!)) – это боевой клич Ариев. Ещё означает тепло или земной огонь, если рассматривать как синоним слова «жар», жарить, варить, жар-птица.

Ура (У-Ра!) – это прославление солнца, торжество света.

Увы – означает «У тьмы». Или выражение: «Иду на вы!», означает : «Я иду сражаться со тьмой!».

Ближник бога – это его служитель, волхв или ведун.

Печальник – тот кто печётся, заботится или страдает во

славу своего бога.

Било – толстое полое бревно, подвешенное к перекладине. (Деревянный колокол).

Сполох – сигнал тревоги.

Оратай (Ратай) – пахарь, земледелец.

Сторонники – добровольцы, это люди сельского или городского ополчения.

Итиль-Хан – так звали Великого кагана Хозарии.

Рожен – наконечник копья, рогатины.

Комонники – всадники, наездники или половецкие находники.

Гривна – денежная единица Киевской Руси. Слиток серебра весом чуть более 400 граммов.

Золотая Гривна (Серебряная гривна) – это знак почёта, награждались отличившиеся в боях воины. Плетёный обруч.

Чело – это часть головы, выше бровей или передовой отряд войска, его авангард.

Романия – Византия.

Исполать – слава!

Зозуля – кукушка.

Фессальская земля – Италия.

Живот – жизнь.

Вежа – кибитка кочевника, шатёр или жилище кочевого Скандинавского народа саамов.

Буесть – крепкий металл, булатная сталь.

Динар – арабская монета, имевшая хождение в Хозарии,

Руси и Булгарии.

Бармица – кольчужное оплечье.

Ясырка – невольница или рабыня.

Искандер Зулт-Карнайн – так звали на Востоке Александра Македонского.

Баба Яга – это лесная ведунья, которая имеет связь с мирами нави и прави.

Пардус – гепард.

Шабер – сосед.

Поруб – погреб, тюрьма.

Примет – это насыпь, которую делали возле городской стены во время осады города. Другой раз, вязанка хвороста или каких-либо жердей для забрасывания рва.

Заборол – частокол наверху крепостной стены для защиты от стрел противника.

Вымол – пристань.

Корзно – плащ знатных людей.

Тать – разбойник.

Тьма – десять тысяч.

Сбеги – беженцы.

Мечники – чиновники в Киевской Руси, исполнявшие полицейские функции.

Веверица – беличья шкурка (денежная единица).

Чадь Нарочитая – городская знать.

Цежа с сытою – квас смешанный с медом или освежающий напиток из воды, ягод и ягодного сока.

Подстяга – обряд посвящения сына в наследники боевой славы отца. Когда трехлетнего мальчика провозили верхом на коне вокруг воткнутого в землю копья со стягом на конце.

Подколенный – подчиненный, зависимый.

Челядь – слуги или подневольные люди.

Рядович – человек работающий по договору (ряду).

Аксамит – бархат.

Адамашка – шёлк.

Паволока – парча.

Пасынок – младший княжеский дружинник, прошедший посвящение в воины.

Бирюч – глашатай.

Лунница – ожерелье.

Огурство – своеволие.

Яруг – овраг, балка, рытвина.

Могут – богатырь, силач, атлет.

Карапшик – буквально «чёрная кошка» или разбойник, лихой человек.

Великокняжеский стяг – барс в прыжке на червлёном поле над перекрестьем из трех молний.

Пурпурный цвет одежды или обуви, щитов, стягов – это признак княжеской принадлежности.

Голубой цвет одежды – носили ближние бояре, воеводы.

Зеленый цвет одежды – в войске, носили тысяцкие.

Жёлтый цвет одежды – носили сотские вои, старцы

градские или купцы.

Коричневый цвет одежды – носили старосты, мытники и десятские.

Белый, серый, черный цвет одежды – носили смерды, закупы, рядовичи и ремесленники.

Фотография в книге

На фотографии в книге, запечатлён мой прадед (отец моей бабушки) Слишин Адам Николаевич (1881-1946) с родственниками. Латыш по национальности. Уроженец деревни Комугрива, Аютенского уезда, Витебской губернии, Российской Империи. Фотография сделана в деревне Конок, Канского уезда, Енисейской губернии в Российской губернии. Мой прадедушка был противником Советской власти, за что поплатился, вместе со старшим сыном: Бронеславом Адамовичем Слишиным. Который в отличие от отца, был расстрелян в городе Красноярске. Мой личный фотоальбом (автора).

Фотокопия документа

На фотокопии, справка об освобождении, моего прадеда Слишина Адама Николаевича из Исправительно-Трудового Лагеря Байкало-Амурской Магистральной. Мой личный фотоальбом (автора).

Обложка книги

Для оформления обложки книги используется фотография, сделанная моим двоюродным дедом, Слишиным Виктором Адамовичем, в Заполярном городе Норильске. На площади, перед Управлением Горно-металлургического комбината, имени А. П. Завенягина. В 1970-х годах прошлого века. Мой личный фотоальбом (автора).